

ИЗ
ЗОЛОТЫХ КЛАДОВЫХ
МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

Голубиная книга

Русские народные
духовные стихи
XI-XIX веков

Голубиная книга

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1991

ИЗ ЗОЛОТЫХ КЛАДОВЫХ МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

Д О Д У Б И Н А Я К Н И Г А

Русские народные
духовные стихи
XI-XIX веков

Московский рабочий
1991

ББК 84
Г62

Разработка серии *А. В. Парина*

Редколлегия серии:

М. Н. Ваксмахер, Е. В. Вигковский, М. Л. Гаспаров, А. Н. Горбунов, Б. В. Дубин, А. М. Зверев, И. Ю. Подгаецкая, Е. М. Солонович, В. Л. Топоров.

Составление, вступительная статья, примечания

Л. Ф. Солощенко и Ю. С. Прокошина

Г62 **Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI—XIX вв. / Сост., вступит. статья, примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. — М.: Моск. рабочий, 1991. — 351 с. — (Из золотых кладовых мировой поэзии).**

Сборник представляет собой впервые в советское время издаваемое собрание народной песенной поэзии, основанной на религиозных темах и сюжетах. Этот пласт фольклора, главными носителями которого были странствующие «люди Божьи» — калики перехожие, — складывался в русской культуре на протяжении многих веков и отразил характерные для массового сознания представления о христианской вере и связанных с нею нравственных основах жизни. Наряду с широко распространенными во множестве вариантов и особенно любимыми народом стихами «Голубиная книга», «Егорий Храбрый», «Алексей, человек Божий», «Сон Богородицы» в книгу вошли также редкие образцы религиозных песен. Тексты публикуются по выходившим в XIX в. сборникам духовных стихов П. Киреевского, П. Якушкина, В. Варенцова, П. Бессонова и обширным материалам русской периодики XIX — начала XX в.

Г 4702010105—085
M172(03)—91 Без объявл.

ББК 84

ISBN 5—239—01136—2

© Составление, вступительная статья, примечания
Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошин, 1991

«Словеса золотые»

Такой подзаголовок дал Е. А. Ляцкий составленному им сборнику народных «стихов духовных», который вышел в Петербурге в 1912 г. Это образное название, родившееся в атмосфере «серебряного века» русской культуры, впервые столь просто и ясно указывало на непреходящую художественную ценность того огромного пласта народной словесности, собиранием и изучением которого в XIX — начале XX в. были заняты этнографы и филологи, университетские профессора и студенты, преподаватели гимназий и учителя сельских школ, а также многочисленные любители народной поэзии — истинные почитатели старины русской и патриоты отечества.

Образованному человеку XIX в. духовные стихи не без оснований представлялись важнейшей частью народного песенно-поэтического творчества. Не случайно первый из известных собирателей русского фольклора П. В. Киреевский, названный его другом, поэтом Н. М. Языковым, «своенародности подвижник просвещенный», из всей огромной коллекции, составленной им по записям разных людей (в их числе он называет Пушкина и Гоголя), для первого выпуска своих «Русских народных песен»¹ избрал именно духовные стихи. И хотя до сих пор ученые — филологи, фольклористы, музыковеды — ведут спор о том, представляют ли религиозные песни народа самостоятельный жанр или только особую тематическую группу

¹ Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. I. Русские народные стихи. М., 1848. Этот сборник — единственное прижизненное издание автора — положил начало публикациям духовных стихов, специально избранных из общего фонда записанной собирателями народной поэзии.

внутри безбрежного моря русского фольклора — среди былин, баллад, обрядовых и трудовых, исторических и лирических песен, — очевидным остается, что нигде, как в духовных стихах, «невежественный и темный» народ не запечатлел столь ярко свое, идущее из глубин коллективного духа-сознания понимание «веры крещеной», значение которой трудно переоценить для устройства и развития российской жизни на протяжении целого тысячелетия.

Народные песни на религиозные темы и сюжеты не были напрямую связаны с деятельностью официальной церкви или особенно ею поощряемы. То, что «народ ответил песней вносимому в его среду свету Христова учения», причем песней, глубоко укоренившейся за несколько веков в русском быте, Е. Аничков называл «уступкой христианства»: это, по его мнению, «если не компромисс, то приспособление»¹. Когда нищие слепцы — калики переходные, — основные носители и исполнители духовных стихов, располагались, например, у дверей монастырской церкви во время христианских праздников и больших молебнов, потчует народ православный своим искусством, проходивший мимо священник или монах мог только дивиться какому-нибудь из стихов о жизни и смерти с «ужасными» подробностями про мучения грешников в аду да сетовать в душе на «непросвещенность» простолюдина. Но конфликтов никогда не возникало, и «божьи люди», слепые странники, всегда оставались в почете у народа не только как «нищие Христа ради», но и как носители понятных и захватывающих душу откровений о жизни христианских мучеников и разных явлениях мира Божественного.

Вот какую картину каличьего пения нарисовал А. Радищев в главе «Калич» своего «Путешествия из Петербурга в Москву» (это первое подобного рода описание в русской художествен-

¹ Аничков Е. В. Из прошлого калик переходных. Спб., 1913. С. 185.

ной литературе): *«Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам-князь...— Поющий сию народную песнь, называемую Алексеем божиим человеком, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримого, заставляли взирающих на певца предстоять ему с благоговением. Неискусной хотя его напсв, но нежностью изречения сопровождаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше природе внимающих, нежели взращенные во благогласии души жителей Москвы и Петербурга внимают кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда клинский певец, дошед до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилося испускающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложной знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественной возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности.— О! природа,— возонил я паки...»*¹

Вслед за Радищевым с его искренним, руссоистским по духу восхищением мудрой безыскусностью «естественного человека» явилась в русском обществе XIX в. волна народолюбия, нараставшая с рождением и развитием идей от славянофильства 30—40-х гг. к почвенничеству 60—80-х. Она утвердила в умах потребность осмыслить органические истоки русской культуры, соотнести их с современной народной действительностью и той «искусственной литературой», которая была продуктом и достоянием образованных кругов. Вместе с рождением историче-

¹ *Радищев А. Н. Сочинения / Вступит. статья, сост. и коммент. В. Западова. М., 1988. С. 172.*

ского сознания в среде русской интеллигенции возникли и вопросы о происхождении духовных стихов, их месте и роли в повседневной жизни народа, возникло стремление понять особенности языка и склада религиозных песен, их образный мир и через все это — основы народного мировоззрения и мирозерцания, которые, складываясь сами, формировали духовную культуру развивавшегося в историческом времени огромного этноса великороссов.

Ученые и знатоки народной поэзии в спорах о происхождении, распространении и эволюции духовных стихов не могли, естественно, обойти важнейшие события русской истории и, прежде всего, Крещение Киевской Руси в конце X в. Собственно говоря, и сегодня понять, что такое духовные стихи как традиция в народной культуре, возможно только через сопоставление разных сторон этого ключевого для судеб страны события.

Известно, что еще до того, как великий князь Владимир сбросил в реку поверженных языческих идолов, на Руси уже были, хотя и немногие, христианские общины. Существуют греческие и русские летописные свидетельства о первом (но не устоявшем как господствующая религия) обращении «народа русь» в христианскую веру еще в 60-е гг. X в. при князе Аскольде. Христианкой была мечтавшая об установлении родственных отношений с византийским двором княгиня Ольга — бабка и главная воспитательница Владимира Святославича. Упоминается в древних рукописных источниках и миссионерская деятельность греческих священников (естественная при установившихся торговых и государственных отношениях Киева с Константинополем), которая привлекала «кое-какой русский люд» — и, может быть, не столько содержанием христианских проповедей, сколько рассказами о чудесах и Страшном суде. Это «предварительное» христианство, бесспорно, сыграло определенную роль в восприятии народом введения новой веры — хотя бы потому, что она не была верой неизвестной.

С точки зрения перспектив исторического развития реформа Владимира укрепила непрочное объединение славянских племен, способствовала созданию прогрессивных форм государственности и необходимых времени феодальных отношений, в конечном счете включила Русь в ареал европейской культуры. Сам переход к новой религии по временным масштабам средневековья совершился довольно быстро. «Процесс христианизации,— пишет академик Б. Раушенбах,— протекал постепенно и, по современным оценкам, занял приблизительно 100 лет. С учетом размеров страны это очень малый срок: крестившимся почти одновременно с Русью Швеция и Норвегия потребовалось на это соответственно 250 и 150 лет»¹. Здесь идет речь о «верхней» — государственной — стороне дела, в котором успешному становлению и укреплению института церкви, его роли в управлении обществом во многом способствовали и опыт Византии, и опыт родственных южнославянских народов (болгар, сербов), крестившихся на столетие раньше. Но был еще и главный «низовой» субъект средневекового государственного устройства — огромное «безмолвствующее большинство», те простые смерды, которые возделывали землю, пасли скот и в своей естественной связи с природой не могли обойтись без магии языческих верований. «Люди же, крестившись, разошлись по домам», — эту фразу из «Повести временных лет» часто вспоминают, когда говорят о реакции народа на введение христианства, как бы подчеркивая, что реакция эта была никакая. Не все, конечно, и во внешней стороне реформы совершалось просто. За успешное обращение народа в новую веру было в первую очередь то, что греческих священников вели не чужие, не завоеватели, а свои русские люди, облеченные к тому же авторитетом княжеской власти. При этом всегда славившийся своей вольностью Новгород и здесь оказал со-

¹ Раушенбах Б. В. Сквозь глубь веков // Как была крещена Русь. М., 1990. С. 195.

противление: отправленным туда Владимиром Добрыней и Путье пришлось-таки действовать «огнем и мечом», разрушая языческие капища. Возникали еще на поверхности разных смутных событий возмутители спокойствия вслхвы, но по-настоящему серьезного и какого-то длительного сопротивления официально установленной «княжеской вере» не было, как не было и страшных гонений,— иначе народ не забыл бы мучителей. Он же в своих песнях назвал Владимира Красным Солнышком, поэтому представление о постепенности и внешней безболезненности распространения веры вполне может считаться исторически справедливым. В XIX в. склонны были, опираясь на народные представления, рисовать даже несколько идиллическую картину. По мнению Н. Порфирьева, то, что религия вносилась мирным устройством храмов и благопоощрительной проповедью, в памяти народной закрепилось через духовный стих в образе деяний Егория Храброго: «В Георгии, надо думать, народ представил вообще тип тех духовных богатырей, героев веры и просвещения, которые в древние времена повсюду являлись в одежде инока и мирянина, в саге князя и епископа, просвещали дикие племена Руси, распространяя между ними веру, строя города, церкви, монастыри и пустыни»¹.

Установившийся до христианства порядок повседневной жизни народа, его обычаи вносили в эту картину существенные коррективы. Можно согласиться с О. Миллером, что сложившаяся еще во времена языческие общинность подготовила почву для христианства и способствовала сравнительно быстрой его восприимчивости русским народом², добавив к этому современную точку зрения о складывавшейся в русских языческих племенах тенденции к единобожию. Однако и эта «низо-

¹ Порфирьев Н. Егорий Храбрый // Былины. Спб.: Изд. И. Глазунова, 1904. С. 186.

² См.: Миллер. О. Единство русского богатырского эпоса // Былины. Спб.: Изд. И. Глазунова, 1904. С. 148—149.

вая предрасположенность» не могла смягчить неизбежного внутреннего конфликта вер, представлявших исторически разные уровни религиозного сознания. Реальным и трудноразрешимым для новой церковной культуры оказалось противоречие, обозначенное Е. Аничковым в антитезе: «непечатое никакой цивилизацией и незадронутое варварское язычество с одной стороны, а с другой — уже вполне сложившееся, выхоленное долгим преданием, очищенное вселенскими соборами от всех входящих или еретических прений, властное и торжественное, покоящееся на прочных устоях церковности и государственности христианство Византии. Никогда, нигде, ни в какой географической или хронологической связи не представляется эта антитеза более резко»¹. Противостояние язычества и христианства известно было всему европейскому средневековому миру. Оно неизбежно порождало двоеверие — народное христианство со всевозможными примесями старых культов. Но европейская церковь прошла многовековой путь до того момента, когда Русь стала христианской. И паверное, следует согласиться с Е. Аничковым, что антитеза вер предстала на русской почве особенно резко, добавив к этому, что она не могла не породить и каких-то особых форм в народной культуре. Именно здесь, думается, надо искать корни древа народного духовного стиха, давшего такие обильные и яркие плоды, каких не могла и представить себе постепенно, реформаторски развивавшая у себя религиозные воззрения Западная Европа.

Не существует никаких достоверных исторических свидетельств об исполнении и тем более о процессе создания ранних духовных стихов. Гипотезы дореволюционных исследователей и современные представления о появлении памятников народной религиозной поэзии отличаются самым широким разбросом мнений как по поводу истоков традиции, так и о вре-

¹ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. Спб., 1914. С. XXXIII.

мени возникновения отдельных стихов. Напомним, что весь основной круг известных сегодня духовных стихов был зафиксирован в XIX в., когда традиция народного религиозного песнетворчества уже давно сложилась и, по общему мнению, находилась в стадии естественного угасания. Диапазон разногласий о ее начале доходит в научной литературе до спора о нескольких веках. Представители мифологического направления в литературоведении XIX в. относили возникновение духовных стихов к древнейшему времени и склонны были видеть в них языческие корни, точнее — находили в архаичном русском быте и связанных с ним воззрениях основу, на которой складывалась, как сказали бы современные структуралисты, «порождающая модель» духовного стиха. И. Некрасов, например, был убежден, что стихи пели еще до Крещения и при Владимире¹. Исследователи историко-литературного направления считали, что духовные стихи связаны с первыми веками распространения христианства и письменности на Руси, подчеркивая тем самым роль книжности в формировании народных религиозных песен. Распространение получила и точка зрения, согласно которой определяющей для становления духовных стихов стала эпоха укрепления и централизации Московской Руси. «XV—XVI век был временем если не появления, то во всяком случае развития нашего духовного стиха в той его форме, в какой мы до сих пор его знаем»², — писал М. Н. Сперанский. Наконец, встречаются, нередко без достаточных обоснований, указания на происхождение народной религиозной поэзии в XII—XIII, XIII—XIV вв. и даже в XVII в.

¹ См.: Некрасов И. Ю. Замечания по поводу русского народного сказания о 12-ти пятницах: К вопросу о происхождении духовных народных стихов // Филологические записки. 1870. № 3. С. 1—26.

² Сперанский М. Н. Русская устная словесность. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера: Пособие к лекциям на Высших женских курсах в Москве, М., 1917, С. 361.

В небольшом предисловии не место для подробного рассказа о всех существующих концепциях и детального объяснения своей точки зрения. Отметим лишь, что нам не кажется невероятным возникновение духовных стихов в домонгольское время, причем все необходимые условия для начала традиции вполне сложились, на наш взгляд, к концу XI в. Действительно, если считать, что официальное утверждение христианства на Руси свершилось за 100 лет, то основным взрослым населением страны (заметим, еще вполне языческим по реальным воззрениям) государственная религия могла в это время восприниматься уже как данная от века. Средний срок жизни тогдашних русичей был почти в два раза меньше современного, поэтому к концу XI в. в родовой памяти человека существовало представление, что при христианстве родились не только его отец и мать, но и деды. К тому же простолюдин средневековья не обладал таким же по качеству историческим сознанием, как мы сегодня. Крестьянин жил годовым природным циклом, и любая из установленных за два поколения до него традиций вполне могла казаться ему существовавшей всегда. Стоит ли возражать против естественного встречного движения языческой общины и церкви при отсутствии внешнего конфликта между ними? Да и русская церковь в XI в. уже во многом проявляла свою самостоятельность. В 40-х гг. первый русский митрополит — Илларион — не только активно руководит церковной жизнью, но и демонстрирует определенную духовно-христианскую зрелость, написав знаменитое «Слово о законе и благодати» — один из лучших памятников древнерусской письменности. Тогда же, при Ярославе Мудром, открываются первые русские монастыри и складывается отечественный институт монашества. Канонизируются первые русские святые, активно заполняется памятными христианскими датами церковный календарь. Наконец, складывается поощряемая церковью традиция «хожения во святые земли» — паломничество в Иерусалим, Константинополь и к христианским святыням в другие места.

Именно в среде первых паломников-калик¹, как считали многие исследователи, вероятнее всего могло зародиться пение духовных стихов. Древнейшие свидетельства о каликах восходят к Уставу Владимира, где они названы среди церковных людей. Известно летописное упоминание под 1163 г.: «ходиша из Великого Нова-города от Святей Софиі 40 муж калици ко граду Иерусалиму, ко гробу господню»² (эту запись иногда прямо связывают с духовным стихом «Сорок калик со каликою»). О паломниках, «ходящих по землям», упоминает и Лаврентьевская летопись под 1283 г. Знаменитыми русскими ходоками к святыням, оставившими письменные свидетельства о своем паломничестве, были игумен Даниил (ок. 1118 г.), Добрыня Ядрейкович (ок. 1200 г.) — будущий архиепископ Новгорода, мопах Стефан Новгородец (1350 г.) — тоже впоследствии ставший архиепископом Новгорода, и другие. Среди памятников древнерусской литературы есть жития святых паломников-калик Касьяна и Иоанна Авнежских, Дмитрия Прилуцкого, Кирилла Новоезерского.

Трудно предположить, что духовные стихи сочинялись теми странниками, которые имели прямое отношение к церковной иерархии. Но ведь ходили они, как правило, не одни, а «со товарищи». Часто первые калики составляли хорошо организованные дружины со своим атаманом, установленными порядками и судом, как это показано в стихе «Сорок калик со ка-

¹ Слово «калика», по общепринятому мнению, происходит от латинского «caligae» — так называли страннические сапоги с низким голенищем. Составитель самого обширного дореволюционного собрания духовных стихов П. Бессонов заменил в его названии это слово на другое, близкое и часто в устном произношении (при разных вариантах ударения) неотличимое от принятого в древнерусской письменности, — «Калекн переходже», — подчеркнув этим, что пение духовных стихов в XIX в. было «профессией» бродячих слепцов.

² Цит. по: *Дагниц Б. М.* Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси // *Очерки по истории русского востоковедения.* М., 1953. С. 191.

ликою». Походы конечно же сопровождались в этом кругу песнями и рассказами, причем в «общем котле» могли перемешиваться повествования начитанного в церковных книгах монаха и песенное искусство сказителя, для которого «грамотой» был народный героический эпос.

Вопрос о среде, в которой создавался духовный стих, всегда ставился в тесную связь с тем, каковы были его непосредственные источники. Ясно, что герои народной религиозной поэзии не являются плодом только самобытной фольклорной фантазии. Поисками первоисточников заполнена вся история литературоведения, занимавшегося изучением духовного стиха. Общий вывод, к которому привели многочисленные разыскания исследователей в анналах древнерусской книжности, заключается в том, что основой для духовных стихов послужили немногие из канонических христианских книг (Ветхий и Новый Заветы, некоторые «Слова», отдельные жития), но главным образом — широкий круг апокрифов: легенды, сказания и жития святых, не признанные церковью. «Отреченные книги», известные в русских изводах с самых первых времен христианства на Руси, как правило, не уничтожались после запрещения их церковью (материалы для письма, да и вообще любая рукопись просто сами по себе очень высоко ценились): апокрифы заполняли полки монастырских библиотек, некоторые из списков сохранялись в народе, составляя круг чтения немногих грамотных. Объясняя, почему столь привлекательными для древнерусского человека были апокрифы, из которых черпал в основном свои сюжеты духовный стих, А. Н. Пыпин писал: «Их интерес для старинных читателей заключался в поэтических добавлениях к библейской и евангельской истории, в рассказе о событиях, возбуждавших любопытство и о которых однако же ничего не говорили канонические книги, вообще в чудесном и легендарном, к которому было особенно склонно и жадно народное воображение, а также и суеверие»¹. В отно-

¹ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 2. Спб., 1891. С. 141.

шении к народной поэзии, как отмечает современный историк, важно то, что «апокрифы сами суть продукт преломления христианства через призму „языческого“ мировоззрения», эти тексты уже содержат «так называемое „двоеверие“, оно же „бытовое“ христианство, восточное и западное, представляющее собой переработку христианства в духе народного миропонимания, отразившего условия труда и быта непосредственных производителей средневекового общества»¹.

Если вернуться к созданию ранних духовных стихов, помня об их книжных истоках, то покажутся естественными сомнения и некоторая неопределенность в высказываниях ученых о тех, кто эти религиозные песни сочинял. Выдающийся филолог XIX в. Ф. И. Буслаев писал: «По очевидному влиянию книжному на состав духовных стихов надобно полагать, что они обязаны своим происхождением не простонародью вообще, а избранной массе, которая, впрочем, не составляла особого условия, а только случайно являлась в виде корпорации»².

И действительно, не просто представить себе, каким образом в реальной жизни культуры состоялось сочетание письменных источников с вольной фантазией устного творчества, когда грамотность вовсе не была широким достоянием народным. Е. Аничкову осторожное определение Буслаева — «избранная масса» — казалось неубедительным, и он настаивал на том, что для духовных стихов именно паломничество — «коренная, определяющая их значение среда»; исследователь проводил аналогию между русскими «старинами»³ и народными эпopeями европейских народов (в частности, старофранцузскими chansons

¹ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 10—11.

² Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. Спб., 1887. С. 455.

³ «Старины» — народное определение всей древней эпической русской поэзии без разделения ее на духовные стихи и «светские» былины.

de geste), в создании которых столь важен, по его мнению, «образ жонглера, сопровождавшего паломников»¹. А. Н. Веселовский считал, что наши калики переняли традицию пения духовных стихов от ходивших на Русь с юга богомильских странников и прочих проповедников еретических учений раннего средневековья². Обобщая множество разных точек зрения, Г. П. Федотов так характеризует среду создателей духовного стиха: «Первоначальными авторами стихов должны были быть люди или книжные, или, по крайней мере, если не начитанные, то наслышанные в церковной письменности. Однако свобода обращения их с церковными текстами и многочисленные искажения источников ставят их под чертой книжности, ниже среднего уровня древнерусской интеллигенции. Если под народом понимать низшие культурные слои его, то слагатели духовных стихов принадлежат не к народу, а к полунинтеллигенции или к народной интеллигенции»³.

В любом случае оказывается, что о среде, степени образованности, близости к простонародью или служителям церкви тех людей, которые заложили основу традиции духовного стиха, мы можем, как говорили в XIX в., судить лишь гадательно.

Для истории русского духовного стиха, пожалуй, важнее то, что на протяжении девяти веков своего существования фольклорная традиция религиозной поэзии не могла оставаться и не оставалась какой-то неизменной, раз и навсегда заданной как по среде бытования, так и по составу исполняемых стихов. Между ранним средневековьем и XIX в., когда религиозные песни народа во всем их многообразии впервые были зафиксированы в рукописях и публикациях, пролегла огромная эпоха, на протяжении которой менялись и формы жизни всех со-

¹ Аничков Е. В. Из прошлого калик переходящих... С. 186, 200.

² См.: Веселовский А. Н. Калики переходящие и богомильские странники // Вестник Европы. 1872. № 4.

³ Федотов Г. П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. Париж, 1935. С. 7—8.

словий общества, и культура разных его слоев, и образ мысли людей, в том числе их религиозные воззрения. Первые калки переходные сохранились в памяти народной в образе героев-богатырей. Слепые странники XIX в. — калки убогие — на них вовсе не похожи. Не столько по преданию, сколько по естественной жизненной необходимости объединялись они в артели, «атаманом» которой в новое время был, как правило, расчетливый и ловкий человек, хорошо знавший и «квалификацию» исполнителей (кто сколько стихов помнит), и наиболее выгодные места для сбора милостыни¹. Не читавшие книг, не видевшие церковного культа и всего храмового убранства с божественными ликами и изображениями христианских сюжетов, слепые певцы позднего времени могли быть в лучшем случае ревностными хранителями наследия, оставленного веками, которое воспринимали на слух от стариков. Конечно, подсознательная работа с текстами и напевами известных духовных стихов так или иначе свершалась в умах этих нищих, как это всегда бывает в устном творчестве: переставлялись фрагменты сюжетов, получали новые краски, а иногда наоборот — ветшали выразительные детали образов, подставлялись не бывшие ранее в ходу слова. Но вот своего, оригинального, если что и могли создать эти певцы, так по большей части собственно нищенские стихи: одни служили им своеобразной визитной карточкой («А мы нищая братия...»), другие содержали всякого рода поминания за здоровье и упокой, на что в народе всегда были особый спрос и особое подаяние. Странствовавшая с денгем духовных стихов в XIX в. «народная интеллигенция» отличалась простотой нравов и не мудрствовала лукаво. Потому Веселовский, характеризуя ее, с некоторой долей иронии цитировал один из вариантов стиха «Вознесение», согласно которому нищенство освящено именем самого Христа и за его величание

¹ О быте, характерах и «работе» нищих певцов в XIX в. см.: *Максимов С. В. Нищая братия // Максимов С. В. По русской земле.* М., 1989. С. 17—128.

обеспечено пропитанием: «Теперь они обратились в калек, сидят на распутиях, у церковных дверей, распевая старинные стихи и понимая в насущном смысле, что в них говорилось о благодатном питании словом Божиим:

Ты дай им свое святое имя:

Будут они сыты да пьяны»¹.

Многие из «первообразов» древних духовных стихов наверняка не сохранились. Традиция отбирала и шлифовала лишь то, что в любых условиях жизни отвечало не всегда осознаваемой потребности в вечных ценностях. При этом общерусский фонд народной религиозной поэзии пополнялся на протяжении всех веков ее существования, отражая, по мнению А. В. Маркова, настроения, верования, идеи того или другого века в русской истории, ведь «духовный стих, как и всякое другое литературное произведение, носит отпечаток эпохи, когда он создан или когда получил обработку, изменившую его первоначальный вид»².

Трудно охватить единым взглядом процесс становления и развития традиции, если она перед нами только в поздних записях. И все же кажется правомерным хотя бы предположительно выделить основные ее этапы, ориентируясь на главные вехи в истории русской культуры.

Первый период в истории духовного стиха простирается примерно до конца XV в., когда произошло окончательное освобождение народа от татаро-монгольского ига и открылись новые перспективы в развитии русской государственности и всех проявлений христианизированной культуры. В XI—XV вв. ду-

¹ Веселовский А. Н. Калики переходные и богомилские странники... С. 722.

² Марков А. В. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении // Богословский вестник. 1910. № 6. С. 358.

ховные стихи зародились и утвердились в древнерусской культуре как легендарные эпические сказания о христианских героях-святых («Егорий Храбрый», «Федор Тирон», «Дмитрий Солунский» и др.) и основах мироустройства («Голубиная книга») со всеми признаками былинного повествования, типичными формулами сказовости «старин» («Ой ты, гой еси, наш премудрый царь...») и общим светлым, жизнеустроительным пафосом подвигов и чудес, свершавшихся во имя христианской веры. Исходные в традиции духовного стиха сюжеты и темы не раз в последующие времена перерабатывались народными певцами и обогащались выразительными деталями, заимствованными из пестрого ряда апокрифических сказаний, а также из произведений изобразительных искусств — фресок, украшенной мастерами прикладного ремесла церковной утвари и, разумеется, иконописи.

В былинных «старших» стихах (как их называли литературоведы XIX в.) берут свое начало важнейшие нравственные устои народной веры, идеалы праведности и стоической преданности христианству в любых испытаниях. Главным содержанием эпических стихов становится описание героического мученичества за веру и ратных подвигов, завершающихся возведением храмов, прославлением божественных сил и чудотворцев. Пафос истинности веры, за которую борются герои стихов, не без умиления поддержан тем, что героями этими часто оказываются непорочные юнцы. Языческому «царицу бусурманищу» отважно противостоит отрок Егорий. Когда Федор Тирон просит у отца, царя Костянтина Сауиловича, благословения на битву с силой неверной, тот отвечает ему сокрушаясь:

Ой ты еси, чадо милое!
Млад человек Федор Тирин!
Малым ты малешенек
И разумом тупешенек,
И от роду тебе двенадцать лет!
На боях ты не бывывал,

Кровавых ран не видывал,
На добре коне не спживал,
Сбруей ратной не владывал.

Но, согласно духовным стихам, не в уме и житейском опыте сила отважных героев, а в непоколебимости их веры. У «трехгодного без двух месяцев» младенца Кирика не сломить ее даже самыми страшными пытками:

Ай же вы, злы мучители
Царя Максимьяна!
И не поверю я в веру вашу,
И не поклонюсь я вашим богам-идолам,
Какой ответ со первого дни,
Такой ответ и до последнего дни.

Про многие «муки мученические» (в воде топили, на колесе вертели, под землю зарывали, в смоле или олове варили), через которые проходят Егорий и Кирик с матерью его Улитой, рассказывается не столько для того, чтобы потрясти воображение слушателя «страстями-ужасами», сколько для восторженного удивления спасительной силой Святого Духа, ведь как бы смертно ни пытали героя, он

Стоем стоит, сам стихи поет херувимски,
Голос у него по-архангельски.

Утверждению веры по-своему подчинена и эпическая картинность «старших» духовных стихов. Сквозь все перипетии развернутых легендарных сюжетов видна, может быть, главная задача этих сказаний — наглядно показать всемогущество небесных сил. Вражья рать некрещеная всегда обречена на поражение чудодейственным вмешательством: «един неверную силу побеждает» воскресший для защиты Салым-града от полчищ Мамаея святой Дмитрий Солунский; Никола-чудотворец выручает из царства Сарачинского захваченного язычниками Агрикова сына Василия, когда тот отправился «во святую соборную Божию церковь» помолиться Господу.

Очень важно то, что в ранней традиции всевластие небес не отчуждено фольклорным сознанием от земного мира. За этим всеобщим гармоническим единством и мотивом Божественного покровительства стоит еще и декларативно, без словесных заверений поданная идея патриотизма (христианские события нередко осмысливались народом как происходившие на Русской земле). Древнейшие духовные стихи — органичная часть всего героического эпоса, который у любого народа складывается как поэтическое оправдание исконности и незыблемости его истоков. Подвиги и деяния легендарных героев призваны символизировать то славное прошлое, на котором, по убеждению народному, «стояли и стоять будем». Русский христианский эпос — это в конечном счете «святая вера в святую Русь», в ее богоданность и неистощимость ее духовных богатств.

Особое место среди первых духовных стихов занимает «Голубиная книга» — «перл русской христианско-мифологической былины» (И. Ягич), «опоэтизированная сокращенная народная Библия» (В. Мочульский), «поэтическое введение в русскую народную словесность... в котором кратко и схематически собраны едва ли не все наиболее распространенные в ней апокрифические мотивы, повторяющиеся и разнообразящиеся потом в других духовных стихах, легендах, песнях, заговорах» (М. Беляев). «Голубиная книга» не содержит обычного для эпических стихов сюжетного повествования и целиком посвящена вопросам и ответам, посредством которых раскрывается величественная картина данного Богом мира.

Прикосновение к мудрости об устройстве вселенной происходит в торжественной атмосфере многолюдного собрания, куда «соезжались сорок царей со царевичем», другой знатный народ и много «людей мелких». Сугубая важность этого собрания подчеркнута тем, что «правду по писаному» о началах мироздания выясняют сам премудрый царь Давыд Евсеевич¹ и Воло-

¹ Имеется в виду библейский царь-псалмопевец Давид.

димир-князь, властитель земли Русской. Священный трепет охватывает присутствующих при раскрытии тайн ниспосланной небесами «великой книги Голубиной», которую писал «сам Иисус Христос». И здесь вступает в силу столь свойственное простому народу отношение к Священному Писанию, выраженное словами премудрого царя: в книге все про все сказано, но она так велика, что

Умом нам сей книги не сосметити
И очам на книгу не обозрити.

Ведь даже Исай-пророк

Читал он книгу ровно три года,
Прочел из книги ровно три листа.

Это, с одной стороны, как бы оправдывает неполноту познания сокровенных тайн, с другой — оставляет надежду на будущее их новое прочтение.

Полные варианты стиха содержат три тематических раздела. Первые два — космогонический «катехизис», в котором народное сказание самым причудливым образом соединяет мир Бога и святых с миром природы, сплавливая воедино воззрения христианские и языческие. Ответы на первую группу вопросов о небесных телах и стихиях (солнце, месяц, звезды, ветер, дождь) и происхождении человека подчинены одной главной мысли: «белый вольный свет зачался от суда Божия». Однако, хотя «у нас ум-разум самого Христа», но «тела наши от сырой земли». Включено сюда и необходимое средневековому сознанию оправдание предопределенности социальной иерархии: цари — «от святой главы от Адамовой», князья-бояре — от мощей его, а «крестьяны православные» — от колена.

Народная космогония в своем пристрастии к конкретному «что есть что», наряду с признанием исходной божественности мира, не могла обойтись без близкой основам естественной жизни темы первородства. Во всем, что существует и происхо-

дит на земле, фантазия сказителей видит родовую связь, идущую от материнского начала. Вторая группа вопросов и ответов посвящена матери-земле с ее горами, реками, озерами, деревьями, травами, зверьем, рыбами и птицами, а также главными символами божественного присутствия — церквями. Каждому явлению в этом ряду находится своя «мати», получившая право главенства то по связи с земными деяниями Христа, Богородицы или святых, то по силе власти над всем своим родом. Цельная картина, напоминающая изображения величественного древа жизни, здесь, как и в других эпических стихах, отражает гармоничность народного миросозерцания, но, может быть, именно в «Голубиной книге» ярче всего представлено неконфликтное сочетание «Христового учения» и древних родовых преданий: «основана земля Святым Духом» и «содержится словом Божиим», но стоит она, матушка, «на трех китах».

Завершающая стих притча о Правде и Кривде — замечательный образец диалектики народного мышления. Тяготы земные — все от Кривды, которая пошла по народу христианскому, сделав его «неправильным» и «злопамятным». Так говорится о настоящем, о той социальной неправде, которую в избытке видел народ. И все-таки «Правда Кривду переспорила», но как идеал (будущее) ушла на небеса. Справедливое возмездие ее неминуемо свершится на последнем Суде, и только живущая Правдой душа «наследует себе Царство Небесное».

Формирующееся с XV в. зрелое русское средневековье вступает в свои права с XVI в., воплотившись в культуре, феодальной политике и церковной организации централизованной Московской Руси. Сквозь превратности борьбы за царский престол, боярское сопротивление монархам, многотрудные богословские споры о вере, земельных владениях церкви и образе жизни, страсти своеволия Ивана Грозного и его опричнины постепенно проступают главные символы-устои Московии: суровый лик сильной государственной власти и законнически строгий императив жизни во Христе, на котором зиждется идеал

православного благочестия. С падением Византии рождается призванное утвердить богоизбранность Руси для истинной веры представление о Москве как третьем Риме. В атмосфере, последовательно сковывающей «излишнее» своеволие и свободу, свой более жесткий порядок приобретает сословная организация общества (в конце XVI в. с отменой Юрьева дня произойдет окончательное закрепощение крестьянства). Жизнь по «Домострою» и многочисленным церковным наставлениям придаст быту разных сословий, в том числе и быту крестьянскому (со всеми его сохраняющимися языческими чертами), тот завершённый образ патриархальности, который в последующие столетия нередко будут поминать как классический пример явленности «исконно русского духа».

Духовному стиху эпоха зрелого средневековья дала мощнейший толчок к развитию, который стимулировал традицию народной религиозной поэзии очень долго — не только до начала петровских реформ, но и позже, вплоть до заката ее в XX в., когда она была почти полностью вытеснена реалиями советского времени.

В истории русской культуры фольклорный духовный стих явился выразителем средневекового сознания. В XVII—XIX вв. он, безусловно, впитывает в себя веяния нового времени, что сказывается и в построении сюжетов, и в стилистике текстов и напевов, и в общей тенденции к лирической образности, к личностной окраске повествования. Но основой духовного стиха всегда оставалась средневековая по типу народная вера со свойственными ей нравственными законами, конкретными представлениями о божественных деяниях и грехах человеческих. И неудивительно, ведь низовая культура, кроме известной своей консервативности, просто не могла успеть за стремительными для нее темпами государственных преобразований и тем более за принципиально обособленной дворянской культурой, вкусившей от плода европейского просвещения.

В XVI—XVII вв., когда христианизация достигает самых

отдаленных уголков страны, духовные стихи получают самое широкое распространение в народной культуре. К этому же времени, по-видимому, относится и «профессионализация» калик переходящих, ряды которых пополняются в основном из крестьянской среды. Это уже не просто случайные люди. В общем распорядке — чем всяк человек живет и занят — «нищим Христа ради» находится свое законное место: хождение по городам и всям с непрерывным пением духовных стихов приобретает характер почитаемой «миссионерской» деятельности, высшее оправдание которой дается самими певцами в притче о молитве нищих ко Христу при его вознесении на небеса («Вознесение»). Калики лучше всех научены песням во славу «веры крещеной», но поют их теперь и крестьяне-земледельцы в своих избах, и оседлый городской люд, — кто по приверженности к пристойному для христианина образу и порядку жизни (в дни постов и праздников), а кто и просто по потребности душевной. Трудно с определенностью сказать, когда каличество стало делом людей физически увечных, хотя предрасположенность их к этому ремеслу вполне понятна. Причин, связанных с изменением в последние века существования традиции состава каличьей среды, может быть множество. Но очевидно, что слепые певцы вызывали к себе наибольшее сочувствие. Отрешенные от мира, они действительно казались бескорыстными носителями святого слова, а потому могли восприниматься народом как самые авторитетные исполнители духовных стихов: взамен земного зрения им свыше дана особая награда — дар духовного видения и причастности к Христовой правде.

Расширение круга тем, сюжетов и образов, которое происходит в духовных стихах с XVI в., связано с углублением и детализацией религиозных воззрений народа: глубже становится проникновение в сферу христианской этики, новым содержанием наполняются представления о небесных силах и святости, конкретизируется взгляд на картину грядущего конца света и грехи человеческие, полнее осмысливаются ритуаль-

ные правила вероисповедания и житейский путь спасения души.

Словно на перепутье времен в истории народной религиозной поэзии является в духовном стихе храбрый человек Аника-воин. Как все герои-богатыри, показывает он свою силушку миру христианскому, только подвиги его совсем не те, что у мужественных воителей во славу веры. Аника — бездумный и тщеславный разрушитель христианских городов, а главное — не падит этот герой-святотатец церковей соборных: много «лик Божиих поругавши» и «святые иконы переколовши», намерен он и «начальный град Ерусалим раззорити». Но жалок храбрый человек перед лицом нежданно явившейся ему на пути Смерти. В этом удивительном стихе дан уникальный для народной христианской поэзии образ героя несправедного, нечестивого и обращенное к простым смертным назидание, столь свойственное будущим стихам: молодецкая сила Аники-воина, как и все накопленные им богатства — ничто среди ценностей жизни вечной, и душа того, кто в гордыне своей осмелится сокрушать святых, будет неумолимо низвергнута во тьму глубокую, в огонь палящий.

Монументальные, сияющие чистыми красками житийные «фрески» ранних духовных стихов через показ ратных сражений и змеборчества, великих смертных мук и созидательной работы по устройству порядка земной жизни утверждали героический идеал христианского подвижничества. Зрелая традиция народной религиозной поэзии вносит еще одно очень важное понимание христианского подвига — аскетическое служение вере. При этом представление о святости как бы приближается к жизни: оно раскрывается на примерах человеческих судеб, внешние события которых не содержат элементов языческой фантастики и целиком определяются стремлениями праведной души героя.

Идеал аскетической святости полнее всего нарисован фольклорной фантазией в духовном стихе «Алексей, человек

Божий», который стал одним из самых распространенных и любимых в народе. В характеристике героя показаны важнейшие черты христианской праведности: жертвенное отречение от благ земной жизни с «максимализмом в исполнении церковного идеала» (Г. Федотов), презрение к гордыне и отказ от превосходства над людьми (Алексей меняет дорогую одежду на рубище нищего, в забвении оставляет красоту тела, смиренно принимает милостыню из рук бывших своих холопов), готовность спести любые страдания и несправедливость: «злые рабы» издеваются над неузнанным в родном доме Алексеем, не дают ему еды и помоями обливают, а он

Всю с радостью нужду принимает,
Сам Господа Бога прославляет.

Воплощенное в праведной жизни святого понятие христианской любви высвечивается стихом в мучительном сопоставлении с законом любви к «роду-племени». Алексей, отказавшийся от супружества и дорогих сердцу родителей во имя служения Господу, являет пример высшего бескорыстия и любви ко всем людям, но тем жалостнее для исполнителя и слушателей этой религиозной песни звучат после смерти человека Божия плачи-причитания его родных. Алексей, труженик и страдалец, в тяжелой доле лишает себя радости родственного утешения и ласки, и это настолько усиливает скрытую в его образе символику «агнца Божия», что неизбежно вызывает у всех внемлющих рассказу очищающие слезы сострадания и умиления, которые с таким искренним восторгом описывал Радищев.

Страдание и терпение, лежащие в основе всякого христианского подвига, являются одним из главных мотивов, движущих сюжетное повествование во многих житийных и близких к ним духовных стихах. Через них наглядно утверждается нравственная сила примера праведной жизни. Мученичество, безвинно принятое всеми страстотерпцами, о которых шла речь

(упомянем еще убиенных Бориса и Глеба), оправдывает их посмертное причисление к лику святых.

Однако безвишние страдания не всегда в духовных стихах прямо связываются с представлениями о святости. Им отводится важная смысловая роль и в раскрытии более широкой темы торжества добра над людским злом. Эта тема, намеченная в мотиве спасения из плена Агрикова сына Василия (верный христианин не может быть оставлен на поругание язычникам), развита зрелой традицией в «Стихе об Иосифе Прекрасном» уже не через противопоставление вер, а на основе нравственных антиномий. Народная поэзия по-своему интерпретирует библейское сказание об Иосифе, представляя героя изначально непорочным. Проданный завистливыми братьями в рабство, он в итоге странствий становится мудрым правителем и раскрывает на этом пути все добродетели своей души. За мытарства Иосиф награждается счастливой судьбой, а зло братьев по-христиански «наказывается» его великодушным прощением и царскими дарами. Закрывающие стих строки показывают, в чем, несмотря на житейские испытания, истинность человеческого призвания:

Он Богу был, свет, угоден,
Всему миру он добротен,
Угодно он Господу скончался.

Богатство в сочетании с добродетелями не вызывало в народе осуждения, но само по себе могло мыслиться в духовных стихах как чреватое греховностью. Поэтому царевич Иоасаф, подобно Алексею, человеку Божию, жертвует «юностью прелестной», своим «вольным царством», «белокаменной палатой» и казной золотой во имя терпеливого служения Богу, понимая, что «житие наше часовое», а «богатство временное». Но если повествование об Алексее несет на себе отсвет великих страданий и крестных мук проповедовавшего среди людей Христа, то стих об Иоасафе ставит иную задачу — воспеть ас-

кезу пустынножителства, путь для спасения души вдали от мирской суеты. В народном стихе нет плача страждущей души и рассуждений о созерцательном постижении Божественной правды, как, например, в пустынных покаянных стихах профессиональной певческой традиции, зато есть ясно направленное противопоставление ценностей: чем полнее отказ от земных радостей, тем ярче свет небес. Принимая на себя добровольные страдания («есть гнилую колоду», «испить болотную водицу») и терпеливый ритуальный труд («земные поклоны исправляти до своего смертного часа»), Иоасаф получает от матери-пустыни обещание:

Дарую я тебя золотым венцом,
Возьму я тебя, младый царевич,
На небеса царствовать,
С праведными лики ликovati!

Примером преподобной Марии Египетской духовные стихи оставляют надежду на спасение души аскезой пустынножителства и тем, кто некогда пребывал во грехе. Сверхившая «грехи великоблудные» Мария, покаявшись и приняв затворничество, в многолетних самоистязаниях ревностно истребляет порочную прелесть своей плоти:

Власы у нея до сырой земли,
Тело у нея — дубова кора.
Лицо у нея, аки котлино дно.

Но за этим страшным видом посвященному открывается ее чудесное преображение — символ прощения и предназначенности Царству Небесному: старец, к которому пришла Мария, чтобы рассказать о себе, на мгновение видит, как «жена просветилася, видом ангельским... открылася».

Христианские идеалы, выраженные в поступках и судьбах героев житийных стихов, для традиции народной религиозной поэзии явились той основой, на которой постепенно выросли

и получили конкретное воплощение народные представления о правилах христианского поведения в земной жизни и нравственной ответственности каждого человека за свершенные дела. Переход от максимализма идеальных образов к практике нравственной оценки повседневного людского бытия сопровождался расширением круга поэтических воззрений народа на христианское устройство вселенной, соотношение в ней сил земных и небесных, грешного мира и данного ему Божественного закона.

Среди новых стихов, которые появились в XVII — начале XIX в., выделяются три большие группы: это стихи рождественские и страстные, посвященные центральным событиям евангельского повествования о земной жизни Христа и Богородицы; стихи о грешной душе, раскрывающие проблему смерти и посмертного суда над каждой душой (так называемая «малая эсхатология»); наконец, поэтически воссозданные картины Страшного суда — общего Суда над всем человеческим родом («большая эсхатология»). Внутри этих групп варианты стихов нередко образуют композиционно самостоятельные сюжеты, каждый из которых высвечивает ту или иную сторону главной темы. Основные группы разносторонне дополняются стихами о покровительстве Богородицы и святых («Никола-святитель», «Стих про Царицу Небесную», «Покров», каличья «Молитва о благополучии скота»), о соблюдении установленных правил дня недели («Двенадцать пятниц», «Святая Пятница») и христианской символике («Стих о числах»), о богатстве и нищенстве («Два брата Лазаря», «Марко богатый»), благоверии и благочестии («Стих о вдовах», «Встреча инока с Христом», «Феодор, Давид и Константин Ярославские»), а также некоторыми стихами (в духе житийных) об исторических лицах, канонизированных русской церковью («Дмитровская суббота», «Александр Невский»).

Во всех этих стихах, пронизанных многочисленными смысловыми связями, общими мотивами и этическими установка-

ми, полно и объемно раскрылась та средневековая народная вера, которая в житийных песнях о святых и праведниках была лишь намечена, хотя и яркими штрихами¹.

Стихи, посвященные Христу и Богородице, выполняют в зрелой религиозной поэзии народа функцию своеобразного «символа веры»: они в сжатой форме отражают основные моменты миссии Христа — носителя Божественного закона и его исполнителя в высочайшем примере крестных мук. Религиозное чувство народа, наполненное священным страхом при созерцании подвига Христа, требовало очищающего душу милосердия, поэтому все страстные события пронизаны в духовных стихах сильнейшим по эмоциональной выразительности состраданием Богородицы. За страстной силой жалостной любви Матери к Сыну здесь стоят еще существующие для народной веры как бы в ином измерении отношения между идеальными качествами Отцовства и Материнства: суровости и неумолимости закона, данного Богом всем грешным, противостоит не отрицающее и не смягчающее его, но оставляющее надежду на «призрение» души милосердие Матери.

Наполненные многочисленными перечислениями грехов и добродетелей стихи о грешной душе призваны раскрыть значение ритуальных правил культа (посещение храма, молитва, пост, исповедь, причастие) в их связи с нравственными основами земной жизни и представлениями о спасении души. Грехи и добродетели детально конкретизируются прежде всего в очень важной для народного сознания сфере божественного материнства земли и родового закона; отдельные примеры охватывают также разные стороны социальной жизни (через представления о правде и неправде при распределении земных благ), наконец, затрагивают основополагающий устой религиозной нравственности — проявления христианской любви, ко-

¹ Подробно об особенностях народного осмысления христианской религии см.: *Федотов Г.* Стихи духовные...

торые с максимальной наглядностью воплощены в емком понятии милостыни.

В стихах о Страшном суде, где списки проступков человеческих против веры особенно весомы в своей сжатости, акцент перемещен с индивидуальной ответственности души на греховность всего мира людей. Пафос этой всемирной трагедии не уравновешен в народном сознании просветляющими картинками очищенного мира. Общность неизбежной для всех судьбы в потустороннем мире, сливающая души в едином страдании и сострадании, оставляет лишь слабое, неясное утешение свершением высшей справедливости.

Духовные стихи не отражают всех проявлений народной религиозности (есть еще легенды, устные поверья, пословицы, бытовая «смешанная» обрядовость), но, как считал Г. Федотов, они стали самым высоким воплощением в слове народной веры. «То, чем трагедия была для религиозной стихии эллинизма, тем был духовный стих для русской религиозной стихии: самым глубоким, самым проникновенным, самым мучительным ее выражением». В них воплотился «религиозный гений нации», и именно потому «многие из духовных стихов должны остаться среди высших созданий религиозной поэзии всех времен и народов»¹.

*Л. СОЛОЩЕНКО,
Ю. ПРОКОШИН*

¹ Федотов Г. Стихи духовные... С. 134.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Восходила туча сильна, грозная,
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадцати сажень.
Ко той книге ко божественной
Соходилися, соезжалися
Сорок царей со царевичем,
Сорок князей со князевичем,
Сорок попов, сорок дьяконов,
Много народу, людей мелких,
Християн православных,
Никто ко книге не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.
Приходил ко книге премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич:
До Божьей до книги он доступается,
Перед ним книга разгибается,
Все божественное писание ему объявляется.
Еще приходил ко книге Володимир-князь,
Володимир-князь Володимирович:
«Ты, премудрый царь, Давыд Евсеевич!
Скажи, сударь, проповедуй нам,
Кто сию книгу написывал,
Голубину кто напечатывал?»
Им ответ держал премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич:
«Писал сию книгу сам Иусе Христос,
Иусе Христос, Царь Небесный;

Читал сию книгу сам Исай-пророк,
Читал он книгу ровно три года,
Прочитал из книги ровно три листа».
«Ой ты, гой еси, наш премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич!
Прочти, сударь, книгу Божию,
Объяви, сударь, дела Божие,
Про наше житие, про свято-русское,
Про наше житие свету вольного:
От чего у нас начался белый вольный свет?
От чего у нас солнце красное?
От чего у нас млад-светел месяц?
От чего у нас звезды частые?
От чего у нас ночи темные?
От чего у нас зори утренни?
От чего у нас ветры буйные?
От чего у нас дробен дождик?
От чего у нас ум-разум?
От чего наши помыслы?
От чего у нас мир-народ?
От чего у нас кости крепкие?
От чего телеса наши?
От чего кровь-руда наша?
От чего у нас в земле цари пошли?
От чего зачались князья-бояры?
От чего крестьяны православные?»
Возговорит премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич:
«Ой ты, гой еси, Володимир-князь,
Володимир-князь Володимирович!
Не могу я прочесть книгу Божию.
Уж мне честь книгу — не прочесть Божью:
Эта книга не малая,
Эта книга великая;

На руках держать — не сдержать будет,
На налое положить Божий — не уложится.
Умом нам сей книги не сосметити
И очам на книгу не обозрити:
Великая книга Голубиная!
Я по старой по своей по памяти
Расскажу вам, как по грамоте:
У нас белый вольный свет зачался

от суда Божия,

Солнце красное от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного;
Млад-светел месяц от груди его,
Звезды частые от риз Божиих,
Ночи темные от дум Господних,
Зори утренни от очей Господних,
Ветры буйные от Свята Духа,
Дробен дождик от слез Христа,
Самого Христа, Царя Небесного.
У нас ум-разум самого Христа,
Наши помыслы от облац небесных,
У нас мир-народ от Адамия,
Кости крепкие от камня,
Телеса наши от сырой земли,
Кровь-руда наша от черна моря.
От того у нас в земле цари пошли:
От святой главы от Адамовой;
От того зачались князья-бояры:
От святых мощей от Адамовых;
От того крестьяны православные:
От свята колена от Адамова».
Возговорит Володимир-князь,
Володимир-князь Володимирович:
«Премудрый царь Давыд Евсеевич!
Скажи ты нам, проповедай:

Который царь над царями царь?
Кая земля всем землям мати?
Кая глава всем главам мати?
Который город городам отец?
Кая церковь всем церквам мати?
Кая река всем рекам мати?
Кая гора всем горам мати?
Который камень всем камням мати?
Кое древо всем древам мати?
Кая трава всем травам мати?
Которое море всем морям мати?
Кая рыба всем рыбам мати?
Кая птица всем птицам мати?
Который зверь всем зверям отец?»
Возговорит премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич:
«У нас Белый царь — над царями царь.
Почему ж Белый царь над царями царь?
И он держит веру крещеную,
Веру крещеную, богомольную,
Стоит за веру христианскую,
За дом Пречистыя Богородицы, —
Потому Белый царь над царями царь.
Святая Русь-земля всем землям мати:
На ней строят церкви апостольские;
Они молятся Богу распятому,
Самому Христу, Царю Небесному, —
Потому свято-Русь-земля всем землям мати.
А глава главам мати — глава Адамова,
Потому что когда жиды Христа
Распинали на лобном месте,
То крест поставили на святой главе
Адамовой.
Иерусалим-город городам отец.

Почему тот город городам отец?
Потому Иерусалим городам отец:
Во тем во граде во Иерусалиме
Тут у нас среда земле.
Собор-церковь всем церквам мати.
Почему же собор-церковь всем церквам
мати?

Стоит собор-церковь посреди града
Иерусалима,

Во той во церкви соборней
Стоит престол божественный;
На том на престоле на божественном
Стоит гробница белокаменная;
Во той гробнице белокаменной
Почивают ризы самого Христа,
Самого Христа, Царя Небесного,—
Потому собор-церква церквам мати.
Ильмень-озеро озерам мати:
Не тот Ильмень, который над Новым

градом,

Не тот Ильмень, который во Цареграде,
А тот Ильмень, который в Турецкой земле
Над начальным градом Иерусалимом.

Почему ж Ильмень-озеро озерам мати?
Выпадала с его матушка Иордань-река.
Иордань-река всем рекам мати.

Почему Иордань-река всем рекам мати?

Окрестился в ней сам Иисус Христос

Со силою со небесною,

Со ангелами со хранителями,

Со двенадцатьми апостолями,

Со Иоанном, светом, со Крестителем,—

Потому Иордань-река всем рекам мати.

Фавор-гора всем горам мати.

Почему Фавор-гора горам мати?
Преобразился на ней сам Исус Христос,
Исус Христос, Царь Небесный, свет,
С Петром, со Иоанном, со Иаковом,
С двенадцатью апостолами,
Показал славу ученикам своим,—
Потому Фавор-гора горам мати.
Белый латырь-камень всем камням мати.
На белом латыре на камени
Беседовал да опочив держал
Сам Исус Христос, Царь Небесный,
С двенадцати со апостолам,
С двенадцати со учителям;
Утвердил он веру на камени,
Распушал он книгу Голубиную
По всей земле, по вселенныя,—
Потому латырь-камень всем камням мати.
Кипарис-древо всем древам мати.
Почему то древо всем древам мати?
На тем древе на кипарисе
Объявился нам животворящий крест.
На тем на кресте на животворящем
Распят был сам Исус Христос,
Исус Христос, Царь Небесный, свет,—
Потому кипарис всем древам мати.
Плакун-трава всем травам мати.
Почему плакун всем травам мати?
Когда жидовья Христа распяли,
Святую кровь его пролили,
Мать Пречистая Богородица
По Исусу Христу сильно плакала,
По своему сыну по возлюбленном,
Ронила слезы пречистые
На матушку на сыру землю;

От тех от слез от пречистых
Зарождалася плакун-трава, —
Потому плакун-трава травам мати.
Океан-море всем морям мати.
Почему океан всем морям мати?
Посреди моря океанского
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента, попа римского:
На церкви главы мраморные,
На главах кресты золотые.
Из той из церкви из соборной,
Из соборной, из богомольной,
Выходила Царица Небесная;
Из океана-моря она омывалась,
На собор-церковь она Богу молилася, —
От того океан всем морям мати.
Кит-рыба всем рыбам мати.
Почему же кит-рыба всем рыбам мати?
На трех рыбах земля основана.
Стоит кит-рыба — не сворохнется;
Когда ж кит-рыба поворотится,
Тогда мать-земля восколыбнется,
Тогда белый свет наш покончится, —
Потому кит-рыба всем рыбам мати.
Основана земля Святыим Духом,
А содержится Словом Божиим.
Стратим-птица всем птицам мати.
Почему она всем птицам мати?
Живет стратим-птица на океане-море
И детей производит на океане-море.
По Божьему все повелению
Стратим-птица вострепенется,
Океан-море восколыхнется;

Топит она корабли гостиные
Со товарами драгоценными,—
Потому стратим-птица всем птицам мати.
У нас индрик-зверь всем зверям отец.
Почему индрик-зверь всем зверям отец?
Ходит он по подземелью,
Прочищает ручья и проточины:
Куда зверь пройдет,—
Тута ключ кипит;
Куда зверь тот поворотится,—
Все звери зверю поклонятся.
Живет он во святой горе,
Пьет и ест во святой горе;
Куды хочет, идет по подземелью,
Как солнышко по поднебесью,—
Потому же у нас индрик-зверь всем
зверям отец».

Возговорил Володимир-князь:
«Ой ты, гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич!
Мне ночесь, сударь, мало спалось,
Мне во сне много виделось:
Кабы с той страны со восточной,
Кабы с другой страны со полуденной,
Кабы два зверя собиралися,
Кабы два лютые собегалися,
Промежду собой дрались-билися,
Один одного зверь одолеть хочет».
Возговорил премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич:
«Это не два зверя собиралися,
Не два лютые собегалися,
Это Кривда с Правдой соходилися,
Промежду собой бились-дрались,

Кривда Правду одолеть хочет.
Правда Кривду переспорила.
Правда пошла на небеса
К самому Христу, Царю Небесному;
А Кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по свет-русской,
По всему народу христианскому.
От Кривды земля восколебалася,
От того народ весь возмущается;
От Кривды стал народ неправильный,
Неправильный стал, злопамятный:
Они друг друга обмануть хотят,
Друг друга поесть хотят.
Кто не будет Кривдой жить,
Тот причаянный ко Господу,
Та душа и наследует
Себе Царство Небесное».

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Да с начала века животленного
Сотворил Бог небо со землею,
Сотворил Бог Адама со Еввою,
Наделил питањем во светлом раю,
Во светлом раю жити во свою волю.
Положил Господь на их заповедь великую:
А и жить Адаму во светлом раю,
Не искушать Адаму с одного древа
Того сладка плоду виноградова.
А и жил Адам во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою
А триста тридцать три годы.
Прелестила змея подколодная,
Приносила ягоды с едина древа,—
Одну ягоду воскушал Адам со Еввою
И узнал промеж собою тяжкой грех,
А и тяжкой грех и великой блуд:
Согрешил Адаме во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою.
Оне тута стали в раю нагим-наги,
А нагим-наги стали, босешуньки,—
Закрыли соромы ладонцами,
Пришли оне к самому Христу,
К самому Христу, Царю Небесному.
Зашли оне на Фаор-гору,
Кричат-ревут зычным голосом:
«Ты Небесной Царь, Исус Христос!
Ты услышал молитву грешных раб своих,
Ты спусти на землю меня трудную,

Что копать бы землю копарулями,
А копать землю копарулями,
А и сеять семена первым часом».
А Небесный Царь, милосерде свет,
Опущал на землю его трудную.
А копал он землю копарулями,
А и сеял семена первым часом,
Вырастали семена другим часом,
Выжинал он семена третьим часом.
От своих трудов он стал сытым быть,
Обуватися и одеватися.
От того колена от Адамова,
От того ребра от Еввина
Пошли христиане православные
По всей земли светорусския.
Живучи Адаме состарился,
Состарился, переставился.
Свята глава погребенная.
После по той потопе по Ноевы,
А на той горе Сионския,
У тоя главы святы Адамовы
Вырастало древо кипарисово.
Ко тому-то древу кипарисову
Выпадала книга Голубиная,
Со небес та книга повыпадала:
В долину та книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцати пядей,
В толщину та книга тридцати пядей.
А на ту гору на Сионскую
Собиралися-соезжалися
Сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
И сорок калик со каликою,
И могучи-сильные богатыри.

Во единой круг становилися,
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомонович,
Сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
А сорок калик со каликою
И все сильные-могучи богатыри
А и бьют челом, поклоняются
А царю Давыду Евсеевичу:
«Ты премудрый царь Давыд Евсеевич!
Подыми ты книгу Голубиную,
Подыми книгу, распечатывай,
Распечатывай ты, просматривай,
Просматривай ее, прочитывай:
От чего зачался наш белой свет?
От чего зачалось солнце праведно?
От чего зачался светел месяц?
От чего зачалась заря утренняя?
От чего зачалась и вечерняя?
От чего зачалась темная ночь?
От чего зачались часты звезды?»
Проговорит премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич:
«Вы сорок царей со царевичем,
А и сорок королей с королевичем,
И вы сорок калик со каликою,
И все сильны-могучи богатыри!
Голубина книга не малая,
А Голубина книга великая:
В долину книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцати пядей,
В толщину та книга тридцати пядей,
На руках держать книгу — не удержать,
Читать книгу — не прочести.

Скажу ли я вам свою память,
Своей памятью, своей старою,
От чего зачался наш белой свет,
От чего зачалось солнце праведно,
От чего зачался светел месяц,
От чего зачалась заря утренняя,
От чего зачалась и вечерняя,
От чего зачалась темная ночь,
От чего зачались часты звезды.
А и белой свет — от лица Божья,
Солнце праведно — от очей его,
Светел месяц — от темечка,
Темная ночь — от затылочка,
Заря утренняя и вечерняя — от бровей
Божьих,

Часты звезды — от кудрей Божьих!»
Все сорок царей со царевичем поклонились,
И сорок королей с королевичем бьют челом,
И сорок калик со каликою,
Все сильные-могучие богатыри.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомонович:
«Ты премудрый царь Давыд Евсеевич!
Ты скажи, пожалуй, свою памятью,
Свою памятью стародавнюю:
Да которой царь над царями царь?
Котора моря всем морям отец?
И котора рыба всем рыбам мати?
И котора гора горам мати?
И котора река рекам мати?
И котора древа всем древам отец?
И котора птица всем птицам мати?
И которой зверь всем зверям отец?
И котора трава всем травам мати?»

И которой град всем градом отец?»
Проговорит премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич:
«А Небесной Царь — над царями царь,
Над царями царь, то Иус Христос.
Океан-море — всем морям отец.
Почему он всем морям отец?
Потому он всем морям отец,—
Все моря из него выпали
И все реки ему покорилися.
А кит-рыба — всем рыбам мати.
Почему та кит-рыба всем рыбам мати?
Потому та кит-рыба всем рыбам мати,—
На семи китах земля основана.
Ердань-река — рекам мати.
Почему Ердань-река рекам мати?
Потому Ердань-река рекам мати,—
Крестился в ней сам Иус Христос.
Сионская гора — всем горам мати,—
Растут древа кипарисовы,
А берется сера по всем церквам,
По всем церквам вместо ладану.
Кипарис-древо — всем древам отец.
Почему кипарис всем древам отец?
Потому кипарис всем древам отец,—
На нем распят был сам Иус Христос,
То Небесной Царь.
Мать Божья плакала Богородица,
А плакун-травой утиралася,
Потому плакун-трава всем травам мати.
Единорог-зверь — всем зверям отец.
Почему единорог всем зверям отец?
Потому единорог всем зверям отец,—
А и ходит он под землюю,

А не держут его горы каменны,
А и те-то реки его быстрые;
Когда выйдет он из сырой земли,
А и ищет он сопровитника,
А того ли люта льва-зверя;
Сошлись оне со львом во чистом поле,
Начали оне, звери, драться:
Охота им царями быть,
Над всемя зверями взять большину,
И дерутся оне о своей большине.
Единорог-зверь покоряется,
Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан — царем ему быть,
Царю быть над зверями всем,
А и хвост у него колечиком.
А нагай-птица — всем птицам мати,
А живет она на океане-море,
А вьет гнездо на белом камени;
Набежали гости корабельщики
А на то гнездо нагай птицы
И на его детушак на маленьких,
Нагай-птица вострепенется,
Океан-море восколыблется,
Кабы быстры реки разливались,
Топят много бусы-корабли,
Топят много червленные корабли,
А все ведь души напрасные.
Ерусалим-град — всем градам отец.
Почему Ерусалим всем градам отец?
Потому Ерусалим всем градам отец,
Что распят был в нем Иус Христос,
Иус Христос, сам Небесной Царь,
Опричь царства Московского».

ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ

Во граде было в Иерусалиме
При царе было при Федоре,
Жила царица благоверная
Святая София Перемудрая.
Породила она себе три дочери,
Три дочери да три любимые,
Четвертого сына Егория,
Егория, света, Храброго:
По колена ноги в чистом серебре,
По локоть руки в красном золоте,
Голова у Егория вся жемчужная,
По всем Егорие части звезды.
С начала было света вольного
Не бывало на Иерусалим-град
Никакой беды, ни погибели;
Наслал Господь наслание
На Иерусалим-град:
Напустил Господь царьща Демьянища,
Безбожного пса бусурманища.
Победил злодей Иерусалим-город,
Сечет и рубит и огнем палит,
Царя Федора в полон берет,
В полон берет, в столб закладывает.
Полонил злодей три отроцы,
Три отроцы и три дочери,
А четвертого чудного отрока
Святого Егория Храброго.
Увозил Егорья во свою землю,
Во свою землю во неверную.

Он и стал пытаться, крепко спрашивать:
«А скажи, Егорий, каковá роду,
Каковá роду, каковá чину?
Царского роду, аль боярского,
Аль того чину княжеви́нского?
Ты которой вере веруешь?
Ты которому Богу молишься?
Ты поверуй веру ты ко мне царю,
Ко мне царю, к моим идолам!»
Святой Егорий, свет, глаголет:
«Ты, злодей царище-бусурманище!
Я не верую веры твоей неверной,
Ни твоим богам, ко идолам,
Ни тебе, царицу бусурманицу!
Верую в веру крещеную,
Во крещеную, богомольную,
Самому Христу, Царю Небесному,
Во Мать Пресвятую Богородицу,
Еще в Троицу неразделимую!»
Вынимал злодей саблю острую,
Хотел губить их главы
По их плеча могучие:
«Ой вы, гой еси, три отроцы,
Три отроцы царя Федора!
Вы покиньте веру христианскую,
Поверуйте мою латынскую,
Латынскую бусурманскую!
Молитесь богам моим кумирским,
Поклоняйтесь моим идолам!»
Три отроцы и три родны сестры
Сабли острой убоялися,
Царицу Демьянищу преклонилися:
Покидали веру христианскую,
Начали веровать латынскую,

Латынскую бусурманскую.
Царице Демьянице,
Безбожный царь бусурманище,
Возгóворил ко святому
Егорию Хораброму:
«Ой ты, гой еси, чудный отроце,
Святый Егорий Хорабрый!
Покинь веру истинную, христианскую,
Поверуй веру латынскую!
Молись моим богам кумирским,
Поклоняйся моим идолам!»
Святый Егорий проглаголет:
«Злодей царице Демьянице,
Безбожный пес бусурманище!
Я умру за веру христианскую,
Не покину веру христианскую!
Не буду веровать латынскую,
Латынскую бусурманскую,
Не буду молиться богам твоим
кумирским,
Не поклонюся твоим идолам!»
На то царице распаляется,
Повелел Егорья, света, мучити
Он и муками разноличными.
Повелел Егорья во пилы пилить;
По Божьему повелению,
По Егориеву молению
Не берут пилы жидовские:
У пил зубья позагнулися,
Мучители все утомилися,
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тело соцелялося.
Восставал Егорий на резвы ноги —
Поет стихи херувимские,

Превозносит гласы все архангельские.
Возгбворит царице Демьянице
Ко святому Егорью Хораброму:
«Ой ты, гой еси, чудный отроце,
Святой Егорий Хорабрый!
Ты покинь веру истинную, христианскую,
Поверуй в веру латынскую!»
А святой Егорий проглаголует:
«Я умру за веру христианскую,
Не покину веру христианскую!
Не буду веровать во латынскую,
Латынскую бусурманскую!»
На то царице опалается,
В своем сердце разозляется.
Повелел Егорья в топоры рубить.
Не довлет Егорья в топоры рубить:
По Божию повелению,
По Егориеву молению
Не берут Егорья топоры немецкие:
По обух лезья преломилися,
А мучители все приутомилися,
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тело соцелялося.
Да восстает Егорий на резвыи ноги —
Он поет стихи херувимские,
Превозносит гласы архангельские.
Возгбворит царице Демьянице
Ко Егорию Хораброму:
«Ой ты, гой еси, Егорий Хорабрый!
Поверуй веру латынскую!»
А святой Егорий проглаголует:
«Я умру за веру христианскую,
Не покину веру христианскую!
Не буду веровать латынскую».

Царище Демьянище на него опалается;
Повелел Егорья в сапоги ковать,
В сапоги ковать гвозди железные.
Не добрѣ Егорья мастера куют:
У мастеров руки опускалися,
Ясные очи помрачались.
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тело соделялося.
А злодей царище Демьянище
Повелел Егорья во котел сажать,
Повелел Егорья во смоле варить:
Смола кипит, яко гром гремит,
А посверх смолы Егорий плавает;
Он поет стихи херувимские,
Превозносит гласы все архангельские.
Возгворит царище Демьянище:
«Покинь веру истинную, христианскую,
Поверуй мою веру латынскую,
Латынскую бусурманскую!»
Святой Егорий проглаголет:
«Я не буду веровать веру бусурманскую,
Я умру за веру христианскую!»
На то царище Демьянище опалается,
Повелел своим мучителям:
«Ой вы, гой еси, слуги верные,
Вырывайте скоро глубок погреб!»
Тогда же его слуги верные
Вырывали глубок погреб:
Глубины погреб сорока сажѣн,
Ширины погреб двадцати сажѣн.
Посадил Егорья во глубок погреб,
Закрывал досками железными,
Задвигал щитами дубовыми,
Забивал гвоздями полужѣными,

Засыпал песками рудожелтыми,
Засыпал он и притаптывал,
И притаптывал и приговаривал:
«Не бывать Егорью на святой Руси!
Не видать Егорью света белого,
Не обозреть Егорью солнца красного,
Не видать Егорью отца и матери,
Не слышать Егорью звона колокольного,
Не слышать Егорью пения церковного!»
И сидел Егорий тридцать лет.
А как тридцать лет исполнилось,
Святому Егорью во сне виделось:
Да явилось солнце красное,
Еще явилась Мать Пресвятая Богородица,
Святú Егорью, свет, глаголет:
«Ой ты еси, святой Егорий, свет,
Храбрый!

Ты за это ли претерпение
Ты наследуешь себе Царство Небесное!»
По Божьему повелению,
По Егория Храброго молению
От святá града Иерусалима
Поднимались ветры буйные.
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полужёные,
Разнесло щиты дубовые,
Разметало доски железные,
Выходил Егорий на святую Русь.
Завидел Егорий свету белого,
Услышал звону колокольного,
Обогрело его солнце красное.
И пошел Егорий по святой Руси,
По святой Руси, по сырой земле
Ко тому граду к Иерусалиму.

Где его родима матушка
На святой молитве Богу молится.
Приходил Егорий во Иерусалим-город.
Иерусалим-город пуст-пустехонек:
Вырубили его и выжегли!
Нет ни старого, нет ни малого.
Стоит одна церковь соборная,
Церковь соборная, богомольная.
А во церькови во соборной,
Во соборной, богомольной
Стоит его матушка родимая
Святая Софья Премудрая,
На молитвах стоит на Иисусовых:
Она Богу молит об своем сыну,
Об своем сыну об Егорию.
Помолимши Богу, оглянулася;
Она ўзрела и усмóтрела
Свово чаду, свово милого
Святá Егорья, света, Храброго;
Святú Егорью, свет, глаголует:
«Ой ты еси, мое чадо милое,
Святой Егорий, свет, Храбрый!
Где ты был, где разгуливал?»
Святый Егорий, свет, глаголует:
«Ой сударыня, моя матушка,
Святая Премудрая Софья!
Был я у злодея царища Демьянища,
Безбожного злодея бусурмапища,
Претерпел я муки разные,
Муки разные, разноличные.
Государыня моя матушка,
Святая Софья Премудрая!
Воздай мне свое благословение,—
Поеду я по всей земле светлорусской

Утвердить веру христианскую!»
Свету Егорию мать глаголет:
«Ты поди, чадо милое!
Ты поди далече во чисты поля,
Ты возьми коня богатырского
Со двенадесять цепей железных
И со сбруею богатырскою,
Со вострым копьем со булатным
И со книгою со Евангелем».
Тут же Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Бусурманскую веру побеждаючи,
Наезжал на леса на дремучие.
Леса с лесами совивалися,
Ветья по земле расстипалися —
Ни пройдтти Егорью, ни проехати.
Святой Егорий глаголет:
«Вы лесы, лесы дремучие!
Встаньте и расшатнитесь,
Расшатнитесь, раскачнитесь.
Порублю из вас церкви соборные,
Соборные да богомольные!
В вас будет служба Господняя.
Зароститесь вы, леса,
По всей земле светлорусской,
По крутым горам по высокиим!»
По Божьему все повелению,
По Егорьеву все молению
Разрослись леса по всей земле,
По всей земле светлорусской,
По крутым горам по высокиим;
Растут леса, где им Господь повелел.
Еще Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,

Бусурманскую веру побеждаючи,
Наезжал Егорий на реки быстрые,
На быстрые, на текучие,—
Нельзя Егорью проехати,
Нельзя святому подумати.

«Ой вы еси, реки быстрые,
Реки быстрые, текучие!

Протеките вы, реки, по всей земли,
По всей земли святорусскией,
По крутым горам по высоким,
По темным лесам, по дремучиим;
Теките вы, реки, где вам Господь

повелел!»

По Божьему велению,

По Егориеву молению

Протекли реки, где им Господь повелел.

Святой Егорий поезжаючи,

Святую веру утверждаючи,

Наезжал на горы на толкучие:

Гора с горой столконулася —

Ни пройтти Егорью, ни проехати.

Егорий святой проглаголывал:

«Вы горы, горы толкучие!

Станьте вы, горы, по-старому.

Поставлю на вас церковь соборную,

В вас будет служба Господняя!»

Святой Егорий проезжаючи,

Святую веру утверждаючи,

Наезжал Егорий на стадо звериное,

На серых волков на рыскучиих.

И пастят стадо три пастыря,

Три пастыря да три девицы,

Егорьевы родные сестрицы.

На них тела, яко еловая кора,

Влас на них, как ковыль-трава, —
Ни пройтти Егорью, ни проехати.
Егорий святой проглагольвал:
«Вы волки, волки рыскучие!
Разойдитесь, разбредитесь,
Пó два, пó три, по единому
По глухим степям, по темным лесам.
А ходите вы повременно,
Пейте вы, еште повеленное
От святá Егория благословения!»
По Божьему все повелению,
По Егориюву молению
Разбегалися звери по всей земли,
По всей земли светлорусскойей.
Они пьют, едят повеленное,
Повеленное, благословенное
От Егория Храброго.
Еще же Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Бусурманскую веру побеждаючи,
Наезжал Егорий на стадо на змеиное —
Ни пройтти Егорью, ни проехати.
Егорий святой проглагольвал:
«Ой вы, гой еси, змеи огненные!
Рассыпьтесь, змеи, по сырой земле
В мелкие дробные черенницы.
Пейте и еште из сырой земли!»
Святой Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Приезжал Егорий
К тому ко городу Киеву.
На тех вратах на Херсонских
Сидит Черногар-птица,
Держит в когтях Осетра-рыбу —

Святому Егорью не проехать будет.
Святой Егорий глаголет:
«Ох ты, Черногар-птица!
Возвейся под небеса,
Полети на океан-море.
Ты и пей и ешь в океан-море,
И детей производи на океан-море!»
По Божьему повелению,
По Егорьеву молению
Подымалась Черногар-птица под небеса,
Полетела она на океан-море;
Она пьет и ест в океан-море
И детей выводит на океан-море.
Святой Егорий проезжаючи,
Святую веру утверждаячи,
Наезжал палаты белокаменны,
Да где же пребывает царице Демьянице,
Безбожный пес бусурманище.
Увидел его царице Демьянице,
Безбожный пес бусурманище,
Выходил он из палаты белокаменной,
Кричит он по-звериному,
Визжит он по-змеиному;
Хотел победить Егорья Храброго.
Святой Егорий не устрáшилсЯ,
На добром коне приуправилсЯ,
Вынимает меч-саблю вострую,
Он ссек его злодейскую голову
По его могучие плечи;
Подымал палицу богатырскую,
Разрушил палаты белокаменные,
Очистил землю христианскую,
Утвердил веру самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному,

Владычице Богородице,
Святой Троице неразделимые.
Он берет свои три родных сестры,
Приводит к Иордань-реке:
«Ой вы, мои три родных сестры!
Вы умойтесь, окреститесь,
Кю Христову гробу приложитесь!
Набрались вы духу нечистого,
Нечистого, бусурманского:
На вас кожа, как еловая кора,
На вас волосы, как камыш-трава!
Вы поверуйте веру самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному,
Владычице Богородице,
Святой Троице неразделимые!»
Умывались, окрещались,
Камыш-трава с них свалилася,
И еловая кора опустилася.
Приходил Егорий к своей матушке

родимой:

«Государыня моя, матушка родимая,
Премудрая Софья!
Вот тебе три дочери,
А мне три родных сестры!»
Егорьева много похождения,
Велико его претерпение!
Претерпел муки различные
Все за наши души многогрешные!
Поем славу святу Егорию,
Святу Егорию, свет, Хораброму!
Во веки его слава не минуется
И во веки веков! Аминь!

ЕГОРИЙ, ЦАРЕВНА И ЗМЕЙ

Посторон святого града Иерусалима
На земли было три царства беззаконных:
Первое царство был Содом-город,
А второе царство был Гомор-город,
А третье было царство Рахлинское.
На ихнее беззаконие великое
Да не мог на них сам Господь смотреть.
Содом и Гомор Господь сквозь земли прослал,
А на этое третье царство, на Рахлинское,
Напускал Господь Бог на них змея лютого.
Давали они со города скотиною
Ко лютому змею на съедение
И ко пещерскому на прожрение.
Во граде скота у них мало осталось:
Давали они со града по головы,
По головы человеческой
Ко лютому змею на съедение,
Ко пещерскому на прожрение.
Во граде людей у них мало оставалось.
Собиралися все жители рахлинские
К самому они царю на широкий двор;
Метали они жеребьем самоволжевым
Со самым царем со Аганием.
Но жеребье царю доставалось
Ко лютому змею идтить на съедение,
Ко пещерскому на прожрение.
Прикручипился царь и припечалился.
Возговорит ему царица рахлишская:
«Не кручинься, царь, и не печалуйся.

У нас есть с тобой кем заменитися,
У нас есть с тобой дитя единое:
Она единая дочь немилая,
Она верует веру все не нашую,
Богу молится она распятому.
Отдадим мы Олексафию ко лютому змею,
Ко лютому змею на съедение,
Ко пещерскому на прожрение».
Многой радостью царь изнаполнился,
Приходил он в палаты белокаменные
Ко своей ко дщери к одинокия,
Вызывал он в упокой ее во особый,
Уговаривал он дочь, обманывал:
«Ты, прекрасная Олексафия Агапиевна,
Ты вставай-ка, Олексафия, из утра ранешенько,
Умывайся, девица, белешенько
И снаряжайся, Олексафия, хорошехонько:
Из утра я тебя буду замуж давать
Ты в которую веру веруешь».
Срадовалася Олексафия, извеселилася,
На ложницу она спать не ложилася:
Всю темную ночь она Богу молилася,
Молилася она Спасу пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью, свету, Храброму.
Между тем девицы и утро пришло.
Вставала Олексафия ранешенько,
Умывалася она белешенько,
Снаряжалася она хорошехонько,
Выходила Олексафия на крутой крылец.
Взглянула Олексафия на широкий двор:
Посреди двора было царского —
Тут стоит карета сама черная,
Припряжены кони неученые,

Посажен детина в платье травурном.
Ино тут же Олексафия догадалася,
Горячим слезам она обливалась:
«Не на то меня мать породила,
Чтоб отдать меня во свою веру,
А на то меня мать породила:
Отдает меня батюшка ко люту змею,
Ко люту змею на съедение,
Ко пещерскому на прожрение».

Повели Олексафию со крута крыльца,
Сажали Олексафию в карету черную,
Повезли Олексафию ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змеиному.
Выходила Олексафия из кареты вон,
Садилась Олексафия на крутой берег,
Ко тому ко морю ко синему.

Уезжал детина в платье травурном,
Оставалась Олексафия одинешенька.
На листу у Олексафии было написано:
Святые ангелы были все, архангелы.
Молилась Олексафия Спасу пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью, свету, Храброму.
Услышал Господь Бог ее моленье,
Посылал Господь Бог Егорья Храброго
Для хранения девицы от змея лютого.
Приезжал Егорий на добром коне,
Он слезал, Егорий, с коня храброго;
Он поклон воздал девицы низешенько:
«Бог на помочь тебе, царская дочь Олексафия!»
Давал Егорий Храбрый свой шелков повод
Олексафии девицы на белы руки:
«Подержи ты, — говорит, — Олексафия, моего
коня,

А больше того смотри сама на сине море:
Когда на море волна будет подыматься,
Из пещер змея лютая появлятися,
Ты тогда меня, девица, ото сна сбуди».
Он возговорил, Егорий, а сам спать уснул.
Держала Олексафия коня храброго,
Больше того смотрела на сине море.
На море волна стала колыбаться,
Но тут же Олексафия она испугалася,
Горячими слезами она обливалася,
Начала девица Егорья ото сна будить.
Не могла она Егорья ото сна сбудить,
Она жалко, Олексафия, сама расплакала.
Покатились у Олексафии горячи слезы
На Егорьево на бело лице,—
Оттого Егорий ото сна восстал.
Он берет свое жезло булатное,
Он пошел, Егорий, ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змеиному.
Он бьет змею копьем во прожорище:
«Ты будь, змея, и кротка, и смирна,
Ты пей и ешь мое повеленное,
Олексафиено благословенное».
Распясал Егорий свой шелков пояс,
Он продел змеи насквозь прожорище,
Он давал Олексафии на белы руки,
Он давал, Егорий, сам наказывал:
«Поведиткась, Олексафия, змея лютого
Во свое во царство Рахлинское.
Скажи батюшке царю Агапию,
Пуцай поверует веру христианскую,
Пусть соорит он три церкви соборные.
Ежель не поверует он веры христианския,
Ты пусти змею на свою волю,

Потребит змея их всех до единого,
Не оставит им людей на семена».
Повела Олексафия змея лютого
Во свое царство во Рахлинское,
Становилась Олексафия посреди града,
Закричала Олексафия женским голосом:
«Ты услышь, мой отец, рахлинский царь!
Ты поверуешь ли веру христианскую,
Ты состроишь ли три церкви соборных?
Ежели ты не поверуешь веры христианския,
Я пущу змею на свою волю,
Потребит змея вас всех до единого,
Не оставит вам людей на семена».
Царь со радости он веры поверовал,
Он создал свою заповедь великую:
«Я сострою три церкви соборные:
Церковь Матери Божьей Богородицы,
Еще Троицы Живоначальныя
И святому Егорью, свету, Храброму.
Я не раз Егорью буду в году веровать,
Я не раз в году — два раза».

СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ

А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова,
Начинали калики наряжаться
Ко святому граду Иерусалиму.
Сорок калик их со каликою
Становилися во единой круг,
Оне думали думушку единую,
А едину думушку крепкую;
Выбирали большева атамана
Молоды Касьяна сына Михайлыча.
А и молоды Касьян сын Михайлович
Кладет он заповедь великую
На всех тех дородных молодцов:
«А идтить нам, братцы, дорога
не ближняя —
Идти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыне помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-реке искупатися,
Нетленною ризою утеретися,
Идти селами и деревнями,
Городами теми с пригородками.
А в том-то ведь заповедь положена:
Кто украдет или кто солжет,
Али кто пустится на женской блуд,
Не скажет большему атаману,
Атаман про то дело проведает, —
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю».

И в том-то ведь заповедь подписана,
Белые рученьки исприложены:
Атаман Касьян сын Михайлович,
Податаманья — брат его родной
Молоды Михайла Михайлович.
Пошли калики в Иерусалим-град.
А идут неделю уже споряду,
Идут уже время немалое,
Подходят уже они под Киев-град,
Сверх тое реки Чéreги,
На его потешных на островах
У великова князя Владимира
А и вышли оне из раменья,
Встречу им-то Владимир-князь:
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уток,
Лисиц, зайцов всех поганивает.
Пригодилось ему ехати поблизости.
Завидели его калики тут переходжие,
Становилися во единой круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили,
Скричат калики зычным голосом,—
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали.
Под князем конь окорачился,
А богатыри с коней попадали,
А Спиря стал постыривать,
Сёма стал пересёмовать.
Едва пробудится Владимир-князь,
Рассмотрил удалых добрых молодцов,
Оне-то ему поклонилися,
Великому князю Владимиру,

Прошают у него святую милостыню,
А и чем бы молодцам душа спасти.
Отвечает им ласковой Владимир-князь:
«Гой вы еси, калики перехожие!
Хлебы с нами завозные,
А и денег со мною не годилось,
А и езжу я, князь, за охотою,
За зайцами и за лисицами,
За соболи и за куницами
И стреляю гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уточак,
Изволите вы идти во Киев-град
Ко душе княгине Апраксевне;
Честна роду дочь королевична
Напоит-накормит вас, добрых молодцов,
Наделит вам в дорогу злата-серебра».
Недолго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Киеву.
А и будут в городе Киеве,
Среди двора княженецкова,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исподвесили,
Подсумочья рыта бархата,
Скричат калики зычным голосом, —
С теремов верхи повалилися,
А с горниц охлупья попадали,
В погребах питья всколыбалися.
Становилися во единой круг,
Прошают святую милостыню
У молоды княгини Апраксевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылает стольников и чашников
Звать калик во светлу гридню.

Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову
Со своими его товарыщами
Хлеба есть во светлу гридню
К молодой княгине Апраксевне.
А и тут Касьян не ослушался,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксевна,
Поджав ручки, будто турчаночка,
Со своими нянюшки и мамушки,
С красными сенными девушки.
Молоды Касьян сын Михайлович
Садился в место большее,
От лица его молодецкова,
Как бы от солнучка от краснова,
Лучи стоят великие.
Убирались тут все добры молодцы,
А и те калики перехожие
За те столы убранные.
А и стольники-чашники
Поворачивают-пошевеливают
Своих оне приспешников,
Понесли-то ества сахарные,
Понесли питья медвяные.
А и те калики перехожие
Сидят за столами убранными,
Убирают ества сахарные,
А и те ведь пьют питья медвяные,
И сидят оне время час-другой,
Во третьем часу подымались,
Подымавши, оне Богу молятся,

За хлеб за соль бьют челом
Молодой княгине Апраксевне
И всем стольникам и чашникам.
И того оне еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксевны,—
Наделила б на дорогу златом-серебром,
Сходить бы во град Иерусалим.
А у молодой княгини Апраксевны
Не то в уме, не то в разуме:
Пошлет Алешуньку Поповича
Атамана их уговаривати
И всех калик переходящих,
Чтоб не идти бы им сего дня и сего числа.
И стал Алеша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зовет к княгине Апраксевне
На долгие вечера посидети,
Забавные речи побаяти,
А сидеть бы наедине во спальне с ней.
Молоды Касьян сын Михайлович,
Замутилось его сердце молодецкое,
Отказал он Алеше Поповичу,
Не идет на долгие вечера
К молодой княгине Апраксевне
Забавные речи баяти.
На то княгиня осердилася,
Посылает Алешуньку Поповича
Прорезать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет.
Алеша-то догадлив был:
Распорол суму рыта бархата,
Запихал чарочку серебряну
И зашивал ее гладехонько,

Что познать было не можно то.
С тем калики и в путь пошли,
Калики с широка двора,
С молодой княгиней не прощаются,
А идут калики не оглянутся.
И верст десяток отошли оне
От стольнова города Киева,
Молода княгиня Апраксевна
Посылает Алешу во погон за ним.
Молоды Алеша Попович млад
Настиг калик во чистом поле,
У Алешы вежество нерожденное,
Он стал с каликами вздорити,
Обличает ворами-разбойниками:
«Вы-то, калики, бродите по миру по
крещеному,
Кого окрадите, своим зовете,
Покрали княгиню Апраксевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет!»
А в том калики не даются ему,
Молоду Алеше Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворчал Алешенька Попович млад,
Поехал ко городу Киеву
И так приехал во стольной Киев-град.
Во то же время и во тот же час
Приехал князь из чиста поля
И с ним Добрынюшка Никитич млад.
Молода княгиня Апраксевна
Позовёт Добрынюшку Никитича,
Посылает за каликами,
За Касьяном Михайловичем.
Втаперы Добрынюшка не послушался,

Скоро поехал во чисто поле,
У Добрыни вежество рожденое и ученое,
Настиг он калик во чистом поле,
Скочил с коня, сам бьет челом:
«Гой еси, Касьян Михайлович,
Не наведи на гнев князя Владимира,
Прикажи обыскать калики перехожие,
Нет ли промежу вас глупова!»
Молоды Касьян сын Михайлович
Становил калик во единой круг
И велел он друг друга обыскивать
От малова до старова,
От старова и до больша́ лица,
До себя, млада Касьяна Михайловича.
Нигде та чарочка не явилася —
У млада Касьяна пригодилася.
Брат его, молоды Михайла Михайлович,
Принимался за заповедь великую,
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистом поле
Молода Касьяна Михайловича,
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшке Никитичу,
И с ним написан виноватой тут
Молоды Касьян Михайлович.
Добрыня поехал он во Киев-град,
А и те калики — в Иерусалим-град.
Молоды Касьян сын Михайлович
С ними, калики, прощается.
И будет Добрынюшка в Киеве
У млады княгини Апраксевны,
Привез он чарочку серебряну,
Виноватова назначено —
Молода Касьяна сына Михайлова.

А с того время-часу захворала она
скорбью недоброю:
Слегла княгиня в великое во агноще.
Ходили калики в Иерусалим-град,
Вперед шли три месяца.
А и будут в граде Иерусалиме,
Святой святыне помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ердане-реке искупалися,
Нетленную ризою утирался,
А всё-то молодцы отправили;
Служили обедни с молебнами
За свое здравие молодецкое,
По поклону положили за Касьяна
Михайловича.

А и тут калики не замешкались,
Пошли ко городу Киеву
И ко ласкову князю Владимиру.
И идут назад уже месяца два,
На то место не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою.
Его, молода Касьяна Михайловича,
Голосок наносит помалехоньку.
А и тут калики остоялися,
А и место стали опознавать,
Подалися малехонько и увидели
Молода Касьяна сын Михайловича:
Он ручкой машет, голосом кричит.
Подошли удалы добры молодцы,
Вначале атаман, родной брат его
Михайла Михайлович,
Пришли все оне, поклонилися,
Стали здравствовать.
Подает он, Касьян, ручку правую,

А оне-то к ручке приложилися,
С ним поцеловалися
И все к нему переходили.
Молоды Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как ясен сокол из тепла гнезда.
А все оне, молодцы, дивуются,
На его лицо молодецкое
Не могут зрить добры молодцы,
А и кудри на нем молодецкие
до самого пояса.

И стоял Касьян не мало число,—
Стоял в земле шесть месяцев,
А шесть месяцев будет полгода.
Втапоры пошли калики ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Дошли оне до чудна креста Леванидова,
Становилися во единой круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
И стоят калики потихохуньку.
Молоды Михайла Михайлович
Атаманом еще правил у них,
Посылает легкова молодчика
Доложиться князю Владимиру:
«Прикажет ли идти нам пообедати?»
Владимир-князь пригодился в доме,
Послал он своих клюшников-
ларешников

Побить челом и поклонитися им-то,
каликам,
Каликам пообедати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тут клюшники-ларешники
Пришли оне к каликам, поклонилися,

Бьют-челом к князю пообедати.
Пришли калики на широкий двор,
Среди двора княженецкова
Поздравствовал ему Владимир-князь,
Молоду Касьяну Михайловичу,
Взял его за белые руки,
Повел во светлу гридню.
А втапоры молоды Касьян Михайлович
Спросил князя Владимира.
Про молоду княгиню Апраксеvну:
«Гой еси, сударь Владимир-князь!
Здравствует ли твоя княгиня

Апраксеvна?»

Владимир-князь едва речи выговорил:
«Мы-де уже неделю-другу не ходим
к ней».

Молоды Касьян тому не брезгует,
Пошел со князем во спальню к ней,
А и князь идет, свой нос зажал,
Молоду Касьяну то ничто ему,
Никакова духу он не верует.
Отворяли двери у светлы гридни,
Раскрывали окошечки косящатые,
Втапоры княгиня прощалася,
Что нанесла речь напрасную.
Молоды Касьян сын Михайлович
А и дунул духом святым своим
На младу княгиню Апраксеvну,—
Не стало у ней того духу-пропасти,
Оградил ее святой рукой,
Прощает ее плоть женскую,
Захотелось ей, и пострадá она:
Лежала в страму полгода.
Молоды Касьян сын Михайлович

Пошел ко князю Владимиру во светлу
грядню,

Помолился Спасу образу
Со своими каликами перехожими,
И сажалися за убранные столы,
Стали пить-есть, потешатися.
Как будет день в половина дня,
А и те калики напивалися,
Напивалися и наедалися.
Владимир-князь убивается,
А калики-то в путь наряжаются.
Просит их тут Владимир-князь
Пожить-побыть тот денек у себе.
Молода княгиня Апраксевна
Вышла из кожуха, как из пропасти.
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тут же к ним к столу пришла
С няньками, с мамками
И с санными красными девицами.
Молоду Касьяну поклоняется
Без стыда без сору,
А грех свой на уме держит.
Молоды Касьян сын Михайлович
Тою рученькой правою размахивает
По тем ествам сахарным,
Крестом ограждает и благословляет,
Пьют-едят, потешаются.
Втапоры молоды Касьян сын Михайлович
Вынимал из сумы книжку свою,
Посмотрил и число показал,
Что много мы, братцы, пьем-едим,
прохлаждаемся,
Уже третий день в доходе идет,

И пора нам, молодцы, в путь идти,
Вставали калики на резвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьют челом князю Владимиру
С молодой княгиней Апраксовой
За хлеб за соль его,
И прощаются калики с князем

Владимиром

И с молодою княгинею Апраксовою.
Собрались оне и в путь пошли
До своего монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и деянье.

КИРИК И УЛИТА

Ай же ты, Кирик младенец
Трехгодный без двух месяцев
И мать твоя Улита!
И нашли этого Кирика младенца
У Максимьяна-царя во граде,
Во соборной церкви апостольской
Против Петра и Павла.
Читает книгу Кирик младенец
Трехгодный без двух месяцев,
И стоит тут его мать Улита.
Приходят злы мученики царя
Максимьяна,
Говорили Кирику младенцу:
«Ай же ты, Кирик младенец
Трехгодный без двух месяцев
И мати твоя Улита!
И ты поверуй во веру нашую,
Поклонить нашим богам-идолам».
И говорил-то Кирик младенец:
«Ай же вы, злы мучители
Царя Максимьяна!
И не поверую я в веру вашую,
И не поклонюсь я вашим богам-идолам.
Какой ответ со первого дни,
Такой ответ и до последнего дни».
И взяли эти злы мучители
Кирика младенца
Трехгодного без двух месяцев
И мать его Улиту,

Повели к Максимьяну-царю ко мучителю.
Говорил Максимьян-царь:
«Ай ты, Кирик младенец
Трехгодный без двух месяцев
И матери твоя Улита!
Ты поверуй в веру нашую
И поклонись нашим богам-идолам».
И говорил ли Кирик младенец
Трехгодный без двух месяцев:
«Ай ты, Максимьян-царь!
Не поверую я в веру вашую
И не поклонюсь я вашим богам-идолам;
Какой ответ со первого дни,
Такой и до последнего дни».
Возъяровался Максимьян, царь-мучитель,
Приказал своим злым мучителям:
«Вы возьмите, мои злы мучители,
Кирика младенца
Трехгодного без двух месяцев
И мать его Улиту
На воде топить».
Кирик младенец на воде гоголем пловет,
Гоголем пловет — голова вверху,
И сам стихи поет херувимски;
Голос у него по-архангельски.
Разъяровался Максимьян, царь-мучитель,
На того ли Кирика младенца
Трехгодного без двух месяцев
И на мать его на Улиту.
«Ай же вы, мои злы мучители!
Вы возьмите Кирика младенца
Топором рубить».
И начали его злы мучители
Топором рубить.

Во топоре все лезья приломались.
Он, Кирик младенец, стоем стоит,
Ничто ему, святому не диялось;
И сам песни поет херувимски,
Голос у него по-архангельски.

Возъяровался Максимьян, царь-мучитель,
Приказал своим злым мучителям:

«Вы возьмите Кирика младенца
В колесе вертеть».

Он, Кирик младенец, стоем стоит,
Стоем стоит, сам стихи поет херувимски,
Голос у него по-архангельски.

Возъяровался Максимьян, царь-мучитель,
Приказал ли своим злым мучителям:

«Идите-тко в поле широкое,
Копайте яму глубокую —
Глубиной-то яму до пяти сажен,
Шириной-то яму десяти сажен,
И насыпайте в эту яму великую
Угля зрелого,

Поставьте на эти на угли на зрелыи
котел железный,

Накладите туды селитры-олова

И раздуйте эти угли зрелыи
Этими мехами да великими».

Затряслась и мать сыра земля на три
поприща,

Ужаснулася мати его Улита

Этого реву котельного.

Говорил ли Кирик младенец:

«Мати моя Улита!

Не устрашись реву котельного,

Господь Бог нас помилует».

И говорил ли Максимьян, царь-мучитель:

«Иди, Кирик младенец, в котел железный,
Разварена там селитра и олово
Во том котле да во железном».
И зашел-то Кирик младенец
Со матерью со Улитою,
И говорил-то Кирик младенец:
«Максимьян, царь-мучитель!»
Кирик младенец стоем стоит
Во том котле да во железном
И сам стихи поет херувимский,
И голос у него по-архангельски.
Говорил ли Кирик младенец
Максимьяну-царю:
«Ай же ты, Максимьян, царь-мучитель!
Разварено у тебя в том котле селитра
и олово,

Как море да ледяное.
Ай ты, Максимьян, царь-мучитель!
Пихни свой перст по первому суставу
Во этот котел железный».
Ушибло у Максимьяна-царя
Перст по первому суставу.
Возъяровался Максимьян, царь-мучитель
«Ай ты, Кирик младенец!
Исцели перст — поверую в веру вашу,
Поклонюсь я Богу вашему
Христу распятому».
И исцелил перст Кирик младенец
У царя Максимьяна.
«Ай же вы, мои злы мучители!
Раздуйте угли пуще зрелыи
Тыма ли мехами великима!»
Говорит Максимьян, царь-мучитель:
«Иди, Кирик младенец,

Во тот котел железный,
Пуще разварены селитра и олово».
И вшел Кирик младенец,
Мать его Улита
Во тот котел железный.
Там Кирик стоем стоит,
Соем стоит, сам стихи поет,
Стихи поет херувимский,
Голос у него по-архангельски:
«Господь Бог нас помилует!»
Говорит ли Кирик младенец:
«Максимьян, царь-мучитель!
Пихни руку по первой по завиви
В этот котел железный.
Как есть студеное море!»
Пихнул Максимьян-царь
Руку по первой по завиви
В этот котел железный.
Отшибло руку у Максимьяна-царя
По первой по завиви.
Говорил ли Максимьян, царь-мучитель:
«Ай же ты, Кирик младенец
Трехгодный без двух месяцев
И мати твоя Улита!
Исцели руку мою по первой по завиви,—
И поверую я во веру вашу,
И поклонюсь я Богу вашему
И Христу распятому».
Воздержнул Кирик младенец
Руки свои на свою главу:
«Ай же ты, Господи, Господи!
Исцели руку у Максимьяна-мучителя
По первой по завиви,
Он поверует в веру нашу,

Он поклонится Богу нашему,
Христу распятому». .
И исцелил руку по первой по завиве.
Возъяровался Максимьян, царь-мучитель,
На того ли Кирика младенца,
На мать его на Улиту.
«Ай же вы, мои злы мучители!
Возьмите Кирика младенца
И мать его Улиту,
Ведите во поле широкое
И пригвоздите ко дубу ко широку». .
И взяли эти злы мучители
Кирика младенца
Трехгодного без двух месяцев
И мать его Улиту,
Свели в поле широкое
И пригвоздили ко дубу ко широку.
Он, Кирик младенец,
Стоем стоит, сам стихи поет херувимский,
Голос по-архангельски.
Возъяровался Максимьян, царь-мучитель:
«Возьмите, мои злы мучители,
Выньте Кирика младенца
И мать его Улиту
И со этого дуба со широка,
Кладите его да на широко поле
И расстреляйте его тело белое,
И сожгите его тело белое
На том огни на здрящеим». .
И сожигали Кирика младенца
На том огни на здрящеим.
Приказал Максимьян, царь-мучитель,
Спустить тело белое на широко поле.
Он, Кирик младенец,

Стоем стоит, сам стихи поет херувимский,
Голос у него по-архангельски.
Речет Господь: «Ай же ты, Кирик
младенец,

Претерпел ты муку великую;
Что ты хочешь получить
За эту за муку за великую?»
«Господи! Ничего я не хочу получить.
Который раб меня вспомнит
Дважды днем на молитвах,
Сбавлен пусть тот раб
От вечной муки»,—
И славит тебя, Кирика младенца,
Во веки веков. Аминь.

Дай ты мне свое великое благословение,
Дай ты мне сбрую ратную
И вострѣ копьѣ булатное.
Дай добра коня неезжалого,
Седелечко новое несиживаное.
Я поеду супротѣ царя иудейского,
Супротѣ его силы жидовския».
Царь Костянтин Сауѣлович
И возгѣворит таково слово:
«Ой ты еси, чадо милое!
Млад человек Федор Тирин!
Малым ты малешенек
И разумом тупешенек,
И ѳт роду тебе двенадцать лет!
На боях ты не бывывал,
Кровавѣх ран не видывал,
На добрѣ коне не сиживал,
Сбруей ратной не владывал!»
Царь Костянтин Сауѣлович
Дает свое великое благословение,
И дает сбрую ратную
И вострѣ копьѣ булатное,
И дает добра коня неезжалого,
И седелечко ново несиживано.
Млад человек Федор Тирин
Он поехал далече во чистѣ поля
Супротѣ царя иудейского,
Супротѣ силы его жидовския.
Он и бился, рубился двенадцать суток,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.
Затопляет его кровь жидовская
По колена и по пояс,
По его груди белые.

Где нѣ взялся змей огненный,
Об двенадцати гбловах,
Об двенадцати хбботах,
Унес его родимую матушку
За море за синее,
За горы высокие,
За луга за зеленые,
За леса за тѣмные,
Во те во пещеры белокаменные
Своим детям на съедение.
Приходили его слуги верные,
Младу человеку Федору возвещали:
«Ой ты еси, млад человек Федор Тиринов!
Пьешь ты, прохлажаешься,
Над собой ничего не знаешь и не ведаешь.
Твоя родимая матушка,
Тебя жалеючи,
Добра коня милуючи,
Повела коня на синѣ море.
Где нѣ взялся змей огненный
Об двенадцати гбловах,
Об двенадцати хбботах,
Унес твою родимую матушку
За моря за синие,
За горы высокие,
За луга за зеленые,
За леса за темные!»
Млад человек Федор Тирин
Вставал из-за столов из-за дубовых,
Из-за скатертей из-за браных,
Из-за еств из-за сахарных.
И берет он свою сбрую ратную
И вострб копьѣ булатное,
И берет он книгу Евангелье,

И пошел он путем и дорогою.
И приходит он ко синю морю,
Становился на крут берег
И возгóворит таково слово:
«Ой ты еси, кит-рыба!
Стань, кит-рыба, поперек синя моря».
Где не взялася кит-рыба,
Становилася поперек синя моря.
Млад человек Федор Тирин
Он пошел по синю морю, яко по суку.
Переходил он синё море,
Пошел он за те за горы за высокие,
За те луга за зеленые,
За те за леса за темные
Во те во пещеры белокаменные.
Он увидел свою родиму матушку
У двенадцати змиюношев на съедении;
Сосут ее груди белые.
Млад человек Федор Тирин
Он убил змиюношев и приколол,
И взял свою родиму матушку
За ручку за правую,
И посадил на головку на темячко,
И пошел из тех пещер
из белокаменных,
И шел он путем -и дорогою.
И возгóворит его родимая матушка:
«Ой ты еси, мое чадо милое!
Млад человек Федор Тирин!
Змей летит, яко гора валит!
Топерь мы с тобой погибли!
Топерь мы с тобой не воскресли!»
Млад человек Федор Тирин
Возгóворит таково слово:

«Государыня ты моя, матушка!-
Мы с тобой не погибнем!
Мы с тобой воскреснем:
С нами сбруя ратная
И вострб копье булатное,
И с нами книга Евангелье!»
И налетел змей огненный
На млада человека Федора Тирина;
И млад человек Федор Тирин
Змею огненному головы отбил
И змея огненного в море погрузил.
И пошел с своей с родимой матушкой
По морю, яко по суху.
И возгворит таково слово
Млад человек Федор Тирин:
«Государыня ты моя, матушка!
Федорина Никитишна!
Стбит ли мое похождение
Против твоего рождения?»
И возгворит его родима матушка:
«Ой ты еси, мое чадо милое!
Млад человек Федор Тирин!
Твое похождение
Наипаче моего рождения!»
И к тому граду Костянтинову,
И ко своему ко батюшке к родимому.
Царь Костянтин Саулович
Увидел своего чаду милого
И с родимой с его с матушкой,
И закричал он слугам верным:
«Ой вы, слуги верные!
Благовестите в колокола благовестные,
Подымайте вы иконы местные
И служите молебны почестные,

И встречайте мово чаду милого
И с его с родимой с матушкой!»
Млад человек Федор Тирин
Возгбворит таково слово:
«Ой вы, слуги верные!
Не благовестите в колокола благовестные,
Не подымайте вы иконы местные,
Не служите молебны почестные:
А кто первую неделю Великого поста
Будет поститься постом и молитвою,
Смирением и кротостью,
Да тот будет избавлен от смерти убиения!»
Поем славу Федорову,
Его слава во век не минуется!
И во веки веков, и помилуй нас!

ДМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ

С первого веку начала Христова
Не бывало на Салым-град
Никакой беды, ни погибели.
Идет наслание Божие на Салым-град,
Идет неверный Мамай-царь;
Сечет он и рубит, и во плен емлет,
Просвещенные, соборные церкви он разоряет.
У нас было во граде во Салыме,
Во святой соборной во Божьей во церкви
Припочивал святой Димитрий чудотворец.
Сосылал Господь со небес двух ангелов Господних.
Два ангела Христова лик ликовали
Святому Димитрию, Салымскому чудотворцу.
Рекут два ангела Христова
Димитрию, Салымскому чудотворцу:
«О святой Димитрий, Салымский чудотворец!
Повелел тебя Владыко на небеса взяти;
Хочет тебя Владыко исцелити и воскресити,
А Салым-град разорити и победити.
Идет наслание великое на Салым-град,
Идет неверный Мамай-царь,
Сечет он и рубит, и в полон емлет,
Просвещенные, соборные церкви он разоряет».
Речет святой Димитрий, Салымский чудотворец,
Ко двум ко ангелам ко Христовым:
«Вольно Богу Владыке Салым-град разорити
И меня ему исцелити и воскресити;
Я ведь сам давно это спознал и проведал,

Что не быть нашему Салым-граду взяту,
А быти мамайской силе побиту».
У святой у соборной у церкви
Стоял старец Онофрий на молитве
У всенощной всю ночь на папэри;
Молился он Спасу и Пречистой Богородице,
И святому Димитрию, Салымскому чудотворцу;
И увидел он чудо у престола:
Два ангела лик ликовали
Святому Димитрию, Салымскому чудотворцу.
Пошел он по Салыму-граду объявляти
Князьям, боярам и воеводам,
И митрием митрополитам,
Попам, священникам и игумнам,
Да и всем православным христианам:
«Вы гой еси, князья и бояре, воеводы
И митрия приполиты,
Попы, священники и игумны
И все православные христиане!
Не сдавайте вы Салыма-града и не покидайте!
Не быти нашему Салыму-граду взяту,
А мамайской силе побиту!»
Отвечали к нему князья, бояре и воеводы,
И митрия приполиты,
Попы, священники и игумны,
Да и все православные христиане:
«Святой ты, знать, наш старец Онофрий!
Почему спознал и споведал,
Что не быть нашему Салыму-граду взяту,
А мамайской силе побиту?»
«Стоял я у соборной у святой церкви на молитве
У всенощной всю ночь на папэрях;
Молился я Спасу, Пречистой Богородице
И святому Димитрию, Салымскому чудотворцу,

И увидел я чудо за престолом:
Два ангела лик ликовали
Святому Димитрию, Салымскому чудотворцу.
По тому я спознал и споведал».

У нас во граде во Салыме
Поутру было раным-ранехонько,
Не высылка из Салыму-граду учинилася —
Един человек из-за престола восстает,
Пресветлую он ризу облакает,
Един он на белá осла садился,
Един из Салыму-граду выезжает,
Един неверную силу побеждает;
Сечет он, и рубит, и за рубеж гонит.
Победил он три тьмы
И три тысячи неведомой силой,
Да и смету нет.

Отогнал он неверного царя Мамай
Во его страну в порубежную.
А злодей неверный Мамай-царь,
Когда бежал, захватил он двух дѣвиц

полонянок,

Увозил он их во свою сторону порубежную.
Когда прибыл злодей во свою сторону

порубежную,

Начал он двух дѣвиц вопрошати:

«Вы гой еси, две дѣвицы, две русские

полонянки!

Скажите вы мне, не утайте:

Который это у вас царь,

Или боярин, или воевода,

Един на белé осле садился,

Един из Салыма-града выезжает,

Един мою неверную силу побеждает,

Сечет он, и рубит, и за рубеж гонит?

Победил он мою неверную силу,
Три тьмы и три тысячи, да и смету нету;
Отогнал он меня, царя Мамаю,
Во мою страну порубежную».
Две дѣвицы неверному царю Мамаю отвечали:
«О злодей, неверный Мамай-царь!
Это не князь, не боярин и не воевода,
Это наш святой отче
Димитрий, Солунский чудотворец».
Возгóворил неверный царь Мамай ко двум

ко дѣвицам:

«Когда это у вас святой отче
Димитрий, Солунский чудотворец,
Вышейте вы мне на ковре
Лик своего чудотворца Димитрия Солунского,
Коню моему на прикрасу,
Мне, царю, на потеху;
Предайте лице его святое на поруганье!»
Две дѣвицы неверному царю отвечали:
«О злодей, собака, неверный Мамай-царь!
Не вышьем мы тебе лик своего святого
Димитрия, Солунского чудотворца;
Не предадим его лице святое на поруганье!»
Тогда же неверный царь Мамай
На двух дѣвиц опалился.
Вынимает он саблю мурзавецкую,
Да и хочет он главы их рубити
По их плеча по могучие.
Две дѣвицы убоялись,
К неверному царю Мамаю приклонились.
«О злодей, собака, неверный Мамай-царь!
Не руби-ка ты наши главы
По наши плеча по могучие!
Дай ты нам время хоть до утра —

Мы вышьем тебе на ковре
Своего святого Димитрия, Солунского чудотворца,
Предадим мы лице его святое на поруганье».
Две девицы шили ковер, вышивали,
Святое лице на ковре вышивали,
На небеса возирали,
Горючие слезы проливали;
Молились оне Спасу, Пречистой Богородице
И святому Димитрию, Солунскому чудотворцу.
Поздно вечером оне просидели,
На ковре спать ложились и приуснули.
По Божьему всё по веленью
И по Димитрия святому моленью
Восставали сильные ветры,
Подымали ковер со двумя со девицами,
Подносили их ко граду ко Солуну,
Ко святой соборной Божьей церкви,
Ко празднику Христову,
Ко святому Димитрию, Солунскому чудотворцу;
Положило их Святым Духом за престолом.
Поутру́ было раным рано,
Церковный пономарь от сна восстает.
Приходил он во святую соборную церковь
К утренней заутрени благовестити,
Утренние молитвы говорити.
Приходил он в соборную Божию церковь,
Увидел он чудо за престолом:
Спят на ковре две девицы,
Две русские полонянки.
Церковный пономарь убоялся,
Из церкви вон утекает,
К священнику прибегает,
Ото сна его разбуждает:
«Батюшка ты наш поп,

Священник, отец духовный!
Встань ты ото сна, пробудися,
Гряди скоро в соборную церковь!
У нас за престолом Господним
Великое чудо явилось:
Спят на ковре две девіцы,
Две русские полонянки!»
Поп-священник от сна восстает,
Животочною водой лице свое умывает,
На ходу он одежду надевает,
Грядет он скоро во святую соборную церковь,
До Господнего престола доступает,
Животворящий крест с престола принимает,
Святой их водой окропляет,
Ото сна разбуждает:
«Встаньте вы, две девіцы,
Две русские полонянки!
Ото сна вы пробудитесь!
Скажите вы мне, не утайте,
Как вы здесь явились
Из той земли из неверной,
Во славном городе во Солуне?
Во святой соборной церкви за престолом?
Как вам замки отмыкались,
Как двери отверзались
И как свечи зажигались?»
Две девіцы от сна пробуждались,
Поначаяли оне, что неверный Мамай-царь:
«О злодей, неверный Мамай-царь!
Не руби-ка ты наши главы
По наши плеча по могучие!
Мы выпили тебе на ковре
Лик святого Димитрия, Солунского чудотворца,
Предали лице его тебе, злодею, на поруганье».

Поп-священник, стоя на месте, изумился,
На двух девиц прослезился;
На небеса возирает,
Горючи слезы проливает,
Во слезах он отвечает:
«Вы гой еси, две девицы,
Две русские полонянки!
Ведь не неверный Мамай-царь,—
Я ваш священник, отец духовный!»
Две девицы от сна восставали,
Животочной водой лицо умывали,
Животворящим крестом себя ограждали,
Священнику отвечали:
«Батюшка священник, отец духовный!
Мы сами про то не ведаем,
Как мы у вас явились
Из той земли неверной,
Во славном городе во Солуне.
Знать, по Божьему по велению,
По Дмитрия святого молению,
Сама нам Божия церква отмыкалась,
И сами нам двери отверзались,
Сами нам за престолом свечи зажигались!»
Поп-священник, отец духовный,
Заблаговестил во многие колокола,
И услышали по всему граду по Солуну
Князья, бояре, воеводы
И митрии приполиты,
Попы, священники, игумны
И все православные христиане.
Собирались они в соборную Божию церковь,
Подымали они иконы местные,
Служили они молебны честные,
Молилися они Спасу, Пречистой Богородице

И святому Димитрию, Солунскому чудотворцу.
Его же, света, величаем,
Святого Димитрия, Солунского чудотворца,
Да и Богу нашему слава
Отныне и во веки, аминь.

ЧУДО ОБ АГРИКОВОМ СЫНЕ ВАСИЛИИ

Во славном во граде Тифлисе
Жил человек благочестивый,
По имени зовут его Агрик;
У Агрика сын был Василий.
Они веровали веру святую,
Молились Николе-чудотворцу,
Они память святителю отправляли,
Вечерние службы совершали.
От них Божия церковь одалела
Не близко, не далеко — на пять поприщ.
Как и в те поры Агрик со женою
Посылали своего сына Василья
Во священную соборную Божию церковь.
Как прибыл Василий во святую
Соборную Божию церковь,
Воску ярого свечи он затепляет,
Перед местными иконами поставляет,
Со слезами он на Господа взирает:
«Помилуй нас, Господи, помилуй
От всяких бед и напастей!
Вспомилуй нас от напрасныя от смерти!»
На них Божия воля находила,
Неверная сила приступила.
Они Божию церковь обступили,
Много народу порубили,
А последних людей в полоны брали;
На три их части разделили:
Они первую-то часть под меч преклонили,
А вторую часть по себе разделили,

А третью часть они запродали,
В Сарачинское царство запродали;
Запродали Агрикова сына Василия
Ко тому же князю ко Тамере.
Как и в те поры Агрик со женою
На святителя Николу-чудотворца

прогневались:

Не стали веровать святителю Николе
Не много и не мало — три года.
Собирались, соезжались к нему

князья-бояре,

Собирались все сродники, знакомые,
Начали Агрика журити:

«Что ты не веруешь святителю

Николе-чудотворцу?

Святитель Никола-чудотворец силен Богом,
Он и выручит твоего сына Василья
Из Сарачинского царства
От того ли же князя Тамеры!»

Так и в те поры Агрик со женою
Стали веровать святителю Николе:
И память Николе справляют,
И вечернюю службу Николе совершают.
На память было святому

Николе-чудотворцу,

Он и выручил его сына Василия
Из Сарачинского царства
От того же от князя Тамеры.
Как и в те поры сын их Василий
Пред лицом стоял князя Тамеры
В тем же в сарачинском платье,
В руцех держал вина скляницу, пойла,
Во правой руке чару золотую.
Находила на Василья Божья воля:

Подымался Василий Святым Духом,
Невидимо его у князя не стало,
Поставлен же ко батюшке во подворье.
На него лютые псы претугали.
Как и в те поры Агрик проглаголует:
«Ой вы, гой еси, рабы мои, челядинцы!
Вы подите-ка во подворье да посмотрите,
На кого мои лютые псы претугают?»
Выходили рабы да смотрели,
Во подворье ничего не видали,
Только пуще псы претугали.
Выходил сам Агрик со свечою,
Он и ўзрел своего сына Василия
Во том во сарачинском платье:
Во руце одной держит вина скляницу,
пойла,

А в правой руке чару золотую.
Как и возгóворил батюшка Василью:
«Возлюбленный мой сыне Василий!
Не се тень ли твоя мне здесь показывает
Или сам в очью ты мне явился?»
Отвечал ко батюшке Василий:
«Государь ты мой, батюшка родимый!
Не се тень моя тебе показалась,
А сам я пред тобою явился».
Он берет его за правую за руку,
Приводил его во каменную во палату;
Его матушка родима взрадовáлась,
За белые руки принимала,
Горючие слезы проливала,
Во сахарные уста его целовала.
«Возлюбленный наш сыне Василий!
Не се тень ли твоя нам здесь показывает
Или сам ты нам предъявился?»

Отвечал ко матушке Василий:
«Государыня моя, матушка родима!
Не се тень моя вам показалась,
А сам я вам здесь явился,
Знать, по Божьему все по веленью,
По святителя Николы, свет, моленью,
По вашему по великому благословенью.
Пред лицом стоял я,
Перед князем, пред Тамерой,
Во рудех держал вина скляницу, пойло,
Во правой руке чару золотую.
Находила на меня Божья воля:
Подымало же меня Святым Духом,
Невидимо меня у князя не стало,
Стоял же я у вас на подворье».
Как и в те поры Агрик со женою
Приходили во священную соборную церковь,
Местные иконы подымали,
Святителя Николу-чудотворца к себе
в дом брали,
Честные молебны Николу служили.
Они много народа поят-кормят,
За святителя Николу-чудотворца Бога молят.
Слава тебе, святителю, Николу-чудотворцу,
И свету, Агрикову сыну Василию,
Отныне до века веков, аминь.

АНИКА-ВОИН

Жил на земле храбрый человек Аника-воин.
Много Аника по земле походил,
И много Аника войны повоевал,
И много Аника городов раззорял;
Много Аника церквей растворивши,
И много Аника лик Божиих поругавши,
И много Аника святые иконы переколовши;
Много Аника христианские веры облатынил.
Добирается Аника до начального граду
Ерусалиму;
И хочет Аника начальной град Ерусалим
раззорити,
И соборную церкву растворити,
И хочет лик Божий поругати,
И святые иконы хочет переколоти,—
И где на воздúсе гробница пребывала,
Где демьян-ладан из кадила вон не выходит,
И где горят свечí неугасимы.
И поехал Аника домбю,
Садился Аника на доброго кбня,
И поехал Аника в чистое поле погуляти,
Начальной град Ерусалим раззоряти.
До половины пути начального граду Ерусалима
не доехал:
При пути, при дороге
Анике же чудо объявилось.
У чуда ноги лошадины,
У чуда тóлово зверино,
У чуда буйна́ голова человечья;

На буйнóй главе власы до спóясу.
На то же Аника удивился,
И тому же Аника рассмехнóлся.
«Скажи ты мне, чудо, проповедай:
Царь ли ты, царевич, король ли ты, королевич,
Али ты русская могучая удалая полени́ца?»
Анике же смерть проглаголила:
«Ты, храбрые человек Аника-воин!
Я не царь, не царевич, не король, королевич,
Я и не русская могучая удалая поленица.
Я — гордая смерть сотворéнна,
От Господа Бога поцущéнна
По твою, по Аникину, душу.
Хочу тебя, Аника, искосити,
На мать на сырую землю поразити».
Аника на то же удивился,
Аника тому же рассмехнулся.
«Я прежде про смерть слыхóм не слыхáл
И видóм не видáл,
А теперя я пред собою ее вижу.
Сказали мне про смерть, —
Страшна, грозна и непомерна.
Я этою смерти не боюся:
На главу палицу боёвую воздыму
И тебя, смерть, я ушибу
И на мать на сырую землю поражу».
И Анике же смерть проглаголила:
«Ты, храбрые человек Аника-воин!
Жил на земле сильной могучий
Святигор-богатырь,
Жил на земле сильной могучий
Молофёр-богатырь,
Жил на земле сильной могучий и
Самсон-богатырь:

Анике же смерть проглаголила:
«Ты, храбрый человек Аника-воин!
Твоя казна не трудовая,
Твоя казна пороховая,
И Свят Дух дохнет,—
Твоя казна прахом пройдет, провалится,
И не будет твоей душе пользы
И на втором суду, на пришествии».
Плачет, рыдает храбрый человек Аника-воин,
Он смерть матерью родною называет:
«Ты, гордая мать сотворённая!
От Господа Бога попущённая!
Дай ты мне веку на десять лет,
Домою дай уехать.
Я поеду в дом-от свой, побываю,
У меня в доме много житья-бытья,
Много злата и серебра;
Я с тобою бы казною поделился —
Что тебе надобно, то с меня возьми».
Анике же смерть проглаголила:
«Ты, храбрый человек Аника-воин!
Мрут на земле цари и царевичи,
Мрут на земле короли и королевичи,
Мрут на земле сильны и богаты,
И все православные христиане;
И те бы мне казною поделались.
Кабы мне со всякого человека казны брати,
Была бы у меня гора золотая накладена
От востоку солнцу и до западу».
Плачет, рыдает храбрый человек Аника-воин,
Он смерть матерью родною называет:
«Ты, гордая мать сотворённая,
От Господа Бога попущённая!
Дай ты мне веку на три года,

Домою дай уехать.

Я поеду в свой-от дом, побываю,
У меня в дому житья-бытья много,
Много злата и сѣребра;
Я соорил бы тебе соборную церкву,
Я спичу твой лик на икону
И поставлю твой лик в Божию церкву

на престоле;

И станут к тебе съезжаться цари и царевичи,
Короли и королевичи,
Сильные и богатые
И все православные христиане.

Станут на тебя Богу молиться
И станут тебе местны молебны служитьи,
Частой канун говорити,
И станут тебя украшати
Каменьями драгоценными».

Анике смерть же проглаголила:

«Ты, храбрые человек Аника-воин!
Неможно мне строить соборную церковь,
Неможно мой лик писать на иконах,
Неможно мне стоять во Божьей церкви

на престоле

И невозможно на меня Богу молиться,
Неможно мне местны молебны служитьи,
Частой канун говорити,
И невозможно меня украшати
Каменьями драгоценными».

Плачет, рыдает храбрые человек Аника-воин,
Он смерть матерью родною называет:

«Ты, гордая мать сотворѣнна,
От Господа Бога поущѣнна!

Дай ты мне веку на единый час, на единую

минуту.

Я поеду в дом-от свой, побываю,
У меня в дому есть отец и мать,
Есть и малые дети,
Есть молодая жена,
Есть и сродники и приятели.
Я с отцом бы, со матерью простился,
Я попросил бы великое благословленье
И благословил бы я своих малых деток,
И простился бы со своей молодой женой
И со сродниками и с приятелями).
Анике смерть же проглаголила:
«Ты, храбрый человек Аника-воин!
Нет у меня, у смерти, ни отца и ни матери,
Нет и малых деток,
Нету и молодой жены,
Нет ни сродников, ни приятелёв.
Меня Господь возлюбил
И по земле попустил:
Я всякого раба вознимаю,
Я всякого раба воскошаю;
Я где раба застигаю,
Я тут раба воскошаю:
Хоть во чистым поле,
Хоть на синиим море,
Хоть в темным лесе,
Хоть при пути, при дороге
Я тут раба и воскошаю;
Где тужат, плачут,—
Тут мне, смерти, и праздник».
Сослал Господь по Аникину душу
Двух ангелов, двух архангелов;
И вынули Аникину душу
Сквозь рёбер, костей,
И не чёстно, не хвально и не радушно.

Посадили Аникину душу на копйё
И вознесли Аникину душу вельмЫ высоко,
И возрЫнули Аникину душу во тьму глыбокó,
В муку вечную, в палящй огонь.
Славен Господи Бог прославился,
И велика его милость Господня!

ВОЗНЕСЕНИЕ

Среди было теплого лета
Накануне Вознесения Христова
Расплакалась нищая братья:
«Гой еси, Христос, Царь Небесный!
На кого-то ты нас оставляешь?
На кого-то ты нас покидаешь?
Кто нас поить-кормить станет,
Одевати станет, обувати,
От темныя ночи охраняти?»
Проглаголет Христос, Царь Небесный:
«Не плачьте вы, нищая братья!
Дам я вам, нищим-убогим,
Гору крутую золотую.
Умейте горою владати,
Промежду собою разделяти.
Будете вы сыты и довольны,
Обуты и одеты
И от темныя ночи приукрыты».
Проглаголет Ианн Златоустий:
«Гой еси, Христос, Царь Небесный!
Благослови меня слово промолвить
За нищую братью за убогую:
Не давай нищим гору крутую,
Что крутую гору, золотую.
Не уметь им горою владати,
Не уметь им золотые поверстати,
Промежду собой разделяти.
Зазнают гору князи и бояра,
Зазнают гору пастыри и власти,

Зазнают гору торговые гости;
Отоймут у них гору крутую,
Отоймут у них гору золотую;
По себе они гору разделят,
По князьям золотую разверстают
Да нищую братью не допустят.
Много у них будет убийства,
Много у них будет кроволитства,
Промежду собой уголовствия;
Да нечем будет нищим питаться,
Да нечем им будет приодетися
И от темных ночи приукрытися.
Дадим мы нищим-убогим
Имя твое святое:
Будут нищие по миру ходити,
Тебя, Христа, величати,
В каждой час прославляти;
Будут они сыты и довольны,
Обуты будут и одеты
И от темных ночи приукрыты».
Проглаголет Христос, Царь Небесный:
«Исполать тебе, Ианн Златоустий!
Умел ты словечко промолвить
За нищую братью за убогую.
Да вот тебе уста золотые!»
Мы песнь поем: аллилуйя.

ВОЗНЕСЕНИЕ

На шестой было на неделе,
В четверг у нас праздник Вознесения:
Вознесся сам Христос на небеса
Со ангелами и со херувимами,
И со своей со небесной силой;
А нищие Господа молили,
Много у Христа милости просили:
«Владыка Христов Царь Небесный!
Вознесешься ты, Царь, на небеса
Со ангелами и со херувимами,
И со своей со небесною силой.
Ино кто нас поить, кормить будет,
И кто обувати нас и одевати,
За что нам Мать Божию величати
И тебя, Христа Бога, прославляти?»
Речет им Христос, Царь Небесный:
«Не плачьте, мое меньшее братие,
Дарую я вам гору золотую
И пропущу я вам реку медовую.
Умейте златой горой владети,
Промежду собой разделяти».
Речет ему Иван-архиепискуп:
«Владыко Христос, Царь Небесный!
Не возьми мое слово в досаду,
Не оставляй своей нищей братии
Этии горы золотые.
Естьли пожертвуешь им гору золотую,
Наедут к ним сильные люди
И найдут к ним немилосливые власти,

Отоймут у них гору золотую,
Помрут нищие голодною смертью
И позябнут холодною зимою.
Оставь ты своей меньшей братии
Свое имечко Христово,—
Пойдут нищие по земле ходити,
Твое имя святое возносить.
Ино кто есть верный христианин,
Он их приобует и приоденет,—
Ты даруй ему нетленную ризу;
А кто их хлебом-солью напитает,—
Даруй тому райскую пищу;
Кто их от темной ночи оборонит,—
Даруй в раю тому место;
Кто им путь-дорогу указывает,—
Незаперты в рай тому двери».
«Благодарю тебя, Иван-архиепискуп,
За твои за речи дорогие,
Дарую уста тебе золотые,
В году тебе празднички честные
Во имя Ивана Златоуста».
Мы славим тебя, Христа Бога.

ПРО ХРИСТА МИЛОСТИВА

С пятницы на субботу на великую страстную
Жиды-пилаты Христа распинали,
В ручки, в ножки гвоздики вбивали,
На буйную головку тернов венец надевали.
Уж как услышала Матушка Марья,—
Горючими слезьми обливалася,
Его святой одеженькой обтиралася,
Молилася Богу предвечному.
Свое горе ему выкладала,
Милости великой его вопрошала:
Того ли Воскресения тридневного.
Уж как воскрес наш Царь-Христос,—
Природушка взликовалася,
Жиды-пилаты в страхе разбежались,
Мертвы тела воскресалися.
Уж как увидела Матушка Марья

Богородица

Своего Спаса Сына тридневного
Телом, плотью воскресенного,
Отцем Богом прославленного,
Сыном едиnorodимым нареченного,—
Взликовала она, Матушка, со архангельми,
Со всеми со апостольми,
Со всеми со святыми со девами.
Возносили они песню Христу

воскресенному.

Уж как пошел наш Иисус Христос,
Пошел на небеса в Вознесение,
А за ним-то пошли все апостолы,

А пошла за ним и вся нища братия
На гору высоко превознесенную.
«И куды ж ты от нас, Христос Бог,
уходишь?»

На кого ж ты нас оставляешь? —
Взголосоли святые праведны апостолы,
Заплакала вся нища наша братия, —
Уж и кто же нас учить будет,
Учить будет словам Божиим?
Уж и кто же нас приютит в ночи,
Пропоит, прокормит во дни светлые?»
«Вы не плачьте-ка, святые апостолы, —
Я возьму вас во Царствие Небесное!
Вы не плачьте-ка, вся нища братия, —
Я создам-то вам гору золотую
И создам-то я вам реку медовую».
Отвечала ему вся нища братия:
«Ну, и где же нам владеть горою золотую,
Ну, и где же нам владеть рекою медовою:
Уж как отымут-то у нас, нищей братиц,
Богатые люди, люди знатные,
Они отымут гору золотую и реку медовую.
Ты сподоби нас честным твоим именем,
Хлебцем черным, куском вечным!»
Благословил тут Христос нищу братию:
«Вы идите, просите, вся нища братия,
Моим именем Иисус Христовым
Святую милостыню подающую;
Во век веков будет она вам помощница, —
Мое имя свято будет вам кормилицем!»

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛА И НИЩАЯ БРАТИЯ

Эх, да святитель наш Микола Христов,
Эх, кормитель-поитель нищей братии,
Эх, сойди с небесных высот
На сыру нашу землю грешную!
Ты снеси-ка нам подаяние
Чрез добра раба христианина!
Ты укрой-ка нас, нищу братию,
Во хороминах приютителей!
А хрестьянинам-приютителям,
Подаятелям, покормителям
Упроси у Сына Божия
Ты чертогов в раю светлом,
Где архангелы ликовствуются,
Где апостолы проповедь ведут,
Где деревья вся кипарисова,
Где трава-муравушка зеленая
Цветом алым блауханным
Приукрашена словом Божиим.
И в живленьи на сырой земле
Пошли помощи во работушке.
Закрома наполнь всяким хлебушком,
Сбереги ты их во несчастиях,
А прославь ты их светом, радостью!
А мы молимся тебе, Микола Христов,
Земно кланяемся с хрестем Божиим,
Поем славу тебе — песню царскую.
Прослыхал тут Микола Христов
Песню царскую нищей братии,
А сошел-то он к ним на сыру землю

Со небесных высот, рая светлого,
А послал-то он нищей братии
Милосердного приютителя,
Христианина-покорителя.
А подал ему, угодителю,
Нищей братии покорителю,
Подал дочушкам мужьев добрых,
Наделил его доброй славушкой,
Казной царскою, Божьей благодатью.

ДВА БРАТА ЛАЗАРЯ

Живал себе славен на вольном свету,
Пивал-едал сладко, носил хорошо,
Дорогие одежды богат надевал,
Про милость про Божию богат не давал.
А был у богатого убогий Лазарь,
Он скорбен, болезнен, он весь во гною.
Восползет убогий к богатому на двор,
Воскрикнет убогий громким голосом:
«Милостивый братец, богатый Лазарь!
Ты выслушай, братец, прошение мое,
Сотвори мне, братец, милостыню,
Про милость про Божью напой, накорми;
Не я тебе, братец, за то заплачу. —
Заплатит богатому Господь с небеси».
Как слышал богатый в своем терему,
Выходил богатый на красно крыльцо,
За ним выходили все рабы его,
За ним выносили все мед и вино.
То чаял богатый гостей к себе в дом,
Чаял: «Мои гостики возлюбленные».
А ижно убогий стоял у крыльца.
Как крикнул богатый громче того:
«Ах ты, смердин, смердин, смердящий ты сын,
Да как же ты смеешь к окну подходить?
Да как же ты смеешь братом называть?
У меня брата Лазаря в роду не было.
Такой хворобы слыхом не слыхал.
Есть у меня братия получше тебя,
У кого много злата, больше серебра,

Те — и моя братия возлюбленная.
А вон твои братья — два лютые пса,
Теи твои братия получше меня».
Речет же убогий брату своему:
«Милостивый братец, богатый Лазарь!
Напрасно, мой братец, отперся меня,
Напрасно, родимый, от рода своего;
Одна нас с тобой матушка на свет родила,
Один-то нас батюшка вспоил-воскормил,
Неровною долей Господь наделил:
Тебя наделил все богатством,
Меня наделил все убожеством.
Спохватишься, братец, да не вовремя,
Вспокаешься, родимый мой, — возврату
не быть».

«Да чем же, убогий, ты стал мне грозить,
А я не боюсь ничем ничего,
А я не блюдуся никем никого.
Беда ко мне придет — казной откуплюсь,
От вора, разбойника ружьем отобьюсь,
От нищей от братии ворота запру.
Подите, рабы мои, спихните с двора,
Спустите, рабы мои, два лютые пса,
Пускай его псы те терзают всего». —
Не стали же псы его ни рвать, ни терзать,
Понюхали псы его, сами прочь пошли.
Святым Духом Лазарь, он сыт пребывал,
Святым Духом Лазарь ничем невредим.
Как начал убогий молитву творить,
Как начал убогий Христа величать:
«Господи, Владыко, Спас милостивый!
Выслушай ты, Господи, молитву мою,
Все молитву мою неправедную.
Сошли мне, Владыко, грозных ангелей

По мою по душеньку, по Лазареву.
Как я жил, убогий, на вольном свету,
То-то моя душенька намучилася:
И голода, и холода, всего приняла,
Всякой она скверности навидалася,
Создай мне, Владыко, горчее того!»
И сам Господь выслушал молитву его,
Молитву его все праведную;
Ссылает Бог святых ангелей
Тихих и смирных, двух милостивых.
Как святые ангели солетывали,
Вынимали душеньку все Лазареву
Честно и хвально в сахарны уста,
Посадили душеньку-то на пелену,
Понесли они душеньку-то на небеса,
Отдали душеньку к Абрамию в рай.
Будет у богатого почетный пир
Про свою про братию возлюбленную.
Выходил богатый в зелен сад гулять.
Не успел богатый двора перейти,
Не успел богатый в саду погулять,
Не успел богатый чары выкупать,
Придет на богатого люта хворьба,
Вся Божия немочь уродливая:
Подымет богатого вельми высоко,
Ударит богатого о сыру землю.
Отбило у богатого ум и разум:
Не вспомнит богатый жития своего.
Не узрел богатый жены и детей.
Как видит богатый беду над собой,
Взирает богатый-то на небеса.
Как начал богатый молитву творить,
Как начал богатый Христа величать:
«Господи, Владыко, Спас милостивый!

Выслушай ты, Господи, молитву мою,
Создай ты мне, Господи, святых ангелей,
Тихих и смирных, двух милостивых.
Как я жил, богатый, на вольном свету,
Много имел злата, больше серебра,
А больше того было цветного платья.
Создай мне, Владыко, получше того».
А сам Господь выслушал молитву его,
Молитву его неправедную.
Ссылает Господь Бог грозных ангелей,
Грозных и страшных, немилостивых.
Как грозные ангели солетывали,
Они грудь у богатого разламывали,
Скипетром душеньку вынимывали,
Вынули душеньку в кровавы уста,
Посадили душеньку на остро копьё,
Понесли они душеньку крутя и вертя,
Вкинули душеньку в кипящий огонь.
Молился богатый день до вечера,
Не взможет богатый муки стерпеть,
Взирает богатый из муки на рай.
Как видит богатый Абрама в раю,
А возле Абрамия брата Лазаря.
Воскликнул богатый громким голосом:
«Милостивый братец, убогий Лазарь!
Выступи, братец, из раю ты вон,
Ты поди, родимый мой, на сине море,
Помокни ты, братец, мизинный свой перст,
Покропи мне, братец, кровавы уста.
Не дай, сударь братец, в огне исгореть,
Не дай мне, родимый мой, в смоле испить».
Речет же убогий брату своему:
«Милостивый братец, богатый Лазарь,
А теперь нам, братец, не своя воля,

Как мы жили-были на вольном свету.
Чем же погасишь кипимый огонь?
Где же твое, братец, злато, серебро?»
«Милостивый братец, убогий Лазарь!
Злато мое, серебро землей пожрало,
Все мое именне прахом взялось,
Все мои товарищи разъехались,
Все друзья-приятели отрекались,
Рабы мои верные разное все пошли,
Остался я, братец, один во грехах».
«Милостивый братец, богатый Лазарь!
Помнишь ли ты, братец, помятуешь ли,
Как мы жили-были на вольном свету?
Ты нищую братию на двор не впускал,
Ты босого, нагого не обул, не одел,
От темной от ноченьки ты не укрывал,
С широка подворья ты не провожал,
Пути и дороги ты не указал,
Вдовиц и сирот ты не сберегал,
В тюрьму, в богадельню ты не подавал,
До Божией церкви ты не доходил,
Отца-то духовного ты не почитал,
Меня, брата Лазаря, братом не звал,
Меня, брата Лазаря, в роду не имел».
«Милостивый братец, убогий Лазарь!
Чего ты мне, братец, давно не сказал
Про муку про злую, превечную?
Кабы знал я, ведал, не то бы творил,
Я б нищую братию поил и кормил,
Босого и нагого обул бы, одел,
От темной от ночи всегда б укрывал,
С широка подворья всегда б провожал,
Путь бы я, дорогу всеё б указал.
Вдовиц бы, сирот я в дому сберегал,

В тюрьму, в богадельню всегда б подавал,
До Божией церкви всегда б доходил,
Отца бы духовного всегда уважал,
Тебя, брата Лазаря, братцем называл,
Тебя, брата Лазаря, в роду бы имел,
Имел тебя, братец, как душу свою,
Как бы свою душеньку во белом теле». —
Спохватился Лазарь, да не вовремя,
Векаялся богатый, — возврату не быть.
Как с небес ангели солетывали,
Они на землю ликовали,
Убогому Лазарю славу поют.

ДВА БРАТА ЛАЗАРЯ

Жили да были два брата родные,
Два брата родные — оба Лазаря.
Одна их матушка породила,
В одной купели окрестила.
Один их батюшка вспоил,
Один родной отец воскормил.
Не одним только великий Бог
Их на свете счастьем наделил:
Старшему-то Лазарю богатства — тьму,
Младшему-то Лазарю — убожество, рай.
Пришел к богачу беднейший брат,
Пришел к нечестивцу Лазарь-свят.
Взмолился убогий к Лазарю-богачу:
«Братец, мой братец, богатый ты, Лазарь,
Много палат у тебя и много богатств,
Напой-накорми ты меня и от ночи сокрой,
Бог милосердный за это подаст венец золотой!»
«Что ты за братец, что за родимый! —
Гордо взглянул, прикрикнул богатый,
спесивый, —

Моя-то братия, мои-то родные —
Князья, да бояре, да дьяки умные,
Мои-то сроднички, мои-то близкие —
Кушцы заморские, кушцы торговые.
Твоя же братия, твои-то сродники —
Псы все смердячие, псины подстольные:
Под столом лазают, крохи собирают,
Твои болячки на ногах содирают,

Гной же вонючий языком подтирают.
Горько заплакал тут Лазарь убогий,
Крестом окрестился, пошел в путь далекий.
Пришел он на гору, на гору святую —
В Ерусалимскую весь, Сион-гору крутую.
Тут он взмолился и сердцем открылся
Спасу-Христу, Судие-Царю, Иисусу пречистому:
«Господи, Господи, Спас многомилостив,
Услыши ты, Господи, Лазаря грешного,
Пошли ты мне, Господи, из ада кремешного
Двух-то тех ангелов грозных и сильных,
Огнем палящих людей нечестивых.
Пошли ты их, Господи, к Лазарю грешному
За душой черной, душой многогрешною!»
И услышал Господь голос Лазаря,
И увидел Судья душу бедного,
И послал он к нему двух архангелов,
Духов светлых, духов праведных.
И приняли они душу Лазаря,
И приняли они душу бедного
В пелены Царицы Богородицы,
На свои крылы угодничи.
Понесли они душу Лазаря
На чертоги небес, во пресветлый рай
Ко Давиду-царю на коленочки.
И послал тут Господь за другою душой:
За душой богача — брата Лазаря.
Но послал тут Господь
Двух исподних духов,
Двух исподних духов —
Грозных ангелов.
Сатанинских духов, сильных нечистей.
Ухватили они душу Лазаря,
Душу Лазаря нечестивого, горделивого

В когти страшные, в когти медные
И внесли ее в ад, в пекло смердное.
А зачем ты, душа, а зачем богача
Ты в гордыне жила, никого не блюла;
Зачем нищих братьев ненавидела,
Зачем в нище, питье ты отказывала,
Зачем в темную ночь не укрывывала?

АЛЕКСЕЙ, ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Во славном было во граде во Риме,
При царе было при Онурне,
При втором при царе при Удее,
Славен был князь Ефимьяне.
У богатого князя Ефимьяна
Не было единого детища.
Великий князь Ефимьяне
Возмолился он Богу со слезами,
Со своей с благоверной со княгиней:
«Ты, свет, Пресвятая Богородица!
Возри ты на наши моленья,
Прими Ефимьяновы молитвы,
Создай нам единое детище
При младости на утешенье,
При старости на поглажденье,
При кончине телам на погребенье,
При смерти душе на поминанье».
Выслушал Господь его моленье,
Принял Ефимьяновы молитвы,
Создал Бог единое детище.
Великий князь Ефимьяне
Священника в дом призывает,
Ему имя, младенцу, нарекает,
Нарекает ему имя Олексием;
В крещеную веру окрестили,
Злачен на нем крест возложили.
Как будет Олексий до семи лет,
Великий князь Ефимьяне
Сдавал сына в грамоты учить.

Грамота ему, свету, воздалася,
Он скоро писать обучился.
Как будет Олексий на возросте,
Великий князь Ефимьяне
Дозволил его младого женити.
Ему, свету, женитьба не по мыслу.
Пробртали ему младую княгиню
Во славном во граде во Риме,
В Божью церкву приводили,
Под златьем венцом они стояли,
С единыя чаши испивали,
Круг наоя трижды обводили,
Един чуден крест целовали,
Весь Божий закон принимали.
Пошел Олексий с Божьей церквы
В свои белокаменны палаты.
Великий князь Ефимьяне,
Он его с хлебом-солью встречает,
Божью иконой благословляет;
Приказал его в палату приводити,
Приказал его за стол посадити,
Приказал его кормить хлебом-солью.
Сидит Олексий-свет за трапезой,
Хлеба-соли свет не воскушает,
Медвяных питей не испивает,
Уливается горячима слезамы.
Речет Ефимьян-князь великой:
«Свет ты, мое любезное чадо!
Зачем ты хлеб-соль не воскушаешь,
Медвяных питей не испиваешь,
Уливаешься горячима слезамы?
Аль мы тебя младого женили,
Али тебе княгина не по мыслу?»
Сидит Олексий-свет за трапезой,

Ничего он на место не отвечает,
Уливается горючима слезамы.
Как взойдет во втором часу ночи,
Сходил Олексий-свет со трапезы,
Господу он Богу помолился,
С отцем он, со матушкой простился,
Пошел Олексий опочивати
Со младой с обручной со княгиной.
Как взойдет в шестом часу ночи,
Вставал он, Олексий, со ложницы,
Снимал с себя шелковый пояс,
Со правой руки снял злачен перстень,
Обручной княгины воздавает:
«Ах ты, моя обручная княгина!
Восстань ото сна, пробудися,
Бери от меня шелков пояс,
Со правой руки мой злачен перстень,
Трудися ты, Господу молися
За свои за младые лета».
Княгина перед ним измолчала,
Уливалася горючима слезамы.
На то Олексий не приглянулся,
На слезы ее не взирает.
Пошел Олексий к синю морю,
Становился он во маленький кораблик.
На море погода поставала,
Прносила корабль за сине море,
Приносила к городу Ефесу,
Ко святой соборной Божьей церкви.
Сходил Олексий вон из корабля,
Приходил он в Божью церкву,
Становился во церкву на папёрти
По правую сторону притвора.
Молился он Господу со слезамы

За свои за молодые лета,
Земные поклоны исправляет.
Богатый князь Ефимьяне
Хватился он любезного сына,
Олексия, Божья человека:
Рабов Ефимьян-князь рассылает
Проведывать сына Олексия
По всем по градам, по пустыням,
По всем по церквам, по соборам.
Прошло того времени лет двенадцать,
Рабы ко Ефесу приезжали,
В Божью церкву оны заходили,
Нашли Олексия, не узнали,
Его милостыной наделяли,
Самого Олексия поминали.
У них Олексий принимает,
По нищей по братье разделяет,
Сам Господа Бога прославляет:
«Сподобил Творец меня, Владыка,
У рабов своих милостына взяти,
За своих рабов Бога молити».
Семнадцать лет Господу трудился,
Всякую неделю споведался,
Всякую субботу причащался,
Кушал Олексий со укропом.
С небес ему глас прогласивши,
Речет Пресвятая Богородица:
«Святой Олексий, человек Божий!
Пришел ты ко мне, свет, помолился,
За молодые лета потрудился,
Всеужель ты до Господа доходишь,
Молитва твоя Богу приятна.
Полно прогневлять тебе отца-матерь
Да младу обручную княгиню.

Поезжай ты во свой славен Рим-град,
Отец тебя, мать в доме не спознают,
Ни младая обручная княгиня».
Гласу Олексий удивился,
Сам стоючись прослезился,
Господу, свет, Богу помолился,
Земные поклоны исправляет,
Уливался горючима слезамы.
Пошел Олексий ко синю морю,
Становился в маленький кораблик.
На море погода восставала,
Понесло корабль за сине море,
Принесло во Римское царство
Ко святой соборной Божьей церкви.
Сходил Олексий вон из корабля,
Приходил он в соборну Божью церкву,
Становился во церкву на пацёрти
По правую сторону притвора,
Молился он Господу со слезамы
За свои за младые лета.
Земные поклоны исправляет,
Уливался горючима слезамы.
Богатый князь Ефимьяне
Идет он от соборныя обедни,
Князь милостыною наделяет,
Сам он Олексия поминает.
Олексий отцу, свет, поклонился,
Сам Олексий прослезился:
«Великий князь Ефимьяне!
Построй мне, убогому, келью
Ближе своей каменной палаты
Для-ради имени Христова,
Для своего сына Олексия».
Гласу Ефимьян-князь удивился,

Сам стоячись он прослезился:
«А, рабе Божий, человече!
Не радостную вестъ возвестуешь
Про моего сына Олексия.
Я сам про него, света, не знаю,
Семнадцать я лет поминаю,
В коей стороны, свет, пребывает,
В котором он граде проживает?»
Олексий же на место отвечает:
«Богатый князь Ефимьяне!
Остроишь убогому келью
Ближе своей каменной палаты —
Обрящешь любезного сына
В своей белокаменной палаты:
В одной стороны с ним пребывали,
В единой пустыне проживали,
Со единыя трапезы воскушали,
Едину одежду с ним носили».
Богатый князь Ефимьяне
Велел взять его, нищего, в палаты,
Велел накормить его хлебом-солью;
Отстроил убогому келью
Ближе своей каменной палаты,
Выдал ему младого келейника
Келью топить, пищу носить,
Его, убогого, сберегати.
Котору князь еству воскушает,
Тоё ко убогому воссылает.
Злы были у князя рабы его,
Все оны самы еству поедали,
Все оны питья испивали,
Блюда-сосуды омывали,
Промги на главу ему выливали,
Ничего к святому не доносили.

Все он принимает, свет, за благо,
На то Олексий не прогневился,
Всю с радостью нужду принимает,
Сам Господа Бога прославляет.
Трудился, свет, Господу молился
Тридесять он лет со четыре.
Спроведал Олексий житья кончину,
Речет Олексий своим гласом:
«Ай же ты, раб мой возлюбленный,
Слуга ли ты был мой келейный!
Достань мне чернил, лист бумаги.
За тебя я Господу помолюся
За твои за молодые лета».
Начал Олексий житье писати:
В котором же во граде родился,
В коей стороне Богу молился;
Написал Олексий рукописанье,
Написавши, он, свет, преставился.
Фимьяном, ладаном запахло
По всему по граду по Риму.
Святейшему патриарху
Святой глас во церкви явился:
«Взыщите вы во граде святого
Да в доме у князя Ефимьяна».
Онурий же царь поднимался
С тем со святейшим патриархом,
Со всем пресвященным собором.
Приходили оны в дом к Ефимьяну,
С молитвою келью отпирали.
Труждающаго в келье не стало,
Держит Олексий рукописанье.
Царь до мощей он доступает,
Патриарх к мощам приложился:
«Святые, святые вы мощи!

Отдайте свое рукописанье,
По чему же нам вас будет знати,
Как же ваше имя звеличати?»
Патриарху рукописанье не сдалося.
Идет Ефимьян-князь богатый,
Ко святым мощам он приложился:
«Святѣя, святѣя вы мощи!
Отдайте свое рукописанье,
По чему же нам вас будет знати,
Как же ваше имя звеличати?»
Ефимьяну рукописанье воздалося.
Имел Ефимьян-князь прочитати,
Дочелся он любезного сына,
Олексия, Божья человека;
Не мог Ефимьян больше читати,
Сдавал он патриарху прочитати.
Имел патриарх дочитати —
Чудеса являет всему миру.
Богатый князь Ефимьяне
Сам начал он жалобно плакать,
Браду и власы обрывает,
Цветную ризу раздирает,
Об сыру землю бросает,
Горючие слезы проливает:
«Свет ты, мое любезное чадо,
Святой Олексий, человек Божий!
Чего ради во плоти не сказался,
Пришел из великия пустыни?
Построил бы тебе я келью не такую,
Еще не в таком бы тебе месте».
Сказали его матушке, главы его.
Его мать благоверная княгиня
Течет ко святому, сама плачет,
Она мощи слезамы обливает,

Свой жалкий глас распускает,
Умильными слезами причитает:
«Святые, святые вы мощи,
Сын ли ты мой спорожденный,
Святой Олексий, человек Божий!
Чего ради мне, матери, не сказался,
Пришел из великия пустыни?
Аль ты плачи нашей не слышал?
Сама бы я, мать, к тебе приходила,
Сахарны бы ествы приносила,
Одежду бы с тебя перенадела».

Сведала обручная княгина,
Течет ко святому, сама плачет,
Она мощи слезами обливает,
Свой жалкий глас распускает,
Умильными словами причитает:
«Святые, святые вы мощи,
Святой ли ты мой князь обрученный,
Жених ли ты мой, Богом сужденный,
Святой Олексий, человек Божий!
Чего ради мне, младый, не сказался,
Пришел из великия пустыни?
Аль ты плачи нашей не слышал?
Втай бы к тебе, млада, приходила,
За едино с тобой Господу молилась,
Вообще бы мы девство сохраняли,
За едино бы спасенье получали,
Промеж нами был бы святой Дух».

Олексия, Божья человека
Понесли в соборну Божью церкву.
Множество народа соходило,
Не можно святых мощей проносити.
Народов же князь не допустит
До любимого сына Олексия.

Повелел князь казну свою растощати,
По улицам злато рассыпати,—
Мир же на злато не напались,
Ко святым мощам прилагались.
От святых мощей было явленье:
Слепыим Господь давал прозренье,
Глухим давал Бог прослышенье,
Скорбным-болящим исцеленье,
А расслабленным было здравие,
Грешным Господь давал прощенье,
Праведным душам на спасенье.
Олексия, Божья человека
Несли его, света, по три дни,
По три дни и по три ночи,
Пронесли в соборну Божью церкву,
Со славою света погребали
Во славном во граде во Риме
У святой соборной Божьей церкви,
У свята Нифанья-чудотворца.
Лико его пишут на иконы,
Житье Олексиево во книгах.
Кто Олексия воспоминает,
На всяк день его, света, на молитвах,
Тот сбавлен будет вечныя муки,
Доставлен в Небесное Царство.
Ему уже слава и ныне,
Во веки веком, аминь.

АЛЕКСЕЙ, ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Во славном во городе во в Рыме
При том царе Онории
Молился, трудился Орхимиан-князь.
Он и так-то молился со слезами,
Умолял он у Господа Бога:
«О Господи Боже, Спас милосливый,
Создай ты нам единую чаду:
При молодости лет — на погляденье,
При старости лет — на призренье,
При последнем конце — на помин души.
Да ни от их то было подумления,
Ни от их то было помышления.
Молодая княгиня покосы покосила,
Покосы покосила, чаду породила.
Орхимиан-князь взрадовался,
Собирал попов, дьяков, патриархов
И всех князьев и боярев.
Нарекали ему имя — Еменуилы
Алексея, Божья человека.
Да и кто растет три годочка —
Алексей-свет три неделки,
Да и кто растет три неделки —
Алексей-свет три денечка,
Да и кто растет три денечка —
Алексей-свет растет три часочка.
Да сравнялось Алексею ровно восемь лет,—
Отдает его батюшка в школу
Грамоте Божьей поучаться.
Он так-то грамоте изучался,

Что и ухаля того не знают,
Что Алексей ведь, свет, знает.
Сравнялось Алексею двенадцать лет —
Хочет его батюшка женити.
Он своему батюшке говорит:
«Батюшка, Орхимиан-князь,
На что мне так рано жениться?
Я пойду во ины земли турецкие,
Буду я Богу молиться и трудиться».
А батюшка Орхимиан-князь,
Он на это не удивляет,
А свое дело справляет.
Он засватал за него обрученную невесту.
Во первом часу было ночи
Стали Алексея собирати.
Во другом часу было ночи
Стали Алексея благословляти.
В третьем часу было ночи
Стали Алексея за дубовый стол сажати.
Во четвертом часу было ночи
Стали Алексея на добрых коней сажати.
Во пятом часу было ночи
Стал Алексей со двора съезжати.
Во шестом часу было ночи
Стал Алексей к Божьей церкви подъезжати.
Во семом часу было ночи
Стал Алексей в Божью церковь входитьи.
Во осьмом часу было ночи
Стали на Алексея венцы надевати.
Во девятом часу было ночи
Стал Алексей к своему дому подъезжати.
Сустречает Алексея, Божьего человека,
Батюшка Орхимиан-князь
И с хлебом, солью, с милостию Господней.

Помирает Алексей, Божий человек.
И по всём городу, по в Рыму
Росным ладаном запахло.
Стали люди-то догадываться:
«Чтой-то у нас во городе во в Рыме
Росным ладаном запахло?
Надо разослать по церквам, по кельям:
Нет ли у нас святого человека?»
Вот и нашли его в этой келье,
Позади каменных палат ли тех,
А в руках рукописанье.
То и глянул батюшка Орхимиан-князь,
Посмотрел князь на рукописанье,
Сам слезно заплакал:
«Ох ты, чадо мое, Алексей, Божий человек,
Когда бы ты мне сказал про то,
Построил бы тебе келью
Впереди и повыше своих каменных палат».

СТИХ ОБ ИОСИФЕ ПРЕКРАСНОМ

Жил блажен муж Иаков Израиль,
Имел у себя он двенадцать сынов,
Зело любил из меньших
Иосифа, света, Прекрасного.
Его братья старейшие
На горах овцы пасоша.
Иосиф, свет, Прекрасный
В доме своем пребывает,
Отцову старость сохраняет
И печаль его утешает
Своей красотой и лепотою.
Блажен отец Иаков
Посылает Иосифа к братьям на горы
Братию навестити
С великим своим благословением.
Послал хлеба-соли им на трапезу.
Иосиф же Прекрасный
Надевал на себя пёстру ризу,
Идет к своим братьям старейшим.
Приходит ко братьям на горы
И он громким голосом возпяет:
«Мир вам, братие, всем сказую!
Пришел я вас, братья, навестити,
Отца нашего благословенья
Блаженного Иакова,
Принес хлеб-соль на трапезу вам!»
Его братья старейшие
Свирепо на Иосифа взирают,
Хотят же Иосифа убити,

Иосифа затребити
И злой смерти его предати.
А меньший брат, по имени Вельямин,
Жалко ко братьям взмолился:
«За что бы нам Иосифа убити?
Злой смерти его предати?
Выроем глубокие ровы!»
И пеструю ризу соблекали,
В глубокий ров его свергали,
Над ризою совет советали:
«Как бы нам отцу Иакову сказати,
Пестру ризу объявити? —
Зарежемте в стаде козлища,
Над ризою над пеструю кровь проточимте,
Ризу мы кровью окровавимте!»
В стаде козла зарезали,
Над ризою кровь проточили
И ризу его окровавили.
Посылали ризу ко Израилю
С меньшим братом Вельямином.
Неправду отцу Иакову сказали:
«Блажен ты наш отец Иаков!
Дома ли наш меньший брат Иосиф?
Мы его ризу находжали
Во чистом поле, при долине:
Риза его вся кровяная!
Невесть его люди убили,
Невесть его люты зверья растерзали!»
Блаженный отец Иаков
С печалию ризу принимает,
На белые руки воскладает:
«Когда б его люди убили,
Они с ризой бы его не расстались;
Кабы зверья его растерзали,

Было бы на ризе цепловáнье.
Подумаю, погадаю,—
Бéз вести головушка пропадает!
Кого призову ко рыданию?
Кому поведать печаль мою?
Кому в моем доме пребывать,
Кому мою старость сохранять,
Кому мою древность призирати?
Кабы у меня было прежнее зренье,
Пошел бы я тебя, чадо, искати;
Наплакался бы и нарыдался
Над твоею бы красотю!»
Иосиф, свет, Прекрасный,
Во рве сидя, слезы точает,
Ко сырой земле припадает,
Устами своими глаголет:
«Увы, земля-мать сырая!
Кабы ты, земля, вещая мать, голубица,
Поведала бы ты печаль мою!
Отцу бы моему ты сказала
Блаженному Иакову,
Что, во рве сидя, погибаю,
Напрасную смерть принимаю
От своих старейших от братьев!»
И едут купцы измáйловцы
В египетское царство торговати.
Наезжали на старейшую братню:
«Мир вам, братия старейшая!
Чего вам есть у нас закупити?»
Его братия старейшие
Промеждú себя совет совéтали
Про Иосифа, свет, Прекрасного,
Не хотят его злой смерти предати:
«Богатые вы купчáне!

Купите вы у нас общего человека
По имени Иосифа Прекрасного!»
Богатые купчانه
Во ровы загляделись,
Красоте его дивовались:
«Где такое чадо рождённо?»
Начали Иосифа торговати:
Дают три сребреницы, четыре,
И за тридцать срёбрениц сторговали.
Его братие старейшие
Себе злую корысть получили,
Промёжду собою разделили.
Богатые же купчانه
Поедут путем возле моря.
Пребудут купчانه близ подро́гу,
Против его старого жилища,
Где мать его, Рахиль, схоронёна.
Иосиф, свет, Прекрасный
Жалко купчанам возмолился:
«Богатые вы купчانه!
Отпустите, ослобоните
На матушкину могилку!
Горючих я слез наточуся,
С родимою матушкой прощуся!»
Богатые же купчانه
Красоту его потешали:
Отпустили, ослобонили
На матушкину могилку.
Иосиф, свет, Прекрасный
Пришел, до земли поклонился,
На сырую землю он упадóше;
Он плачет, сам възрыдает,
Устами своими глаголет:
«Увы, земля-мать сырая,

Сырая земля-мать, расступися!
Матерь моя, Рахиль, пробудися!
Прими меня, матерь, во свой гроб,
Да будет нам гроб твой един отрок!
Не примешь меня, Рахиль-матерь, во
свой гроб,—

Воздай мне свое великое благословение:

Чтобы мне во Египте не погибнуть

На той на египетской работе!»

Богатые же купчани

На Иосифа, свет, прослезились,

За белые руки принимали,

От сырой земли подымали,

Ласковым словом увещевали:

«Восстань, чадо любезное!

И нам ты печаль всем воздаешь!

Достоин ты, чадо, своей красотой:

Не будешь ты в Египте работати,

А будешь перед самим царем стояти,

С вельможами честь воздержати!»

Богатые же купчани

В египетское царство приезжали,

На торжище становились.

Соезжались князья и вельможи,

Товары они не оцениют,

На Иосифа они загляделись,

Красоте его дивовались.

Докладают большому вельможе

Самому князю Пентефрею.

Приезжает князь Пентефрей

Со своею с женою со вельможей.

Товаров он не оцениет,

На Иосифа, света, засмотрелся,

На его красоту изумился:

«Богатые вы купчаны!
По образу вы — люди измайловцы,
Сле ваш чадо — не измайловец,—
Предобрый лицом красен!»
Купцы же ко вельможам отвечали:
«По образу чадо есть прекрасный,
Предобрый есть, премудрый!»
Бессчётны казны он им насыпает,
Безданно велел торговати
За Иосифа, свет, Прекрасного.
Иосифа, свет, Прекрасного
За белые руди принимает;
Со радостью в дом приведёмши,
Старейшим рабом его нарекает,
Весь дом на него свой возлагает;
Такое слово возговорит:
«Жена ты моя, вельможя!
Вот тебе мой слуга верный:
Умей ты его соблюдать,
Честно его наряжати».
И та жена вельможия
На Иосифа, света, прельстилась;
Во особы палаты отхождала,
Лицо свое умывала
И цветное платье изменяла,
Различными лафами украшала,—
Как бы Иосифа прельстити.
Иосиф, свет, Прекрасный
Не отнюдь на нее не взирает,
Умом на нее не помышляет.
И та жена вельможьева
В особу палату прихождала,
За белые руди принимала,
А бесстыдные слова ему говорила:

«О раб ты мой, Иосифъ!
Сотворим грех по любви!
Красоты твоей я насмотрюся!»
Иосифъ, свет, Прекрасный
Из рук у нее вырывался.
Злые бесы, лукавые,
Сетьми Иосифа обметали,
Хотят его душу ловить,
Во ад его душу погрузить,
Небесного Царствия лишити,
От света, от Христа Бога отлучити.
Иосифъ, свет, Прекрасный
Не хотел с душой погибнуть,
Небесного Царствия отбыти:
Бесовские сети поломавши,
Из рук у нее вырывался,
Из палаты вон истекает,
Всем ангелам, архангелам
Великую радость сотворяет,
А злым бесам, лукавым,
Великую печаль воздавает.
И та жена вельможьева
За полы Иосифа удержала,
Полы ему оборвала,
И одежду свою изорвала,
И лицо свое кровью окровянила,
Из палаты вон истекала,
Повинным словом оболгала,
Поведала к князю Пентефрѣю:
«Вот ты, князь Пентефрѣе,
Что, говоришь, слуга верный!
Он меня испозорил:
И одежду на мне разорвал,
И лицо мне окровянил!»

Посадили его в темную темницу.
Во темной во темнице
Сидели два царские сидельца:
Первый сиделец — хлебодар,
А второй сиделец — виночерпий.
Премудрый сон им явился:
У хлебодара на главе
Враны-птицы сидели,
Мозг из главы точили,
А у виночерпца на голове
Цветы расцветали.
Они думают и гадают
И промежду себя сон рассуждают:
«Невесть нам быть от царя казненным
И невесть нам быть прощенным!»
Никто им не может рассудити,
Про страшные сны разгадати.
Иосиф, свет, Прекрасный
Двоим царским слугам сны рассуждает:
«Тебе, хлебодару, быть казнену,
А виночерпцу — вон выпущену
На свое на прежнее место;
Перед самим царем будет стояти,
С вельможами честь воздержати.
Помяни про меня про невольника!»
Хлебодара заутра показали,
Виночерпца заутра простили.
Проходят два лета два теплых.
Самому царю Фараону
Два страшные сны явились:
Привиделось семь волов тучных,
Привиделось семь волов худых.
Худые тучных пожирали
И в море воду всю выпивали,

И в полях класы все поедали.
Великий Фараон-царь
Многих волхвов призывает.
Никто ему не может рассудити,
Про грозные сны разгадати.
Тот же князь виночерпий,
Который сидел с Иосифом в темнице,
Такóво слово возгóворит:
«Грозный царь Фараон!
Не прикажи за слово казнити,
А прикажи слово говорити!
От того от князя Пентефрея
Сидит во темнице сиделец
По имени Иосиф Прекрасный,—
Он может: царские сны рассуждает,
Рассуждает и разгадает!»
И грозный царь Фараон
За Иосифом посылает,
Из темницы его вынимает,
Перед лицом своим становит.
Иосиф, свет, Прекрасный
Сказал царю гладные годы:
«Какой же ты есть царь Фараон!
Своего ума-разума довольно,
Что страшные сны ты рассудишь:
Не семь волов выходили,
Из моря всю воду выпивали;
Не в полях класы поедали:
Нá семь лет будет хлеба роду,
А после на сёмь лет будет гладу.
Нигде, сударь, хлеб не родится,
Окрóме египетского царства.
Вели же ты пшеницы закупати,
Во житницы насыщати,

Чем бы гладные годы проводи
И чем бы весь мир прокормити!»
Великий царь Фараон
Из царского места встает,
Вторым царем его нарекает,
Половину ему царства отделяет.
Иосиф, свет, Прекрасный
Вторым царем пребывает
Во том во египетском царстве;
Сеет ярую пшеницу,
Засыпает житницы-амбары.
Его братья старейшие
Во египетское царство приезжали,
На торжище становились,
Дешевой пшеницы закупали,
На ставку к царю становили.
Стал же их Иосиф узнавати,
Золотой чарбй волхвовати,
По имени их всех нарекати:
Большого брата Рувимом,
А среднего брата Семионом,
А меньшого брата Вельямином.
«Богатые вы купчаны!
Которого града, чьи вы люди?»
«А мы града Костянтина,
Блаженного отца Иакова дети».
«Жив ли ваш отец Иаков?»
Они его вживе сказали.
«А жив ли ваш брат Иосиф?»
«Не знаем мы того, сударь, не ведаем,
Куда наш брат Иосиф девался:
Не знай во лесах заплутался,
В неведому пустынь удалился».
Иосиф, свет, Прекрасный

Великую честь им воздавает,
И хлебом и солью их наслаждает,
Бесценной пшеницы им насыпает,
Он с честью из града их провождает.
Меньшому брату Вельямину
Велел в воз чару заложити.
Велел на пути остановить.
С великим стыдом в град возвратили,
Золотой чарой обличили,
На ставку к царю их становили.
«Богатые вы купчане!
Не вспомнили царской вы доброты!
Зачем вы украли сосуд царский?»
Его братья старейшие
Стали промежду себя искати,
Друг друга клеветати.
Нашли у меньшего брата,
У меньшего брата Вельямина.
Начали они его бранити
И вором укоряти:
«Ты гой еси, царь правоверный!
Вор есть головою!
Таков был у него брат Иосиф,
Така же ему и смерть солучилась!»
Иосиф, свет, Прекрасный
Слезами заливался;
Устами своими глаголет:
«Моя братья старейшая!
Не полно ли воровати,
Вам друг друга продавати?
Разве вы меня, братцы, не узнали?
Ведь я меньший ваш брат Иосиф!»
Он братью свою посрамимши.
Были перед ним, яко звери,

И стали перед ним, яко мёртвы,
Не зная, что к нему отвещати.
Иосиф, свет, Прекрасный
Никакого зла не сотворил им,
По удельным по градам их рассылает,
А меньшего брата, Вельямина,
За белы руци принимает.
Со радостию в дом свой приведомши,
Златой чарой его потешает.
Послал его по отца своего,
Блаженного по Иакова,
Со всем его с домом благодатным
Во египетское царство приведомши.
Иосиф, свет, Прекрасный
Отца своего Иакова встречает
Со многими со князьями, с боярами,
Со многими с православными
христианами.
Князей-бояр он, свет, постыдился.
Из рук царских жезло уронише,
В то время он отцу Иакову поклонился,
За белые руци подымает.
Со радостью в дом свой приведомши,
На ноги к нему упадоше:
«Блажен муж, отче Иакове!
Воздай мне свое благословенье,
Чтоб мне во Египте не погибнуть!»
Царит во египетском царстве
Иосиф, свет, Прекрасный.
Он Богу был, свет, угоден,
Всему миру он доброхотен;
Угодно он Господу скончался.
Аллилуия и слава тебе, Господи еси!

ПЛАЧ ИОСИФА ПРЕКРАСНОГО

Кому повею печаль мою,
Кого призову к рыданию?
Токмо тебе, Владыко мой,
Известна тебе печаль моя,
Моему творцу, создателю
И всех благих подателю.
Буду просить я милости
От всея своея я крепости.
Кто бы мне дал источник слез,—
Я плакал бы и день, и ночь,
Рыдал бы я о гресех своих,
Пролил бы я слезы от очию,
Аки реки едемские,
Погасил бы я геенский огнь!
Буду просить я милости
От всея своея я крепости.
Кто бы мне дал голубицу,
Вещающую беседами?
Послал бы я ко Иакову,
Отцу моему Израилю.
Отче, отче Иакове,
Святой мой Израилю!
Пролей слезы ко Господу
О своем сыне Иосифе.
Твои дети, моя братия
Продали мене во ину землю.
Исчезнуша мои слезы
О моем с тобою разлучении;
Умолкнуша гортань моя

И несть того, кто б утешил мя.
Земле, земле, прими
Скоро мя во гроб твой!
Земле, земле, возопившая
Ко Господу за Авеля,
Возопи ныне ко Иакову,
Отцу моему Израилю!

ИОАСАФ-ЦАРЕВИЧ И ПУСТЫНЯ

Во дальнейей во долине
Стояла прекрасная пустыня.
Ко той же ко пустыне приходит
Молодой царевич Осафий:
«Прекрасная ты, пустыня,
Любимая моя мати!
Прими меня, мать-пустыня,
От юности прелестныя,
От своего вольного царства,
От своей белой каменной палаты,
От своей казны золотыя!
Научи ты меня, мать-пустыня,
Волю Божию творити!
Да избави меня, мать-пустыня,
От злыя муки от превечной!
Приведи ты меня, мать-пустыня,
В небесное царство!»
Отвещует прекрасная пустыня
Ко млáдому царевичу Осафью:
«Ты, млáдый царевич Осафий!
Не жить тебе во пустыне:
Кому владеть твоим царством,
Твоей белой каменной палатой,
Твоей казной золотою?»
Отвещует млáдый царевич,
Царевич Осафий ко пустыне:
«Прекрасная ты, пустыня,
Любимая моя мати!
Не могу я на свое царство зрети,

Ни на свою каменну палату
И на свою казну золотую!
А хочу я пребыть во пустыне;
Рад я на тебя работати,
Земные поклоны исправляти
До своего смертного часу!»
Отвещует прекрасная пустыня
Ко млáдому царевичу Осафью:
«Ты, млáдый царевич Осафий!
Не жить тебе во пустыне:
Не молясь во мне, Богу молиться,
Не трудясь во мне, Господу трудиться.
Нет во мне царского ества
И нет во мне царского пойла;
Есть-воскушáть — гнилая колода,
Испивать — болотная водица!»
Отвещует млáдый царевич,
Царевич Осафий ко пустыне:
«Прекрасная ты, моя пустыня,
Любимая моя мати!
Не стращай ты меня, мать-пустыня,
Своими великими страстями!
Могу я жить во пустыне,
Волю Божию творити,
Есть гнилую колоду:
Гнилая колода
Лучше царского ества,
Испивать болотную водицу —
Лучше царского пойла!
Житье наше, мать, часовбе,
А богатство наше, мать, временнбе!
Я рад на тебя работати,
Земные поклоны исправляти
До своего смертного часу».

Отвещует прекрасная пустыня
Ко младому царевичу Осафью:
«Ты, младый царевич Осафий!
Не жить тебе во пустыне:
Придет мать-весна красна,
Лүзья-болоты разольются,
Древа листьями оденутся
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами;
А ты из пустыни вон изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь!»
Отвещует младый царевич
Осафий к прекрасной пустыне:
«Прекрасная мать-пустыня,
Любимая моя мати!
Хошá придет мать-весна красная,
И лүзья-болоты разольются,
И древа листьями оденутся,
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами,—
Не прельщусь я на все благовонные
цвeты;

Отрошу я свои власы
По могучие плечи
И не буду взирать я на вольное царство.
Из пустыни я вон не изыду
И тебя, мать прекрасная, не покину!»
Отвещует прекрасная пустыня
Ко младому царевичу Осафью:
«Свет младый царевич, Осафий,
Чадо ты мое милое!
Когда ты из пустыни вон не выйдешь
И меня, мать прекрасную, не покинешь,—
Дарю я тебя золотым венцом,

Возьму я тебя, млáдый царевич,
На небеса царствовáти,
С праведными лики ликовати!»
Все святые, все пустынные жители
Млáдому царевичу Осафью вздивовалися,
Премпогому царскому смыслу.
Поем славу Осафью-царевичу,
И во век его слава не минуется!

ИОСАФ-ЦАРЕВИЧ И ПУСТЫНЯ

Расплакался млад юноша
Иосафий-царевич,
Пред пустынею стоя:
«Прекрасная пустыня!
Восприми меня, пустыня,
С премногими грехами,
Со многозорными делами,
Яко мать свое чадо,
На белые руди!
Научи меня, пустыня,
Волю Божию творити,
Яко мать своего сына,
Все на добрые дела!
Избавь меня, пустыня,
Огня, вечныя муки!
Возведи меня, пустыня,
В Небесное Царство!»
Прогласит пустыня
Архангельским гласом:
«О, премладый юноша,
Иосафий-царевич!
Еще где тебе во мне жити,
Волю Божию творити?
Во мне, во пустыне,
Житие смертельное:
Во мне, во пустыне,
Всякие нужды восприняти,
Терпя, потерпети,
Трудом потрудиться,

Постом попоститься
И Богу помолиться.
У меня, у пустыне,
Нет цветного платья,
Нет сахарных яств
И медвежьих пойлов!
Во мне, во пустыне,
Гнилая колода,
Болотная вода.
Во мне, во пустыне,
Тебе будет житьи
Грустно и тошно:
У меня ли, у пустыне,
Тебе негде разгуляться,
Не с кем думу подумать
И не с кем слова говорить!»
Расплакался млад юноша
Иосафий-царевич,
Перед пустынею стоя;
На пустыню взирает,
Пустыне отвечает:
«Могу я в тебе житьи,
Волю Божию творитьи,
Могу я в пустыне
Всякие нужды воспритьи,
Терпя потерпетьи,
Трудом потрудитьи,
Постом попоститьи
И Богу помолитьи.
Про тебя, шатер-пустыня,
Все архангелы хвалят,
А преподобные прославляют.
Во тебе, мать-пустыня,
Предтеча пребывает;

Пытается Предтеча
Диви медом, виноградом.
Во тебе, мать-пустыня,
Гнилая колода,—
То сахарное мне будет яство,
То мне райская пища;
Во тебе, мать-пустыня,
Болотная вода,—
То медвяное мое пойло,
То мне тихие прохлады.
Разгуляюсь я, млад юноша
Иосафий-царевич.
Во земной во дубраве
Есть часты древа,—
Со мной будут думу думать,
На древах есть мелкие листья,—
Со мной станут говорить.
Прилетят птицы райские,
Станут распевати,
Меня будут потешати,
Христа Бога прославляти».
Как Христос Бог на небесах
С херувимы, серафимы,
С небесной силой.
Славен наш Бог, прославлен,
Велико имя его, Господне, на земле.

ПРО МАРИЮ ЕГИПЕТСКУЮ

Пошел старец молиться в лес,
Нашел старец молящую,
Молящую, трудящую,
На камени стоящую.
Бласы у нея до сырой земли,
Тело у нея — дубова кора,
Лицо у нея, аки котлино дно.
И тут старец убоился ея.
«А и кто если, жена страшная:
Или скотия ты, или лютый зверь,
Или мнение мне, иль пристрашная смерть?»
Она же ему возглаголовала:
«Иди, старец, не убойся меня,—
Я не скотия и не лютый зверь,
Я не мнение тебе, не пристрашная смерть,
Я богатого купца Киприянова дочь,
Я тридцать лет во пустыне живу,
Я тридцать лет на камени стою —
Замоляю грехи великие,
Замоляю грехи великоблудные».
А и тут жена просветилася,
Видом ангельским старцу открылася,
И велела она вспоминать ее,
Величати Марией Египетской.
И дала она письмамена ему,
Что писала она на камени:
Житие свое ноготочками.
И пошел старец в великий град,
И принес старец житие ея,

И взошел старец в церковь Божию,
И велел старец вспоминать жену,—
То святую Марию Египетску,—
Во пятой четверг Велика поста.

НИКОЛА-СВЯТИТЕЛЬ

Святитель, отец ты наш Микола,
Миракритской чудотворец!
Опочивают твои мощи в славном-ти Барг-граде,
В неверной стране в немцах, во земли
в турской.
Твои велики чудеса — у нас на святой Руси.
Пишем мы образ твой на честну икону,
Украшаем серебром, красным золотом,
Жемчугом окатистым, драгоценным камнем,
Твоему честну образу церкви содвигаем,
Служим те, святителю, все честны молебны,
Просим у святителя все Божьей милости.
В бедах и напастях ты, свет, сохраняешь,
По морю плаваешь, свет, врагов прогоняешь,
В лесе заблудящих на путь наставляешь.
Во тюрьмы сидящих всегда посещаешь,
В болезни лежащих ты, свет, исцеляешь.
Слава Христу нашему со своим угодником,
С Миколой-святителем.
Честь Христу, слава,
Во веки веком. Аминь.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Во славном было городе Вифлееме,
Во той стране было иудейской
На востоке звезда возсияла —
Народился Спаситель, Царь Небесный.
Бог во убожестве приложился,
Во убогих яслях возложился,
Никто про его, света, не ведает.
Спроведали персидские цари,
Принесли ему честные дары:
И смирну, и злато со ливаном.
Царие Царю поклонились:
«Прими наши честные дары:
И смирну, и злато со ливаном!»
Царие Царя стали вопрошати:
«Не ты ли есть Бог над богами,
Не ты ли есть Царь над царями?»
«Гой еси, вы, персидские цари!
Хочете меня вы испытати,
Про меня царю Ироду сказати,
На распятие жидам меня предати,
Безвинную кровь проливати».
«Не дай же нам, Господи, подумать,
Не дай нам, Владыко, помыслить!
Мы хотим с тобой вкупе жити,
Во едином Царстве Небесном!»
«Коли хотите со мной вкупе жити,
Ко Ироду царю вы не ходите,
Иным путем обратитесь,
Ироду царю вы поругайтесь».

Царие Царю поклонились,
Поклонившись, они прослезились,
Прослезившись, и вовсе они просветились,
Во своя страны воротились,
Ироду царю поругались.
Безбожный царь про это проведал,
Безбожный царь Ирод възъярился,
Послал же он свое войско
Во ту страну иудейскую,
Во все пределы вифлеемские
Побить неповинные младенцы
От двою лет и ниже
За Спасителя Христа Бога.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Во городе в Вифлееме
Что со вечера звезда восходила,
Со полуночи возсияла.
Что Пречистая голубица
Что Христа Бога породила,
И во пелены спеленала,
И во ясли Христа Бога полагала.
Приходили к нему персидстии цари,
Приносили ему честны́е дары,
Что честные — злато и ливаны.
«Мне не дороги ваши дары,
А мне дороги ваши души;
А я буду Бог над богами,
А я буду Царь над царями,
А я выберу себе апостолов,
А я дам-то им свою печать,
А я дам-то им свое крещение,
Разошлю я их по всем странам.
Кто приемлет их — той спасется,
А не приемлет их — той мучиться будет».

ОБ ИРОДЕ И О РОЖДЕСТВЕ ХРИСТОВОМ

Дева Мати пречистая
С небес взята, пресветлая.
В темной ночи звезда просветила,
Дала всем верным помощи
От роду Адамова.
Родилися люди от Адама.
Девница, всем царица,
Христа, Сына Божия породила
В иудейской земле, во вертеп-горе.
Пошли волсви Христа искать
По звезде волсви по честной;
Звезда идет и волсви идут.
Пришли волсви ко вертеп-горе,
Принесли Христу честны́ дары;
Наложил Господь на них златы́ венцы.
Пошли волсви, радуются,
Не путем во дома свои,
Ироду-царю про Христа не споведали.
Ирод-царь возмущается,
Умом-разумом колыбается,
Не хочет он Бога видети,
Славу Божию слышати,
Хочет Бога погубить.
Посылает Ирод-царь по́сланников
По всей земле святорусской:
«Подьте вы, по́сланники,
Побейте вы младенцев многосущих
Двух годов и полутора».
Много они младенцев прибили —

Три тьмы и три тысячи.
Нигде Господи во младенцах не
изыскался.

Проречет Господь ко младенцам:
«Подьте вы, младенцы, во Царствие,
Во Царствие во Небесное
За ту за смерть за напрасную
Ко святому Авраамню,
Ко Исаку, ко Иакову».
Поем славу тебе великую,
Песнь поем: аллилуия.

**СТИХ О МИЛОСЛИВОЙ ЖЕНЕ,
МИЛОСЕРДНОЙ**

Милослива жена, милосердная
Тошила во граде свою келью,
Держала своего чада на ручах;
К милосливой к жене, милосердная
Идет сама Дева Пресвятая,
Несет самого Христа на ручах:
«Милослива жена, милосердная,
Бросай ты свое чадо в огонь и пламя,
Ты бери самого Христа на руци.
Бегут жиды-супостаты
С оружием и с острыми копьями,
Хотят Христа Бога убить».
Милослива жена, милосердная
Бросила свое чадо в огонь и пламя,
Брала самого Христа Бога на руци.
Жиды-супостаты набежали
С оружием и с острыми копьями,
Милосливую жену да спрошали:
«Милослива жена, милосердная,
Ты давно ль Христа Бога видала?»
Милосливая жена им отвечала:
«А вы, жиды-супостаты,
Я топерь Христа Бога поймала,
Я в огонь, во пламень его вогнала».
Жиды к огненной печи приходили.
Во печи младенец стрепехнулся,
Показал жидам он руци и ноги.
Жиды-супостаты срадовались:
«Мы топерь Христа Бога поймали,
Мы в огонь, во пламя его вогнали!»

Медным заслоном заслоняли,
Железным подпором подпирали,
Жиды прочь от печи отходили.
Милосливая жена, милосердная
Не могла Христа Бога содержать,
На его на светлость наглядеться.
Не стало Христа у ней на ручах.
Милосливая жена, милосердная
К огненной ко печи приходила:
«Ужоль там сгорело мое чадо?»
Железные подпоры отпирала,
Медные заслоны отслоняла:
Во печи трава вырастала,
На траве цветы расцветали,
Во цветах младенец играет,
На нем риза солнцем воссияет,
Евангельскую книгу сам читает,
Небесную силу прославляет
И со ангелами, с херувимы,
И со всею небесною силой.
Милосливая жена, милосердная,—
Она первая в раю пребывает.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!
Мы славим тебе, Христа Бога!

СОН БОГОРОДИЦЫ

«Во славном во городе в Ерусалиме,
Во той во соборной святой церкви
Спочивала я, Мать Божия, за престолом;
Да не много мне, Деве, спалось,
Много снов Деве виделось:
Что я тебя, Христа Сына, породила,
Да во пелены чаду спеленала,
Во шелковые свивальни совивала.
И пречуден, Сын, крест твой явился,
Пречуден, Сын, крест животворящий.
Да на той ли на горе на Вертепе,
Да на том святом древе кипарисе,
Будто б быть тебе убиенным,
Сквозь ребра копием быть прободенным,
Голове быть тростию проломленной,
Будто б быть тебе, чаду, окровавленным».
«Не сказывай, Мать Божия Марья:
Я сам этот сон давно, Мать, знаю,
Да я сам ли этот сон рассуждаю,
Что быть мне, Христу, распятому,
Сквозь ребра быть копием прободенну,
Голове моей быть тростью проломленной
И что быть мне, Христу, окровавленну».
Восплакалась Мать Божия Марья:
«На кого ж ты меня, чадо, покидаешь,
Ты кому на дозор Деву оставляешь?»
«Спокидаю тебя, Мати, на Ианна,
На Ианна на свет Богослова,
На друга я, Матушка, Христова;

Ни на много тебя, Мати, ни на мало:
На третий я день, Мати, воскресну,
Сам к тебе, Мати, с небес сойду,
Да я сам из тебя, Мати, душу выну,
Погребу твои мощи со святыми,
Со святыми тебя, Мати, херувимы,
Со славными, Мати, серафимы.
Положу я твои мощи в плащаницу,
Напишу твой лик я на икону,
Поставлю твой образ на престоле,
И будут на тебя Богу молиться,
И тебя будут, Мати, поминати,
А меня ли, Христа, прославляти!»
Слава тебе, Христе Боже наш,
И ныне, и присно, и во веки веков!
Кто этот сон святой знает,
Да кто этот сон рассуждает,
Да кто этот сон исполняет,—
Наследует Царствие Небесное.
Аминь.

СОН БОГОРОДИЦЫ

«Мати Мария,
Где ты спала, ночевала?»
«Во Божьей церкви, во соборе,
У Христа Бога на престоле.
Мне приснился сон страшный:
Будто я Христа Бога породила,
В плену его пленала,
В шелковый пояс обвивала...
Тут пришли жида, нехристиане,
Взяли нашего Бога, распинали,
В ручки, ножки гвоздей натыкали».
Стала Мати Мария плакать и рыдать,
Стали ангелы ее утешать:
«Ты не плачь, не плачь, Мати Мария,
Твой сын воскреснет из гроба.
Затрубите вы в трубу золотую,
Встаньте вы, живые и мертвые!
Праведным душам — Царствие Небесное,
А грешным душам — ад кромешный:
Им в огне будет гореть — не сгореть,
Им в смоле кипеть — не скипеть».

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

Ходила, походила Дева Мария
По синему морю, по крутым горам,
Она плакала, возрыдала,
Самого Иисуса Христа искала.
Попались ей трое жидовские дети.
Спрашивала их Дева Мария:
«Куда вы, жидовские дети, ходили?»
«Мы были на Сионской горе».
«Не вы ли, жидовья, Христа распяли?»
«Не мы, Дева, не мы, святая!
Распяли Христа деды-прадеды».
«Что вы, жидовья, на горе видели?»
«Поди, Святая Дева, сама посмотри!
На Сионской горе три древа стоят:
Первое дерево кипарисовое,
Второе дерево анисовое,
А третье дерево барбарисовое.
Из тех древ кряжья рублены,
Кряжья рублены, доски колоты,
Доски колоты, брусья тесаны,
Из тех брусьев церковь строена.
Как во той церкви три гробницы стоят,
Гробницы стоят кипарисовые.
Во тех гробницах три святых лежат:
Во первой-то гробнице Иоанн Предтеч,
Во второй-то Мать Пресвятая Богородица,
А в третьей-то сам Иисус Христос.
Как над первой-то гробницей
Свечи горят, лампада теплется,

Над второй цветы цветут лазоревые,
А над третьей-то гробницей
Святые ангелы поют.
Поют они песни евангельские,
Гласят они гласом архангельским:
«Аллилуйя, аллилуйя, Господи помилуй!»
Небеса небес растворяются
И все ангелы поклоняются».

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

Ходила, гуляла Святая Дева,
Искала, искала следу Божьего.
Навстречу Святой Девы два жида бегут.
«Вы жида, жида, окаянные!
Ой вы, на что же вы Христа Бога распяли?»
«Да не мы, Свята Дева, не отцы наши,
Распяли Христа Бога наши прадеды.
Ты поди, Свята Дева, на Сионские горы.
Ой, на Сионских горах три древа стоят:
Уж первое древо — красна рябина,
А другое древо — бела береза,
А третье древо — купарисово.
Из этих трех древ брусья колоны,
Из этих из брусьев церковь складена.
Во этой во церкви три гроба стоят:
Во первом во гробе Святая Дева,
Во другом во гробе Иван Богуслов,
А во третьем во гробе сам Исус Христос.
Над Святой над Девой все пташки поют,
Над Иваном Богусловом все свечи горят,
Над Исусом над Христом все попы поют».

СТИХ О ТРЕХ ГРОБНИЦАХ

На горе, горе, на Сионской горе
Стояла церковь апостольская,
Во той во церкви три гроба стоят,
Три гроба стоят кипарисные:
В первом гробе Святая Дева,
В другом гробе Иоанн Богослов,
В третьем гробе сам Иисус Христос.
Над Святой Девой цветы расцвели;
На цветах сидят птицы райские,
Поют песни архангельские.
Над Иоанном Богословом поют ангелы,
Поют ангелы, все архангелы,
Над Иисусом Христом свечи теплятся.

ПЛАЧ БОГОРОДИЦЫ

Во марте во месяце,
Во последних днях страшныя недели,
Во пятничнй день,
Во святом граде Ерусалиме
Плакала, ходила Святая Дева,
При ней были три мироносиц жен.
Во граде им навстречу
Идут два жидовина.
Восплакала, спросила Святая Дева:
«Где вы, жиды, были, куда грядете?»
Что возговорят Деве два жидовина:
«Живем мы теперича в Ерусалиме,
А мы были, мучили Иисуса Христа.
Бивши, мучивши, в темницу всадили,
В шестом часу в пятницу распяли его,
Ноги и руки прибивши гвоздями.
Венец на главу его возложили,
Мучений и ран его невозможно исцель;
Иисуса копием в ребра прободали,
Земля обагрилась от его крови».
Услышала слова их Святая Дева,
Она была без памяти и больше часа,
Ударилась о землю, едва была жива...
Застонет, заплачет Пресвятая Дева,
В горести речет:
«Увы, мать сыра земля, возьми меня
к себе!
Сыне мой возлюбленный, надежда моя,
Почто не послушался Матери своей?»

Ныне вижу Сына поругаема,
Какое ты дело ждам сотворил?
О, злые ругатели, незаконные,
За какое вы дело Иуса бнете?
Вчера не хотела отпустить тебя,
И пойте, чадо, на крестную смерть.
Плачьте и рыдайте, солнце и луна,
Стоните и рыдайте, вдовы и сироты,—
Наставник-учитель покинул вас всех!
Сыне мой любезный, надежда моя,
Волей терпишь страсти и крестную смерть.
Ныне сердце мое терзается,
Составы плоти рассыпаются,
Кровью уста запекаются,
Горестью гортань заграждается.
Сыне мой любезный, утеха моя,
Почто оставляешь едину мя здесь,
Вкупе бы вкусила с тобою смерть!
Кто ныне утешит от горьких мя слез?
Ныне Симоново пророчество сбывается,
Воистину глаголы его.
Со страха великого и ужаса
Сокрылися, бежали апостолы все,
Одну меня оставили здесь плакати...
Кто мне, Сыне, поможет в слезах?
Архангел Гавриил, помоги ты мне!
Радость моя сошел во гроб».
Господь проглаголет Матери своей:
«Любезная Мати, не плачь обо мне!
Я в третий день воскресну,
Прославлю тебя,—
И радости твоей не будет конца».
У Божией церкви, у царских дверей
Надвое завеса раздиралася,

Древа к земле приклонялися.
Рыданье слез услышал Господь.
Начали трястися небо и земля,
Солнце и месяц перестали светить
От шестого часу до девятого.
Со страху великого и со страсти
Жиды припадали ничком на землю,
Вне ума лежали четыре часа.
Они, окаянные, не покаялись,
За то их осудил Господь в вечную тьму,
Мукам их не будет конца.

СТРАСТИ

Иже о Христе Исусе.
Сбиралися вкупе иудеи,
Да и книжницы, фарисеи,
Жидове и лицемеры.
Да где же Христа им распинати?
Начали Христа они торговати.
Единый апостол прельстился,
Злодей был лукав Иуда:
За тридцать сребрениц
Он Христа предал
А и книжницам, фарисеям,
Жидам и лицемерам.
А взяли Христа — поведоша
На лобное место на гору,
На гору на Голгофу,
Пред книжницы, пред фарисеи,
Пред жидовьем, лицемерам,
Пред всеми евреям со иудеям,
При Понтийским было при Пилате.
И все жидове возопяли:
«Возьми, возьми его, Сына Божия,
Распни, распни его, не замедли!»
Как взяли Христа они, споругали,
Святое лицо его оплевали,
Желчию Христа они напоили,
Святые уста его помазаша, —
Да и ризу со Христа совлекали,
Да и ризу они раздирали,
По жеребьям ризу разметали,

По жидовьям ризу разделили,
Тернов венец на главу возложили,
Тростию по святой главе убияли,
Копием в ребра прободали,
Святую его кровь проливали,
Взяли Христа они, распяли,
На крест Христа пригвоздили,
На том на кресте животворящем,
На святом древе кипарисном.
Мимо креста они проходили,
Главами своими покивали:
Не чаяли жидове Сына Божия,
Они чаяли Христа пророком.
Никто того дела не ведает,
Спроведала Мати его Мария
Висима на кресте Сына, распята,
Убитого и всего окровавленна,
Копием в ребра прободенна,
Святая его кровь пролиенна.
Тростию во святую главу убиенна;
Идет ко кресту Мать со слезами,
Утробою своей разгораючи,
Сердцем своим рыдаючи,
Устами своими глаголет:
«Увы, увы, мой пресладкий Сыне,
Мой пресладкий Сыне Иисусе!
Какую ты муку, Сын, терпишь,
На вольную страсть, Сын, сам
воспредѣлся,
Безвинную кровь проливают,
Напрасную смерть, Сын, тебе
воспредѣли!»
На кресте Иисус сам прослезился,
Речет Христос на кресте распятый:

«Не плачь, моя Мати Мария,
Не рыдай, меня зряца во гробе!
Всего ты у Бога, Матерь, не знаешь,
Мою живоносную смерть не ведаешь:
Меня ради, Мати Мария,
Солнце и луна, Матерь, померкнет,
Небо и земля, Мать, потрясется,
Церковная завеса раздерется,
Камень распадется,
Весь мир на земле, Мать, прослезится.
Пожди, Матерь, малое время,
Егда со креста тело мое снимут,
Аз во плащаницу обовьюся
И во гробе нове положуся,
И погребен я, Матерь, буду.
Дождавши Христова Воскресенья,
Меня ради, Мати Мария,
Солнце и луна, Матерь, воссияет,
Небо и земля возрадуется,
Весь мир на земле возвеселится.
Во третий день я, Матерь, воскресну,
Во третий день я, Мати, по писанью.
Дождавши Вознесенья Христова,
Со славою на небеса вознесуся
Со ангелами, с херувимами,
Со грозными серафимами,
Со всею небесною силою!»
Аллилуия, аллилуия, аллилуия,
Слава тебе, Боже наш,
И во веки веков, аминь!

СТРАСТИ

В четверток, вечеру бывшю,
Жиды совет сотворили:
Они думали-гадали,
Себе закон уставляли.
Да и скоро ж к жидам Иуда тѣчит,
Он притѣчит, жидам рѣчит:
«Что же вы мне, жиды, дадите,
Продам я вам Сына Божья?»
Жиды Иуде глаголют:
«Бери серебра сколько хочешь!»
Иуда на серебро загляделся,
Сердцем своим распалился,
Пошел он выдавать он Сына Божья,
Господь ученикам прорѣчит:
«Встаньте, ученики, вы не спите,
Мои страсти вы посмотрите;
Встаньте, ученики, вы не спите,
Моей смерти вы подождите,
Что смерть моя, ученики, приходит!»

СТРАСТИ

Единый лукавый был Вуда,
Запродал Христа Бога на распятие
На святое древо кимпаресово.
Расплатится Мать Божья Мария:
«Прелюбезный мой сын, Царь Небесный!
Безвинную муку принимаешь,
За мир кровь святую проливаешь!»
«Не плачь, не рыдай, Мать Божья Мария!
Эта моя мука-смерть — живот вечный.
Бог верным дарует на спасенье,
Безверным на муку вечную.
Восприму эту муку сам за веру,
За всех православных христиан».
Слава тебе, Христе, Боже наш!

ДВЕНАДЦАТЬ ПЯТНИЦ

Приидите, братия, послушайте
Писания Божия, поучения
Святого Климента, папы римского
Про двенадесять великие пятницы.

Первая великая пятница —
На первой неделе поста Великого:
В тую великую пятницу
Убил брат брата, Каин Авеля,
Убил его камением.
Кто эту станет пятницу постится
Постом и молитвою, —
От напрасного от убийства
Сохранен будет и помилован от Бога.

Вторая великая пятница —
Супротив Благовещенья Бога нашего:
В тую великую пятницу
Воплотился сам Исус Христос
Святым Духом в Мать Пресвятую
Богородицу.

Кто эту станет пятницу постится
Постом и молитвою, —
От внутренней скорби сохранен будет
И помилован от Господа.

Третья великая пятница —
Супротив Светлого Христова Воскресенья:
В тую великую пятницу
Распят был сам Исус Христос,
Распинали жиды Христа со Пилатами,
Со книжниками и с фарисеями,

Проливали кровь напрасную.
Кто эту станет пятницу поститься
Постом и молитвою,—
От напрасного кроволития
Сохранен же будет и помилован от Бога.

Четвертая великая пятница —
Супротив Вознесенья
Господа нашего Иисуса Христа:
Вознесся Христос на небеса
Со силами небесными,
С Иоанном Крестителем.
Кто эту станет пятницу поститься
Постом и молитвою,—
От воды и пота сохранен же будет
И помилован от Бога.

Пятая великая пятница —
Супротив Троицы Живоначальной:
Сходил сам Господь Иисус Христос,
Показал он в Троице лице свое,
Пускал по земле свой Святой Дух.
Кто эту станет пятницу поститься
Постом и молитвою,—
От зубной боли сохранен же будет
И помилован от Бога.

Шестая великая пятница —
Супротив Илия-пророка Божия:
В тую великую пятницу
Взят Илия-пророк на небеса
На колеснице на огненной.
Кто эту станет пятницу поститься
Постом и молитвою,—
От огня, от пламя сохранен же будет
И помилован от Бога.

Седьмая великая пятница —

Супротив Спаса Преображения Бога
нашего:

В тую великую пятницу
Преобразился сам Исус Христос,
Показал он славу ученикам своим.
Кто эту станет пятницу постится
Постом и молитвою,—
От трясущей скорби сохранен будет
И помилован от Бога.

Восьмая великая пятница —
Супротив Успения Пресвятой Богородицы:
В тую великую пятницу
Преставилась Пресвятая Богородица.
Кто эту станет пятницу постится
Постом и молитвою,—
От напрасной смерти сохранен будет
И помилован от Бога.

Девятая великая пятница —
Супротив Иоанна Предтечи отсечения главы:
В тую великую пятницу
Царь Ирод Иоанну главу отсек
За веру Христову.
Кто эту станет пятницу постится
Постом и молитвою,—
От бессонной главной болезни сохранен
будет
И помилован от Бога.

Десятая великая пятница —
Супротив Михаила-архангела:
В тую великую пятницу
Сама Пятница Прасковья мучилася
У царя Макса она у неверного,
Умирала за веру Христову.
Кто эту станет пятницу постится

Постом и молитвою,—
От напрасного мучения сохранен будет
И помилован от Бога.

Первая на десять великая пятница —
Народился сам Иисус Христос
От Матери Пресвятой Богородицы.
Кто эту станет пятницу поститься
Постом и молитвою,—
Тогда сойдет с небес Пресвятая Богородица,
Возьмет душу на руки,
Вознесет в Царствие Небесное,
И сохранен будет и помилован от Бога.

Вторая на десять великая пятница —
В тую великую пятницу
Окрестился сам Иисус Христос
Во святой реке во Иордане
Со Ильею со небесным,
Со светом со Иоанном со Крестителем.
Кто эту станет пятницу поститься
Постом и молитвою,—
Будет имя у Христа Бога.
Тот умрет человек
И наследует себе Царствие Божие,
Избавлен злой муки предвечныя
И помилован от Бога.
А вы слушайте, народ Божий,
Христиане православные:
Поимейте вы посту
Двенадесять великие пятницы
Супротив окружных,
Изабранных против праздников,
Верю и любовью,
Кротостью и смирением,
Постом и молитвою.

Кто не станет эти пятицы поститься
Постом и молитвою
Или муж с женой пребудучи
На плотское на похотение,—
Породится от них детище недоброе:
Либо вор, либо разбойник,
Блудник, либо сводник будет,
Всем мерзким делам наставщик;
Тот человек умрет
И не наследует себе Царствие Небесное,
Отрешен на муки на предвечные,
На грехи на окаянные,
На те грехи на предвечные.
Христе Боже, и помилуй нас!

ВАСИЛИЙ КЕСАРИЙСКИЙ

Слава Василию Великому, кесаринскому чудотворцу!
Молится Василий Господу Богу от желанія сердца,
С теплыми сы сердцами, сы горючими сы слезами,
Из-за уст выпускает мольбы до небес:

«Прости меня, Пресвятая Богородица, и помилуй
Василия Великого, кесаринского чудотворца».

Был ему глас от святой от честной от иконы,
От Матери Пресвятой Богородицы:

«Когда хочешь, Василий, Христов пребысти наперсник,
Покинь, Василий, хмельного питія испивати,
Станет тебя Пресвятая Богородица по кажен час

сохраняти».

Двадцать пять лет у Василья хмельного в роти
не бывало:

Одново Василий испил и изведал —

Тридцать пять лет злые коренья с головы вон
не избѣдут.

О горе всякому человеку хмельного питія
испивати,

Женскому полу и мужскому.

Не подобает попам, священным архиереям

Хмельного питія испивати;

Подобает попам, священным архиереям

Литургию Божию совершати,

Пономарю на паперти с жезлом стояти,

Пьяницу в Божью церковь не впускати.

Пьяница идет во Божью церкву не обыходом,

Пьяница молитвы себе он не сотворит,

Пьяница креста на себе не возложит,

Пьяница возле «Суда страшного»
Страху Божьего не боится,
Пьяница попа-священника осуждает,
Пьяница всем народом помущает.
Глядя на пьяницу, девица рассмеется,
Пуще пьяницы согрешает,
Грех себе на душу принимает.
Кто на драке, на бою
Пребывает посторонним свидетелем? —
Пьяница.
Ложно клянется, божится? —
Пьяница.
Понапрасну матерным словом
Сквернится, бранится? —
Пьяница.
Женщина скверным словом дерзается —
Мать-сыра земля потрясется.
Пресвятая Богородица со престолом
пытранётся,
Уста правые кровью запекутся.
Позднюю вечерню играет-пляшет,
Заутреню просыпает? —
Пьяница.
В воскресный день в обедню беседу
беседует? —
Пьяница.
Неумытыми руками хлеб пожирает? —
Пьяница.
Во грязи валяется? —
Пьяница.
Обхаркался, облевался? —
Пьяница.
А кто пьяницу осуждает,
Пуще пьяницы согрешает;

Не подобает псу блевотины пьяницы
излактати,

Не подобает с пьяницей навстречу
встреваться,

Подобает пьяницу обыходом обходить.

Не подобает с пьяницей добру́ речь говорить,

Не подобает пьяницу на добру́ речь спочучати;

Пьяницу не научишь, только раздразишь:

Древом убьет, аль ножом он зарежет.

Пьяница — кровопивец,

Пьяница — слезоливец,

Пьяница — злой убивец,

Пьяница — живопродáвец.

Пьяница видит волны морские,

Сам в судно садится,

Сам себе скорой смерти придавает,

Грех себе на душу принимает.

Доходит Василий до Божьей до церкви

И руки и ноги об каменя ушибает,

Буйную голову до крови проломает;

На паперти Василий стоит,

Молитву творит, яко гром гремит,

Из-за уст выпускает до небес:

«Прости меня, Пресвятая Богородица, и помплуй
Василия Великого, кесаринского чудотворца!»

Был ему глас от святой от честной от иконы,

От Матери Пресвятой Богородицы:

«Доходна твоя, Василий, молитва до Господа Бога

И до Матери Пресвятой Богородицы

Наипаче всех святых на иконе».

Сотворены у Господа Бога в Давыдовом доме,

Сотворены три упокоя:

Первый упокой сотворен у Господа Бога

в Давыдовом доме:

Висят черви висящие — людоеды
Ради душ многогрешных, ради хмельного человека.
Второй упокой сотворен у Господа Бога
в Давыдовом доме:
Течет река огненная от востока до запада
Ради душ, ради многогрешных, ради хмельного
человека.

Третий упокой сотворен у Господа Бога
в Давыдовом доме:
Царство Небесное, прекрасный рай растворен стоит,
Которая душа Господа Бога умолила,
Сама до Господа Бога достигла
И до Матери Пресвятой Богородицы,
Той душе во Царствии Небесном царствовать,
Сы ангелами небесными ликовать.
Еще слава Василию Великому, кесаринскому
чудотворцу!
Во век ему слава, и ныне, и присно, и во веки
веков,

Аминь.

СТИХ О ЛЕНИ

Слово Иоанна Златоустого:

«Братие, вы долго не спите,

Много не лежите,

Вставайте вы рано,

Ложитесь поздно.

Лежа вам добра не видати

И грехов не очистити.

О, горе такому ленивому!

Ленивому милу не бывати,

Ленивому в судьях не живати,

Ленивому сладкого не едати,

Ленивому брашного не пивати.

Ленивому срядного не уносити.

О, горе такому ленивому!

У ленивого за плечами камень,

На плечах — тараканы.

О, горе такому ленивому!

Ленивый, как пьяная свинья, по грязи
валяется,

И об угол она чешется.

О, горе такому ленивому!

Ленивый-ат, как пест, по улице шатается,

И людям-то он завидует,

На чужое добро он надеется

И на окна он глядит.

О, горе такому ленивому!

Ленивый-ат, как червь капусту точит.

О, горе такому ленивому!

Навык же ленивый чужими трудами
кормиться.

О, горе такому ленивому!
Ленивый-ат дому не хозяин
И детям своим не отец,
И жене своей не муж.
О, горе такому ленивому!
Ленивый-ат, как трутень по печи валяется
И спит он не просыпается;
Он и проснется, Богу не помолится,
Что и знает, да не прочитает.
О, горе такому ленивому!
У ленивого во браде посмешество,
На языке гордость,
Во главе его уныние,
На сердце его печаль.
О, горе такому ленивому!
У ленивого сатана гнездо в сердце свила.
О, горе такому ленивому!
На ленивого беды и напасти,
Яко снег на главу его летит.
О, горе такому ленивому!
Не наследовать ленивому Царствия
Небесного.
О, горе такому ленивому!
Наследовать ленивому злу муку превечную.
О, горе такому ленивому!
Об ленивых рабах сам Господь Бог
не печется.
От великой ленности избави, Господи,
и помилуй!»

СТИХ О МАТЕРНОМ СЛОВЕ

Вы, народ Божий, православный,
Вы по-матерному не бранитесь,—
Мы за матерное слово все пропали,
Мать Пресвятую Богородицу прогневили,
Мать мы сыру землю осквернили.
А сыра земля матушка всколебается,
Завесы церковные разрушаются,
Пройдет река к нам огненная,
Соидет Судия к нам праведная.

СТИХ О ГРЕШНОЙ МАТЕРИ

Писано было в Зеркале, книге Божьей:
Восемьсот было пятьдесят в осьмом году,
Молился сын об матери,
Об матери, об порожденной своей:
«Господи! Яви мне чудеса свои
распремудрые!»
То явил ему Господь чудеса свои
распремудрые

В сновидении.
Едет его рожденная
Среди реки огненной
На змее на трехглавом;
И руки у нее и ноги ужами закованы,
На голове ее сидит крыса проклятая,
Скрежёт крыса главу ее;
А в ушах ее сидят по мышши проклятой,
Проклятые, злые, огненные,
Выедают мышши из главы мозг у нее.
А на шее ее сидит змея двуглавая,
Двуглавая, злая, огненная;
А на очах у нее три ящерицы,
Проклятые, злые, огненные;
Впереди у нее стоят два деймона,
Проклятые, злые, огненные,
Бьют в уста ее камнями горячими.
А назади у нее стоят три деймона,
Проклятые, злые, огненные,
Дерут ее гребенками железными.
То увидал ее сын возлюбленный,

То испугамши бежит от нее.
То речет ему мати рожденная:
«Сын мой возлюбленный!
Что ты бежишь от меня!
Можно тебе спросить меня:
За какие я грехи маюся?»
«Мать моя рожденная!
За что ты маешься?
Едешь ты среди реки огненной
Да на змее на трехглавьем,
На трехглавьем змее огненным».
Речет ему мати рожденная:
«Сыне мой возлюбленный!
За великое мое прегрешение
И за премногое мое беззаконие.
Жила я была на вольном свете,
Любила я кататися
На добрых конях любодеевых».
Речет ей сын возлюбленный:
«Мати моя рожденная!
Что у тебя на главе твоей
Сидит крыса проклятая, злая, огненная,
Скрежет крыса главу твою?»
То речет ему мати рожденная:
«Сыне мой возлюбленный!
За великое мое беззаконие:
Жила я была на вольном свете,
Носила я кокошники всё любодеевы».
То речет ей сын возлюбленный:
«Матерь моя рожденная!
Что у тебя в ушах твоих
Сидят по мыши проклятой,
Проклятые, злые, огненные,
Выедают они из главы мозг у тебя?»

То речет ему мати рожденная:
«Сыне мой возлюбленный!
За великое мое прегрешение,
За премное мое беззаконие.
Жила я была на вольном свете,
Носила серёжки любодеевы».

То речет ей сын возлюбленный:
«Мати моя рожденная!
Что у тебя на шее твоей
Висит змея двуглавая?»

То речет ему мати рожденная:
«Сыне мой возлюбленный!
За великое прегрешение,
За премное мое беззаконие.
Жила я была на вольном свете,
Носила я цепочку любодееву».

Речет ей сын возлюбленный:
«Матерь моя рожденная!
Что у тебя на очах твоих
Сидят три ящерицы,
Проклятые, злые, огненные,
Выедают они очи твои?»

То речет ему рожденная:
«За великое прегрешение,
За премное мое беззаконие.
Жила я была на вольном свете,
Гляделась я в зеркало всё в любодеево».

То речет ей сын возлюбленный:
«Матерь моя рожденная!
Что у тебя впереди стоят два деймона,
Проклятые, злые, огненные,
Бьют они тебя в уста камнями горячими?»

Речет ему мати рожденная:
«Сыне мой возлюбленный!

За великое мое прегрешение,
За премное мое беззаконие.
Жила я была на вольном свете,
Приняла я Причастие не в очищении».
Речет ей сыне возлюбленный:
«Мати моя рожденная!
Что у тебя назади стоят
Три деймона проклятые,
Проклятые, злые, огненные,
Дерут они тебя гребенками железными?»
Речет ему мати рожденная:
«Сыне мой возлюбленный!
За великое мое прегрешение,
За премное мое беззаконие.
Жила я была на вольном свете,
Носила я цвѣтное платье любодеево».
Речет ему мати рожденная:
«Сыне мой возлюбленный!
Не можно ли тебе за меня помолитися?»

**СТИХ О ГРЕШНОЙ РАБЕ
И О ЕЕ ПРАВЕДНОЙ ДОЧЕРИ**

Жила была раба на вольном свету,
Много была грешница.
Была у ней дочь на възрощае,
Была в скорби, в болезнях.
И мать ее ублажняет:
«Чадо ты мое, чадо!
Чадо ты мое смиренное!
Собираешься ты на тот свет,
Помоли ты, попроси у Господа Бога
Обо мне, об грешнице!
Много я перед Господом согрешила».
Посылает Господи по душу ее
Ангелов Господних.
Из дѣвицы душу вынимали,
На пелену душеньку клали,
Понесли же душеньку
Ко Господу Богу.
Господи душеньку встречает,
Златой ризой оболокает,
Злат венец на главу ей надевает.
«Подь ты, дѣвица, честная и благочестивая,
И не сонливая, и не дремливая!»
И стала она Господа Бога просити:
«Не позволишь ли ты мне, Господи,
По раям походить,
По адам посмотри?»
«Всё я это могу сделать
Для твоего моленья,
Для твоего прошенья».

Посылает он с ней ангела Господня:
«Ангелы Господни! поведите вы эту душу
По райам посмотрети,
По адам поглядети!»
По райам она посмотрела,
По адам она поглядела;
Увидала она свою мати
В муке вечной, в аду кроменном.
Пришла же она ко Господу Богу,
Стала она Господа Бога просити:
«Господи, Господи! Не можно ли, Господи!
Мою мати аду избавити?»
«Всё я это, дэвица, могу сделати,
Твою мать из ада выпускати,
Для твоего моления, для твоего прошения».
Посылает же Господи ангелов Господних:
«Выпускайте душу грешную из ада
кроменного,
Для ее моления, для ее прошения!»
Душу ее выпускали, пользу душе делали.

СТИХ О ВДОВАХ

По тому ли морю по Вассионскому
Плыл же тут Господь Бог во кораблице,
Со ангелами, со архангелами;
Подплывал же Господь Бог ко Паул-горе,
Ко тому древу кипарисову,
Ко той главе ко Адамовой,
Ко тому граду к Русалимному,
Ко тому собору ко Божьему.
У того у собора у Божьего
Стояли три кельи сиротские;
Выходили же из этих кельев три вдовы,
Три вдовы Моисеевы;
Кланялись оне самому Богу:
«Как-то нам, Господи, идти за втора́ мужа?»
«Ох вы, вдовы Моисеевы!
Не ходите вы за втора́ мужа,
За втора мужа, за незаконного;
Послушайте вы меня, самого Бога.
Ежели вы меня слушаете,
Прибавлю я вам свету вольного;
Ежели вы меня не слушаете —
Убавлю я вам свету вольного,
Царство небесное,
Прибавлю я вам муки вечныя,
Муки вечныя, бесконечныя».

СТИХ ПРО ЦАРИЦУ НЕБЕСНУЮ

Сходила Царица Небесная со кругов небесных,
Становилась Царица Небесная у ворот сиротских,
Говорила Царица Небесная с сиротами, со
вдовицами,
С благочестивыми девицами, со юницами:
«Никуда вы не ходите,— ни в пир и ни
в беседушку,
Ни в мирскую суету, на гуторенья.
Сошлю я вам ризы белые со ангельми,
Если мало вам того, сошлю венцы златые
С херувимами, серафимами, со властью,
Если мало вам того, я сойду к вам сама,
Буду с вами лик ликовать, во век царствовать».

СВЯТАЯ ПЯТНИЦА

Во пустыне святой труженик трудился,
Не владал он ни рукою, ни ногою.
Во сне ему Пятница являлась,
Крестом она его окрещала,
Свечой она его осветила,
Гласом она его оглашала:
«Ты встань, раби Божий, подымися,
Ты встань, раби, Богу помолися.
Поди, раби, по всему свету,
Прославь, раби, всему миру,
Чтобы в неделе по три дня поминали,
А пятницу, среду почитали,
В воскресный бы день не работали,
Во пятницу пыли не пылили,
А в середу золы б не золили,
К обедне, к заутрене ходили,
Усердно бы Богу помолились.
По Божьему закону поживите:
Друг друга почитите,
Брат брата не браните.
По Божьему закону поживите:
Мать детей не проклиняйте,
Мать детей жидами не называйте.
Жиды у Христа Бога прокляты,
Жиды за Христом Богом гоняли,
Жиды Христа Бога распинали,
На лютые муки предавали
На том на древе купаресе».
Да три души грешные согрешили:

Первая душа согрешила —
Спорину из хлеба вон вынимала;
Другая душа согрешила —
Золот венец она разлучила;
Третья душа согрешила —
Младенца во чреве проклинала.
Не будет тем душам прощенья
От века и до веку. Аминь.

И голодного-то надо накормити,
Жадного-то надо напоити,
И нагогѣ надо воболкати,
Убогого надо одевати,
Странного-то на дом принимати,
И дорожному-то путь при пути показати;
Мертвого до гроба надо спровожати,
На свой капитал надо свечи покупати,
Стоит плакать и рыдати,
И за грешника надо Господа Бога просити».
Кругом нѣги душа грешна овивается:
«Помяните, братаны и сестры,
Помяните, сродники и сродницы,
Помяните, друзи и недрѹзи,
Попросите Господа Бога,
Помогите моѣй дѹше грешной!»
Понесли-то душу по мытарствам.
Каковѣ добро на сѣм свете душа грешна
творила?

Она голодного не накормила,
Жадного не напоила,
Странного в дом не примала
И больного в доме не сетила,—
Никакого добра на сѣм свете душа грешна
не творила.

Уж как рѣнули-то душу грешну жѣзлом
в груди,

Поднелі же ниже зѣмли, ниже моря:
«Ты поди, душа грешна,
Иди ты ведь в муку вечну,
В муку вечну поди, в бесконечну!»

НЕПРОЩАЕМЫЙ ГРЕХ

Уж как каялся молодёц сырой земли:
«Ты покай, покай, матушка сыра земля!
Есть на души три тяжкí греха,
Да три тяжкие греха, три великие:
Как первóй на души велик-тяжек грех —
Я бранил отца с рóдной матерью;
А другой на души велик-тяжек грех —
Уж я жил с кумой хрёстОВОЮ,
Уж мы прижили млáдого отрока;
А третíй-от на души велик-тяжек грех —
Я убил в поли брателка хрёстОВОГО,
Порубил ино челованьицё хрёстНОё!»
Как спрогóворит матушка сыра земля:
«Во первóм греху тебя Бог простит,
Хош бранил отца с рóдной матерью,—
Втогда глупой был, да неразумной слыл;
И во другóм-то греху тебя Бог простит.
Хоша жил со кумой со хрёстОВОЮ,
Хоша прижили млáдого отрока,—
Втогда холост жил, да неженатой слыл;
А во третьём-то греху не могу простить,
Как убил в поли братёлку хрёстОВОГО,
Порубил челованьицё хрёстНОё!»

ПЛАЧ ЗЕМЛИ

Как расплачется и растужится
Мать сыра земля перед Господом:
«Тяжело-то мне, Господи, под людьми
стоять,

Тяжелей того людей держать,
Людей грешных, беззаконных,
Кои творят грехи тяжкие:
Досады чинят отцу, матери,
Убийства и татьбы деют страшныя...»
Отвещает земле Иисус Христос:
«О, мати, ты мати сыра земля,
Всех ты тварей хуже осужденная,
Делами человеческими оскверненная».

ПЛАЧ ЗЕМЛИ

Растужилась, расплакалась матушка сыра земля
Перед Господом Богом:
«Тяжел-то мне, тяжел, Господи, вольный свет!
Тяжеле — много грешников, боле беззаконников!»
Речет же сам Господь сырой земле:
«Потерпи же ты, матушка сыра земля!
Потерпи же ты несколько времечка, сыра земля!
Не придут ли рабы грешные к самому Богу
С чистым покаянием?
Ежели придут, прибавлю я им свету вольного,
Царство Небесное;
Ежели не придут ко мне, к Богу,
Убавлю я им свету вольного,
Прибавлю я им муки вечныя,
Поморю я их голодом голодным!»

СВИТОК ИЕРУСАЛИМСКИЙ

Во светлом граде Иерусалимове
В третьем часу воскресения Христова
Из седьмого неба выпадши камень,
Камень ни огня, ни студен, ширины об аршин.
Тяготы ему не споведать никому.
Съезжались к камню цари и патриархи,
Игумены, папы, священники,
Церковные причетчики, христиане православные,
Служили над камнем три дни и три ночи.
Камень распахом на две половины.
В том же камне есть свиток,
Иерусалимский список.
Кто ж его писал?
Ни патриарх и ни ангел Божий,—
Во прети Бог написал, Господа нашего Иисуса
Христа,
Его рукописание Духом Святым напечатано.
Речет же ко всем истинной Христос:
«Чады вы мои! Горько восплачите,
О Страшном вы суде помышляйте.
Время Божее приближается,
Слова Божие скончиваются.
Будут остальные времена,
Годы подтрусливые, натужливые,
Власти, патриархи, немилостивые судии,
К ним же притечет казна, акы река пройде,
За ваши великие согрешения,
За ваши великие беззакония.
Чады вы мои! Поимейте вы друг друга и брат
брата,

Сын отца и мать свою,
Мою меньшую братию Христову ради имени
Христова.

Вы тады будете почтены от Бога,
И от немилостивых судей, не от гордливых
властей.

Добро твори же или милостыню воздай
Неукрадомую, от праведного труда,
От потного лица, от желанного сердца.
Наша да милостыня много грехов оставляет,
Вечные муки избавляет,
К Небесному Царствию наслаждает.

Чады вы мои! Помните вы три дни в неделю:
Среду и пятницу, Воскресение Христово.
В среду жидовья на Христа совет советали,
В пятницу распят был сам Исус Христос,
В третий день — Воскресения Христова,
Господа нашего Исуса Христа, —
Воскрес Христос из гроба и возшел на небо.

Аще который человек
Да Воскресение Христово работат, —
Нет тому человеку в житье прибытку,
Ни жеребью-таланту во все шесть ден по изянту.
Того человека сам Господь Исус Христос
На седьмом соборе с двумянадесятью учениками
В преисподний в ад проклинает.

Чады вы мои! Помните вы моего Великого
поста,
Око до зыру, сердцам от зла, червам на
съеденце,

Руками своими от заграбления,
Устами своими от пустых глаголов впусту грех
говорить.

А ни толико бы нам на чужую жену зреть, —

В то время надобно от своей отбегать.
С чужою женой прелюбодействовать —
Душевная пагуба, и с своею такожды.
Дан вам пост на наслаждения,
Душам вашим на спасение,
Телесам вашим на здорвье.
Аще которые человеки много постятся
Да зло помнят,— да не есть ему спасения,
не будет:

Доброго исправления не исправляет,
Богу любви не приносит.
Чады вы мои! Да не послушаете моей заповеди,
Разодвину я седьмое небо,
Спущу на вас камня горящую, воду
кипящую,

Побью вас камением на земле;
Тогда ухо свое отклоню,
Не услышу тогда ни плаканья, ни рыданья,
Ни зубного скрыжитанья.
Да молится об вас Мать моя, Владычица,
Пресвятая Богородица; аз ее моления слушаю.
Чады вы мои! Поимейте вы мою Страшную
неделю:

Как я, Господи, воскорбил свою душу
От смертного часу до Христова Воскресения,
Такожды и вы попоститесь
Верою и любовью, кротостям и смирением,
Своими благими делами.
А вы-жда попоститесь хоть и малую часть,
От Великого Четверга до Христова Воскресения.
Лишитесь хмельного пития,
Скверности из-за уст, из-за бранного слова,
Матерно не бранитесь.
Мать Пресвятая Богородица на престоле
вострепехнется,

Уста кровию запекаются. Аще который человек
Да в Великую Пятницу хмельного пробует,
Не подобает тому человеку. в тот день ни пить,
ни есть,

Ни ко кресту идтить, ни к Евангелю,
Ни устами своими дары принять,
Хотя ж его конец идет.

Чады вы мои! Да не послушаете моей заповеди
Господней

И наказания моего —

Сотворю вам небу медную, землю железную.

Из неба медного воды не воздам,

От земли железной плода не дарую,

Поморю вас голодом на земле.

Кладецы у вас присохнут, источники

прискудеют,

Не будет на земле травы, ни на древе скарбь,

Будет земля, яко вдова за ваши великие

согрешения,

За ваши великие беззакония.

Чады вы мои! Поимейте вы Пасху Господню,

Светлое Христово Воскресение,

Восемь ден за единый день.

Ни блудом и ни пьянством, ни обжорством,

ни просыпанием.

Со всякими ликуйте: «Воскресе Христос!»

Ангелы радуются: «Воскресе Христос!»

Рай рая отверзается: «Воскресе Христос!»

Мертвые восстанут: «Воскресе Христос!»

Ад потрясется: «Воскресе Христос!»

Чады вы мои! Первая часть, кости,— от камня;

Вторая часть, тело,— от земли;

Третья часть, руда,— от Черного моря;

Четвертая часть, дыхание,— от ветру;

Пятая часть, мысли,— от облацев.

Как облацы ходют на небеси ветром и
непастьем,
Такожда в человеке ходют мысли худые и
добрые.

От доброго разума душа воскресает,

От худого разума душа погибает.

За добрым пошел — добро и будет,

За худым пошел — пропал во веки.

Очи от солнца, разум от Святого Духа.

Первая мать — Пресвятая Богородица,

Вторая мать — сыра земля,

Третья мать — кая скорбь приняла.

Аще Пресвятая Богородица помощи своей не
воздаст,

Не может ничто на земле вживе родиться:

И ни скот, и ни птица, ни человекам быть.

Аще да святая Богородица да помощи воздаст,

Может всякая тварь на земле вживе родиться:

Скот, и птица, и человекам бысть.

Чады вы мои! Есть свиток, Иерусалимский
список.

Кто ж его возлюбит, и переймет, и спишет,

Станет его в доме читати, завсегда его

прославляти,

Станет его толком толковати —

От такова человека отойдут духи нечистые,

Наследник к Небесному Царствию.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу,

Ныне, и присно, и во веки, аминь.

РАССТАВАНИЕ ДУШИ С ТЕЛОМ

По морю по синему по Хвалынскому
Тут ишли, пробегали через кáрабли.
Во этих кáраблях святые ангелы сидят,
Навстречу им сам Иисус Христос,
Сам Небесный Царь.

Стал он у ангелов выпрашивать и

выпытывать:

«Святые ангелы-архангелы, где вы хаживали,
где гуливали,

Что слышивали, что виживали?»

«Сам Иисус Христос, сам Небесный Царь!

Мы хаживали на вольном на свету,

Много слышали, много видели,

Как душа с белым телом расставалася».

Расставши, душа сама прочь пошла

И, отошедши, душа взворотилася,

Со своим с белым телом попростилася:

«Ты прости, тело белое мое,

Прости, беззаконие мое!

Ты пойдешь, тело, во сыру землю

Червам, тело, на источение;

Вы, кости, земли на предание,

А я, душа, к самому Христу на спокояние».

Навстречу души сам Иисус Христос:

«Почему же ты, душа, грехи угадываешь?»

«Потому я, душа, грехи угадываю,

Что я жила на вольном на свету,

Среды и пятницы не пащивалася,

Великого говления не гавливалася;

Заутрени, вечерни просыпывала я,
В воскресный день обедни прогуливала.
В полюшках душа много хаживала,
Не по-праведну землю деливала:
Я межку через межу перекладывала,
С чужой нивы земли украдывала.
В эвтих во грехах Богу не каялась
И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
Не по-праведну покосы я деливала,
Вешку за вешку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала.
В эвтих во грехах Богу не каялась
И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
В соломах я заломы заламывала,
Со всякого хлеба спор отнимывала.
В эвтих во грехах Богу не каялась
И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
Я во полях, душа, много хаживала,
Проворы во полях пораскладывала,
Скотину в поле понапущивала,
Я добрых людей оголаживала.
В эвтих во грехах Богу не каялась
И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
Из коровушек молоки я выкликывала,
Во сырое коренье я выдаивала.
В эвтих во грехах Богу не каялась

И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
Смалешеньку дитя своего проклинывала,
Во белых во грудях его я засыпывала,
В утробе младенца запарчивала.
В этих во грехах Богу не каялась
И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
Мужа с женой я поразваживала,
Золотые венцы поразлучивала.
В этих во грехах Богу не каялась
И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
По улицам душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу — слышала,
Хоть не видела, скажу — видела.
В этих во грехах Богу не каялась
И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
По свадьбам душа много хаживала,
Свадьбы зверьями оборачивала.
В этих во грехах Богу не каялась
И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
По игрищам душа много хаживала,
Подо всякие игры много плясывала,
Самого сотану воспотешивала.
В этих во грехах Богу не каялась

И отцу духовному не сказывала,
Бескорыстный грех себе получивала.
Еще душа Богу согрешила:
Напилася душа зелена вина,
От зелена вина душа пьяна была». —
Померла эта душа без покаянья,
Без того ли без попа без духовного;
Провалилася душа в преисподний ад.
Век мучиться душе и не отмучиться
За свое великое согрешение,
За свое великое беззаконие.

РАССТАВАНИЕ ДУШИ С ТЕЛОМ

Два ангела, два архангела,
Где вы были? Куда летали?
«Мы были на святой Руси,
На конечном на расстаньце,
Где душа с грешным телом
расставалася,
Расставалася, не прощалася,
Воротилася, поклонилася,
Слова молвила:
«Ты прости, прости, тело грешное,
Тело грешное, с земли взятое!
Уж тебе ли, телу, не на суд идти,
Не на суд идти к Судие Царю,
К Судие Царю, Христу Божию,
А идти тебе, телу грешному,
Телу грешному, праху смертному.
Во сыру землю, землю-матушку,
А я, душа, на ответ пойду
К самому Судье — Христу Божию.
Уж как мне к нему подойти будет?
Уж как мне ему поклониться,
Поклониться, предъявиться?
Чем я, грешная, оправдаюсь?
Окаянная, чем порадуюсь:
Как на свете жила
Один грех приняла?
Из-за тела земного пропадаю я,

Из-за немощи погибаю я.
Не крепка я была в добродетелях,
А низка я была в прегрешениях:
Поддавалась я телу зёмному,
Телу зёмному, праху тленному!

ПЛАЧ ДУШИ

Тужит-плачет душа наша
Перед Спасовым перед образом,
С чем прийти нам, подъявится
На Страшной суд нам на праведной,
На второе на судное пришествие.
Не поможет душам нашим
Ни злато, ни серебро,
Ни именье, ни богатство,
Ни цветное наше платие,
Ни прелесть нам лицемерная,
Ни скупость нам лукавая,
Ни гордость безумная.
Толико помогут душам нашим
Все дела, дела наши добрые,
Смирение, большое наше терпение,
Слезы с плачем, с покаянием,
Есть поклоны наши полуночные,
Тихомирна тайная милостыня.
Славен Господь Бог прославился
За великое имя Господне! Аминь.

СТИХ О ДУШЕ ГРЕШНОЙ

Как на вольном свету душа царствовала,
Душа царствовала, душа праздновала.
Уж топеря душа переставилася.
Повели душу да за три горы,
За три горы, за Сиянские.
Уж за первой-то горой тут смола кипит,
Тут смола кипит да все кипучая.
Уж ты хошь ли, душа, во смоле сидеть?
Душа плачется, отбивается.
Повели душу за втору гору.
За второй горой тут черви гимзят,
Тут черви гимзят ядовитые.
Уж не хошь ли, душа, во червех сидеть?
Душа плачется, отбивается.
Повели душу за третью гору.
Уж за третьей горой там огонь горит,
Там огонь горит да вельми палит.
Уж ты хошь ли, душа, во огне гореть?
Душа плачется, отбивается.
Вот тебе, душа, вечное царствование,
Вечное царствование, вечное празднование.

СТИХ О ДУШЕ ГРЕШНОЙ

У раю у пресветлого
Пролежала путь-дороженька.
Шли-пошли два ангеля,
За собой ведут душу грешную,
беззаконную.

Денноет ангиль проглаголовал:
«Что же ты, душа, мимо раю
прошла,

Да во рай не зашла?
Али ты, душа, за скупостью.
Али за глупостью,
Али за спесью, душа,
Али за гордостью?»

Ничего-то душа не ответила,
Сама только прослезилася.
Денноет ангиль проглаголовал:

«У нас во раю хорошо житье,
Хорошо житье, житье доброе:
Травы-те растут шелковые,
Цветы-те цветут лазоревые;
У раю стоят древа кипарисовые,
На древах-то сидят птицы райские
И поют стихи херувимские;
Во когтях-то держат дела добрые,
книги златые,
Читают оне страсти-ужасти».
В раю душенька взвеселилася,
Со Христом с женихом обручалася,
Золотым венцом венчалася.

Ношноет ангиль проглаголовал:

«У нас во аду огонь горит и смола

кипит,

Тут и черви гимзят неутешимые».

Аминь.

СТИХ О ДУШЕ ГРЕШНОЙ

Жила душа грешная на вольном свету,
Бранилася, корилася,
Умерла душа — не простилася.
Сослал Господь по той душу грешную
Двух ангелов-архангелов;
Понесли во муку вечную
Мимо раю пресветлого,
Мимо Царствия Небесного.
Речет сам Господь Иисус Христос:
«Что, душа грешная, ко мне во рай не
зашла?»

У меня в раю птицы райские
Поют стихи херувимские;
Ангелы-архангелы
Веселят души праведных;
Стоят древа кипарисовы».
Не раскаялась душа грешная,
Опустили в муку вечную.
Ходила душа грешная
Тридцать лет и три года,
Не нашла себе пристанища,
Ни ложечки воды, ни капельки росы,
Тут душа грешная воспоялася:
«Легче бы я жила на вольном свете
Тридцать лет и три года;
Носила бы камни великие,
Пески неусыпные
За свое великое прегрешение!»

СТИХ О ДУШЕ ГРЕШНОЙ

Жила душа грешная на вольном свете,
Бранилася, да не простилася.
Сослал Господь по душу грешную двух ангелей.
Взяли душу грешную,
Понесли по воздуху небесному.
Принесли душу к Божией лестнице.
Ступала душа грешная на первую ступень,—
Пятьдесят бесей возрадовались, сами к ней бегут,
Грехи раскатывают и рассказывают:
«Постой,— говорят,— душа грешная!
Ты наша сродница,
Ты нашу волю творила,
Бранилася, да не простилася.
Повелел Господь связать душу грешную
По руке и по ноге.
Бросили душу грешную во тьму во кромешную.
Ходила душа грешная во тьме во кромешной
И не нашла душа грешная себе пристанища,
Ни ложки воды, ни капли росы.
«Нечем мне, душе грешной, уста промочить,
У — горе мне, у — горе мне!
Лучше бы я, душа грешная, жила на белом
свете!
Лучше мне тридцать лет камень носить
Али пятьдесят лет щекой на колу провисеть,
Али мне, душе грешной, сто лет в огне
прогореть,
Не в здешней бы мне муке маяться единый час!»

СТИХ О ДУШЕ ГРЕШНОЙ

Что летят-то, летят Петр и Павловичи.
Несите, несите золоты ключи,
Отпирайте, отпирайте вековы замки,
Пропущайте, пропущайте спасенные души.
Что которая душа Христу согрешила:
Из-под курочки яичко уносила,
Из квашни тесто вынимала,
У соседушки корову подоила —
Уж как той душе спасеньица не будет,
У Христа в раю не бývати,
Во лицо Христа ей не видати.

СТИХ О ТРЕХ ДАРАХ

Проспали, продремали
Небесное Царство!
Прошел наш век ни за что!
Чем-то нам будет
Господу Богу подъявиться?
Чем-то нам будет
Пред Господом оправдаться?
Поднесем мы Господу три дара,
Три дара потайные:
Первые дары —
Ночное моление;
Другие дары —
Пост, воздержание;
Третьи дары —
Любовь, добродетель.
Уж и понече на сем свете
Все книги сгасли;
Одна книга не угасла:
Святое его Евангелие.
Уж и чтет эту книгу
Иван да Креститель;
Он чтет ее, а сам плачет:
«Господи, Господи!
Прости души грешные,
Многогрешные, беззаконные!»

О ЖИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

Знал бы я, ведал, человече,
Про свое житье вековечно,
Не имел бы большого богатства,
Я бы роздал свое именье
По меньшей по братии, по нищим,
По церквам бы я по соборным,
По темным темницам, по невольникам.
Трудно бы я Господу молился,
С желанием, с сердцем бы трудился,
Уготовил бы я место вековечно,
Где сам Господь пребывает
Со ангелами со святыми,
Где райские птицы распевают.
Показалось бы мне житье вольно
За единый час, за минуточку.
Славим тя, Христе, Боже наш!
Дай Бог вам на послушанье,
Душам на спасенье!

СТИХ О СМЕРТИ

Вы приидите, братье, да послушайте писание
Про житие человеческое, писания Божьего!
Когда человек да на земле живет,
Он яко трава в поле растет,
А ум в человеке, яко цвет цветет.
Со вечера человек веселился, радовался,
По утру человек во гробу лежит:
Его резвые ноги подломилися,
Его белые руки опустилися;
Не успеел прижать руки к ретивому
сердцу.

Человече! Почто ради
Твое мёршее тело обмывать хотят?
Не обмылся ты слезами перед Господом.
Человече! Почто ради
Ризу на тебя надевать хотят?
Не уготовал себе ризы духовные.
Человече! Почто ради
Свечи над тобою возжигать хотят?
Не возжег ты светильника у сердца перед
Господом.

Человече! Почто ради
Службу над тобою совершить хотят?
Не совершил заповеди Божие.
Человече! Почто ради
Твое мершее тело
До Божьей до церкви провождать хотят?
Не имел себе отца духовного,
Во грехах своих не раскаялся.

Слава твоя вся миновалася
И богатство на земле оставалось,
Душа с белым телом расставалася
И ум с головою, свет, прощается.
И во веки веков, и помилуй нас!

СТИХ О СМЕРТИ

Вечор я, мои братии,
Во беседушке сидел;
Заутра, мои братии,
Во гроб свой положусь.
Помолитесь, мои-братии,
Об моей грешной душе!
Стоит моя душенька
Промежду раю, муки:
«Ох ты, рай, ты мой рай пресветлый!
Что далёко от меня отлишился?»
«Жила твоя душа на вольном свете
Во зле, во гордости!»
Налита золотая чара
Зла, гордости.
Кому будет эту чару расчёрпати?
Знать, расчёрпати золотую чару
Зла, гордости
Моей грешной душе!
Помолитесь, братии,
О моей душе грешной!

СТИХ О СМЕРТИ

Заведу я компанью,
Я гуляю, веселюсе
И никого я не боюсе.
Я не чую скорой смерти.
Подскочила скоро смерти,
Как упал, ровно с травы цвет.
Вы прощайте, друзья и братья,
Все товарищи мои.
Не приду я боле к вам в компанью
И не буду боле с вами советати.
Ничто да моей душе да не пособит
И ничто моей душе да не поможет —
Ни именье, ни богатество,
Ни гордость-высокоу́миё.
Только душе посóбит,
Только ей поможет
Тайная милóслина,
Ночные земные поклоны.

СТИХ О СМЕРТИ

Господи, Господи,
Покажи день-числа кончины моей.
Взойду я на гору высокую,
Погляжу во тьму глубокую,—
Вижу я там гробы, свои гробы,
Привечные наши дома.
Сколь я в мире не ликую,
Я гроба не миную.
Камени — соседи мои,
Песок-источник — постеля моя,
Черви — друзья мои;
Мати сыра земля,
Прими на вечную жизнь меня!
Господи, слава тебе!

ОБ АДАМЕ, ЖИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ
И СМЕРТИ

Адам родился,
Весь мир просветился.
Ева согрешила,
Закон прогневила.
«Адамий, Адамий,
Пойдем мы, Адамий,
Ко Божией церкви.
Станем мы молиться
Господу от желания,
Будем проситься
На трудную землю.
Станем трудиться
Своими трудами.
Нищим милостыню давати,
Мертвых сопровождати.
Сопроводит нас Боже —
Истинный Христос, свет,
На всем вольном свете».
Бог дает нам много —
Нам кажется мало.
Глаза завидущи,
Руки заgreбущи, —
Что глаза завидят,
То руки заграбят.
Как мы, грешные, помрем,
Прижмем руки к сердцу,
Останется наше имение-богатство, —
Ничто душе не надо,
Ничто душе не поможет,

Ничто душе не подсобит:
Ни друзья, ни братья,
Ни золото, ни серебро.
Только душе поможет
Милостыня тайна,
Всенощные поклоны.
Вы, гробы, вы, гробы,
Привечные вы наши дома!
Земля, мать сыра земля,
Сыра мать,
Ты всякому человеку —
Отец иже матери.
Телеса-то наши —
Червям на сточенье;
Кости-то наши —
Земле на предание;
Души наши пойдут,
Пойдут по грехам по своим.
Да слава тут, слава
Честному Адаму!

СТРАШНЫЙ СУД

Было добро, да миновалось,
Будет добро, того долго ждать.
И речет Пресвятая Богородица,
Святая Жена милосердая:
«Рабы, де, вы мои христоролюбивые!
Поимейте веру христианскую,
И верою, и любовию
Поимейте друг друга и брат брата,
И сын отца и мать свою!
За вашу веру христианскую
Сошлет Господи пророчество,
Илью-пророка и Онофрия,
И станут святые пророчити».
И сойдет на землю бездушный бог,
Бездушный бог Антихристос,
Он исколет святое пророчество.
От той-то от святой-то крови
Загорится матушка сыра земля:
Со восхода загорится до запада,
С полуден загорится да до ночи.
И выгорят горы со раздольями,
И выгорят лѣсы темные.
И сошлет Господи потопие
И на три дни, на три месяца,
И вымоет матушку сыру землю,
Аки харатью белую,
Аки скорлупу яичную,
Аки девицу непорочную,
Аки вдовицу благочестивую.

И сойдет Михаил-архангел батюшка,
И утвердит престол среди земли,
Вострубит в трубоньку зóлоту:
«Вставайте вы, живые и мертвые,
Стáры и мáлы будьте в тридцать лет!»
По правую сторону идут души праведны,
Души праведны, законные рабы;
Воскрíчут праведны во рóзные гóлосы:
«Ты, де, Господи, Царь Небесный, Отец,
Судия наша праведная
И Воевода Небесная!
Прими, де, нас, Господи,
Во свой во прекрасный рай!»
«Подите вы, други мои и дети мои,
И дщери мои, и любезные мои
Во мой, де, во прекрасный рай!
На древáх сидят птицы райские,
Поют песни царские
И глáсы, де, гласят архангельски;
Прекрасный рай вам красуется
И птица вся радúется».
По леву сторону идут грешные души,
Грешные души, души беззаконные;
Воскрикнули грешные, рабы беззаконные,
Воскрикнули во многие гóлосы:
«Ты, де, Господи, Царь Небесный, Отец,
Судья наша праведная,
Воевода Небесная!
Прими, де, ты нас, Господи,
Во свой во прекрасный рай!»
«Подите вы, грешные,
К сатане, ко дьяволам его:
Там, де, вам, грешным,
Будет мука вечная

И тьма кромешная,
И пламя неугасимое!»
Как воскликнут грешные
Громким голосом:
«Ты, де, Господи, Царь Небесный, Отец,
Судья наша праведная,
Воевода Небесная!
Мы, де, к тебе, к свету, шли,
Не чаяли гибели!»
«Вы, де, не чаяли,
А я вас и не ведаю!
Вы, де, жили на вольном свету,
У вас, де, были церкви соборные,
В церквах книги уложенные.
Вы в церковь Божию не хаживали,
Церковного петья не слушали,
Попов и дьяков ни во что чли.
Вы б душу пасли постом, молитвою,
Тихомольной милостынею,
Поклонами полунощными!»

СТРАШНЫЙ СУД

Спустится на землю судья праведный
Михайло-архангел, свет,
Со полками он с херувимскими,
С херувимскими и с серафимскими,
Со всею он силою небесною
И со трубою он златокованой.
И первый он раз вострубит,—
И души в телеса пойдут;
Второй он раз вострубит,—
От гробов мертвы встают;
В третий раз вострубит,—
Все на суд Божий пойдут.
И праведны идут по правую руку,
А грешные по левую.
У праведных лица хорошие,
На главах власы, как лунь светла;
А у грешных лица все черные,
У грешных власы словно стрелы стоят.
Праведные идут,— все стихи поют
Херувимские и серафимские,
Величают Христа, Царя Небесного,
Пресвятую они Матерь Богородицу,
Величают они Михайла-архангела:
«Не возможно ли, батюшко,
Михайло-архангел, помиловать?»
Отвечает Михайло-архангел,
Свет, им чудотворец:
«Проходите, рабы крещенные, души верные,
Уготовали вы царство небесное!»

А грешные идут,— слезно плачут,
Плачут они и рыдают,
Ко Михайлу-архангелу причитают:
«Не возможно ли нас, батюшко,
Михайло-архангел, помиловать?
И дайте нам годы урочные,
Столько годов, сколько в море песку?»
Отвечает им Михайло-архангел,
Свет чудотворец:
«Отойдите, злые, окаянные!
Белый свет вам на волю дан был,
Сами вы себе место уготовали,
Место — муку вечную и тьму кромешную!»
Рече Михайло-архангел чудотворец:
«Ангели вы мои, архангели!
Берите прутья железные,
Гоните вы злых, окаянных,
Гоните вы в реку огненну,
Засыпьте и песком и хрущобю,
Завалите доскою чугуною:
Не чул бы я от них ни писку, ни
вереску,
Ни зубного бы от них скрежетания!»
Они идут да слезно плачут,
Отцу-матери причитают,
Ко сырой земле припадают:
«Почто вы нас, отцы-матери, породили?
Краше бы нас на родинах растоптали!
Ко страху Божьему вы нас не учили!»

СТРАШНЫЙ СУД

«Ох ты, Матушка Владычица,
Дева Мария, Богородица!
Ты велишь нам, Матушка, в рай взойти,
Нам в рай взойти, во царство небесное?»
Речет им Матушка Владычица
Своим громким голосом:
«Подите вы, души праведные,
Подите вы, души спасенные!
У меня про вас растворенный рай стоит,
У меня про вас распечатанный рай стоит,
Изготовлены у меня про вас ризы
неизносимые.

Буде мало вам покажется,
Возложу я на вас золотые венцы;
Буде мало вам покажется,
Поставлю я вам в раю престол;
Буде мало вам покажется,
Уж я дам вам в раю свою волю.
Уж вы жили-были на вольном свете,—
Вы охочи были ходить в Божии церкви,
Вы охочи были Богу молитися,
Вы заутрени не просыпывали,
Обедни в обедах не прообедывали,
Вы вечерни на улицах не проигрывали,
Вы на исповедь к отцам духовным хаживали,
Вы грехов своих не утаивали,
Святых Таин вы примывали».
Восплакнут же души грешные:
«Ох ты, Матушка Владычица,

Дева Мария, Богородица!
Не можно ли нас простить, грешных?»
Речет им Владычица,
Дева Мария, Богородица:
«Отойдите от меня прочь, души грешные,
Души грешные, проклятые,
Проклятые, беззаконные!
Уж вы жили-были на вольном свете,—
Вы не охочи были ходить в Божии церкви,
Вы не охочи были Богу молиться,
Вы заутрени, грешные, просыпывали,
Вы обедни в обедах прообедывали,
Вы вечерни на улицах проигрывали,
Вы охочи были на улицу ходить,
Вы охочи были скакать-плясать;
Вы к отцам духовным на исповедь не
хаживали,
Вы грехов своих не объявляли.
Прогоняю я вас, проклятых,
За три горы за Сионские:
Там огни горят негасимые;
Пропущу я вас сквозь матушки сырой земли,
Засыплю я вас матушкой-землей,
Закладу я вас камнями горючими,
Завалю я вас плитами железными,
Чтобы крику и зыку от вас не слышати!»

СТРАШНЫЙ СУД

Плачемся и рыдаем,
На смертный час помышляем!
Как будет последнее время,
Тогда земля потрясется,
Камение всё распадётся,
Церковная завеса разрушится,
Солнце и месяц померкнут,
Часты звезды на землю спадут,
Пройдет река огненная,
Пожрет она тварь всю земную.
Архангелы в трубы вострубят,
Всех мертвых от гроба разбудят,
Едины все возрастом будут.
И обратит Господь лик свой к любимцам,
Ко праведникам глас свой глаголя:
«Пойдите, мои христоролюбцы,
Готово вам Царство Небесное
От самого Бога Саваофа!»
Что грешникам Господь проречит:
«Отыдите от меня, проклятые,
Отыдите в пропасти земляные!
Там вам беда и мука,
Огни вам горят неугасимые,
Вам там черви неусыпные,
Смола зла кипит неутолимая!»
Все грешные возрыдают,
Ко Господу глас воссылают:
«Увы, увы, Царь Небесный!
Чего ради прочь нас отсылаешь

От своего Царства от Небесного?»
Что Господь им прорéчит:
«Никогда ко мне вы не ходили,
Вы воли Господней не творили,
Все заповеди мои преступили,
Законы Христовы не сдержали,
За крест, за молитву не стояли.
Я сам от Девы родился,
Я сам ко кресту пригвоздился,—
Все ради вашего спасения!»
Во веки веков, аминь.

СТРАШНЫЙ СУД

Матушка Владычица просит:
«О Сыне мой, Сыне возлюбленный!
Прости эти души грешные,
Кои с роду матерным словом не бранились!»
«О Матушка, Пресвятая Богородица!
Хочешь ли меня за грешных
Видети на втором на распятии?»
«О Сыне мой, Сыне возлюбленный!
Не токма что видети на распятии,
Не хочу это и слышати!»
Опять просит Матушка Владычица,
Богородица:

«Прости, кто с роду не ругался,
Из муки из вечныя,
Сыне мой, Сыне возлюбленный!»
«О Матушка, Пресвятая Богородица!
Прошу, кто с роду не ругался,
По твоему по прошенью!»
Господь послал иганию
За муку за вечную
От солнечного восхода до западу.
И прошел невод мукой вечною,
И вытащил душ праведных
Из муки из вечныя.
«Идите вы, мои праведные,
Идите вы ко Абрамью в рай, ко праведному.
Вы жили на вольном свете,
Вы меня голодного накармливали!»
Речают праведны ко Господу:

«Мы тебя не видели!»
Господь праведным речает:
«Были вам созданы Божьи писания;
Вы Божьи книги читывали,
Ушами вы слышали;
Вы меня нагого одевали,
Вы меня в темных темницах посетили,
Вы во гробе умерших со свечами провождали
До Божьей до церкви, до сырой земли».

СТРАШНЫЙ СУД

Выди-ко, человече, на Сиянскую гору,
Погляди, человече, вниз по матушке земле:
Она чем же, земля, изукрашена,
Ино чем же земля понаполнена?
И наполнена земля Божьей милостью,
Изукрашена земля красным солнышком.
И течет по земле речка огненна,
Пламя пышет из реки с зёмли до небá.
Как стоят у реки души грешные,
Души грешные, беззаконные,
Оны вопят и кричат — перевозу хотят.
Отвечает душам батюшко Небесный Царь:
«У меня нету душам перевозчиков,
Ни перевозчиков, ни переносчиков.
Уж вы жили, души, на вольном свету,
Что же, души, уготовили себе?
Вы в Божью церкву не хаживали,
Вы духовному отцу не каявались,
Вы голодного не накормливали,
Вы жаждущего не напаявали,
От темной ночи не отборанивали,
Вы голого не одеывали,
Вы босого не обувывали,
У мертвá тела не сиживали
И мертвá тела не проваживали.
Вы изыдите в ад, проклятые,
В муку вечную; бесконечную!»
На ступень ступили — призадумались,
На другую ступили — стали волосы рвать,

А на третью ступили — стали отца-мать
проклинать:

«Уж вы матери наши рóдные!

Чего младых нас не ўчили,

Чего до крови нас не бивывали

И кровавых рубашек не симывали?!»

СТРАШНЫЙ СУД

От востока солнца до западу.
Протечет река Сион огненная,
Протечет она, яко гром прогремит.
Тогда ангелы, архангелы приустрашатся,
Херувимы, серафимы приужаснутся,
И вся сила небесная
Вострепещется, восколеблется.
Понесет сия река огненная
Человека многогрешного
По мукам по разноличным.
Повелит Господь всем ангелам, архангелам
Брега с места содвигнути,
Повелит Господь перстьем засыпати,
Святым Духом замуравити,
Чтоб от грешных было не слышати
Ни зыку, ни крику, ни рыдания.

СТРАШНЫЙ СУД

Воскреснет Небесный Царь,
И вознесется рука его,
И рука его да на вышние небеса.
Егда будет Страшный суд,
Вострубят в трубы ангелы,
В трубы позлащенные.
Ужаснется вся вселенная,
Померкнет красное солнышко,
Потемнеет светел месяц.
Падут звезды на землю,
Яко листие со древа.
Престолы поставятся,
Все книги поразгибнутся,
Дела наши прочитаются,
Все грехи объявятся.

О СТРАШНОМ СУДЕ

Речит к нам истинный Христос:

«Чады мое любезные!

Что вы все горько плачете,—

Али на Страшен суд помышляете?

Чады мое любезные!»

«Последнее время к нам приближается,

Страшен суд к нам готовится».

«Чады мое любезные!

Поимейте вы друг друга,

Почтите вы брат брата свою,

Отца и мать свою;

Почтите в неделе три дня: среду и пятницу,

Трехдневное Воскресенье.

Чады мое любезные!

Почтите мой Великий пост

Со первой недели, со Федоровской,

До Светлого Христова Воскресения,

Чады мое любезные!

Попоститесь, помолитесь,

Исповедайтесь и причаститесь,

Скверным словом не бранитесь.

Если единожды в день мужецкий полк избранится,

То не должно с ним по три дни ни пити и не ясти,

Ни вкупе Богу молитися;

Если женский полк единожды в день

избранится,—

Престол Господень с места подвигается,

Пресвятая Госпоже Богородице вострепещется,

Ждет к себе многогрешных на покаяние».

О СТРАШНОМ СУДЕ

Проглаголет сам Иисус Христос:
«Что вы, чада, слезно плачете,
На второй суд помышляете?
Второй суд вам готовится.
Что ваша златá казна — река огненная.
Сошлю я на вас остропилателей,
Судьи вам немилосливые,
За ваше за великое согрешение. .
Чада вы мои любезные!
Поимейте, чада, вы друг друга и брат брата,
Сын отца и мать свою,
Меньшую свою братию.
Сошлю на вас споедателей,
Птицу-главину, крылья орлины, ноги
железные,
Власы на них женские;
Расточат вашу кровь христианскую
За ваше за великое согрешение».
Молится о нас Пресвятая Богородица,
Слушает Господи ее умоление,
Терпит великое наше согрешение,
На жизнь свою, на покаяние.
Поем славу тебе великую,
Поем славу Христу, Царю Небесному!

ОБ АРХАНГЕЛЕ МИХАИЛЕ
И СТРАШНОМ СУДЕ

Еще знал бы человек житие веку себе,
Своей бы силой поработал,
Разное свое житье-бытье бы пораздавал
На нищую на братию на убогую.
Речет Михаил-архангел —
Грозных сил воевода:
«Еще кто у нас, братия,
У Христа есть во плоти?»
У Христа есть во плоти свет Илья-пророк,
Взошел он на гору на Сионскую,
Указал он многим грешным муку и рай,
Всякому человеку место изготовлено:
Тем вора и разбойникам,
Блудникам и бражникам,
Еретникам, клеветникам, ненавистникам.
Течет им река огненная
От востоку солнца до запада,
Пламя пышет от земли до небеси.
Праведные идут через огненную реку,
Идут они ровно посуху и ровпо по земле,
Огнем их, пламенем лице не пожират.
Поют они песню херувимскую,
Еще поют серафимскую;
Гласы гласят все по-ангельскому,
Свет несут по-божественному,
Хвалят Христа Царя Бога Небесного,
Надеются на Спаса на пречистого,
На Мать Божию, Богородицу,

Хвалу несут дети отцу-матери:
«Спасибо тебе, батюшка со матушкой!
Умели нас вспоить-вскормить,
Умели на добрые дела научить,
Призрели нам Царство Небесное — рай».
Грешные рабы беззаконные
Оставались за рекой за огненною,
Вопияли во многие разные голоса:
«Свет наш, Михаил-архангел —
Грозных сил воевода!
Переведи нас через огненну реку,
Возьми ты от нас злата-серебра,
Мелкого скатного жемчугу;
Пускай нас во Царство, во небесной рай».
Речет им Михаил-архангел —
Грозных сил воевода:
«Вы гой еси, многогрешные, рабы
беззаконные!

Здесь судья вам неподсудливая,
Здесь судья вам с Богом праведная.
Суд судим мы по-праведному,
Делаем повеленное:
Не берем ни злата, ни серебра,
Ни скатного мелкого жемчугу,
А берем только души праведные,
Отдаем во Царство Небесное
К святому Абрамию — отцу праведному».
Речет Михаил-архангел —
Грозных сил воевода:
«Гой еси, многогрешные рабы, беззаконные!
У вас там было на вольном на свету,
У вас были судьи немилосливые,
Суд судили не по-праведному,
Делали неповеленное:

Правого ставили в виноватые,
Виноватого ставили во правые;
С виноватого брали золото-серебро,
Копили казну себе несчетную.
Ваша казна будет явиться
На втором на Христовом пришествии.
Пошли грешные в огненную реку,
Они плачущи и возрыдаючи,
В тосках телеса свои обрываючи,
К сырой земле припадаючи,
Клянут-бранят дети отца с матерью:
«Не спасибо вам, отец с матерью!
Умели вы нас породить
И умели вспоить-вскормить,
Да не умели на добрые дела научить,
Призрели нам муку превечную».
Вопяли грешные во многие разные голоса:
«Свет наш, Михаил-архангел —
Грозных сил воевода!
Зачем мы на том свете родились?
Зачем сызмалешенька мы не померли?
На роду нас родная мать зачем не
рбстоптала?
На белый бы свет нас не пускали.
Не слышать бы нам, грешным, слова
грозного,
Не терпеть бы муки превечная».
Речет им Михаил-архангел —
Грозных сил воевода:
«Вы гой еси, многогрешные рабы,
беззаконные!
Топерь, рабы, вы расплакались,
Топерь, рабы, вы воспокаялись.
Некогда вам, грешным, душа спасти,

Некогда вам, грешным, во рай войти.
У вас-то было на вольном на свету,
У вас были церкви соборные,
Во церквах были книги божественные,
Во книгах было написано,
Написано и напечатано
Чем душа спасти, как во рай войти.
Душа спасти есть святым постом и
МОЛИТВАМИ,

В рай войти — честной милостиной,
Честной, не ожуренною.
При церквах попы были, священники,
Пастыри ваши поучители.
Для чего попов-отцев не слушались,
Ко Божьей церкви не прихаживали,
Страху Господня не послушивали,
Писанию Божию не веровали,
Ранние заутрени просыпывали,
Священные обеды прогуливали,
За смирную вечернею не ставвали,
Со слезами Богу не маливались,
Земных поклонов не кладывали
От белого лица до сырой земли».
Речёт им Михаил-архангел —
Грозных сил воевода:
«Вы гой еси, многогрешные рабы,
беззаконные!

Пóжили вы веки долгие,
Своим душам добра не дельвали,
Не имели вы ни среды, ни пятницы,
Ни того воскресенья тридневного,
Ни тех годовых честных праздников.
Не те ли грехи ваши объявляются?
Огненна река к вам приближается,

Палит лице многогрешное,
Палит лице огнем-пламенем».
Михаилу архангелу-ангелу славу поем,
Во век ему слава не минуется!
Аминь.

ОБ АРХАНГЕЛЕ МИХАИЛЕ И СТРАШНОМ СУДЕ

А как жили мы были на вольном свету,
Пивали мы, едали, сами тешились,
На свою душу грехов не надеялись;
Не имели мы ни среды, ни пятницы,
Ни тех мы годовых святых праздников.
Во Божию церковь мы не хаживали,
Со желанья Господу мы не маливались,
Со раденья Христа Бога не прашивали,
И за крест, за молитву не маливали,
И Евангелия святого не прослушивали,
И что было в Евангелии написано,
И что есть у святого напечатано,
А написаны в Евангелии страсти Божецкие.
Вот мы страху Христова не устрашивались,
Ни страху Христова, ни суда Божия.
А кто ж у нас, братцы, у Христа взят во плоти?
У Христа взят во плоти свет Илья Божий пророк.
Свет Илья Божий пророк он в пустыне проживал,
Во пустыне проживал, великую муку совидал,
Видел муку, видел рай, страсти Божецкие.
Чем нам душу спасти? Чем нам в рай войти?
Захошь душу спасти постом, молитвами святыми,
А еще низкими тремя поклонами полуночными,
А в рай войти святой милостиной
От трудов своих многоправедных.
Речет же наш свет Божий Илья-пророк:
«Потерпите, мой христолюбимые рабы!
Когда будет во Христа преставление света,
Когда будет биться Илья с сатаной,

Он будет биться три дня и три ночи
Об наших грешных об душеньках.
Ранит сатана Илью во правую руку,
Во правую руку, в мизённый пёрст;
Тогда пойдет кровь от святого Ильи,
Спадет сия кровь на сыру землю,
От этой крови загорится вся земля и вода,
Останется только одна Сиапская гора,
С востоку солнца и до запада
Протекёт река огненная,
Воспыхнёт огонь с земли до неба,
Закипит смола неутолимая,
Засият черви невсыпущие.
За этой рекой огненной
Возыдет наш Михайла на Сианскую гору,
Вострубит Михайла во небесную трубу
На все четыре разные стороны:
«Восстаньте, живые раби и мертвые!
Приходите все на праведный суд,
На страшное Христово пришествие!»
Пойдут-побредут путям-дороженькам;
По правой стороне там станут праведники,
А на леву сторону отделяются грешники.
Приходят праведники к реке огненной,
Во многие гласы воспияются,
К Михайлу-архангелу приближаются:
«Наш батюшка, Михайла, судья праведный!
Переправь нас, рабов, через огненну реку,
Приведи нас, рабов, ко Царству Небесному!»
«Наш батюшка Михайла, судья праведный!
«Идите-бредите с Богом, праведные рабы,
Идите-бредите через огненну реку,
Лежат для вас кладенки точеные,
Идите-бредите через огненну реку».

Пойдут праведники через реку огненную,
Запоют тогда все по-книжному и по-грамотному,
Взвеличают самого Христа Царя Небесного,
Аще Матерь Пресвятую Богородицу.
Возьмут их за ручушки за правые,
Приведут в места в уготованные,
Посадят за престолы за дубовые;
Праведные рабы в раю просветились.
Приходят грешники к реке огненной,
Во многие гласы воспияются,
Ко Михайлу-архангелу приближаются:
«Ох, наш батюшка Михайла, судья праведный!
Переправь-ко грешников через огненну реку,
Приведи нас ко Царству Небесному,
Возьми с нас злата и серебра,
Сильное имение и богатство».
Речет Михайла, судья праведный:
«Ох вы, грешные рабы, окаянные души!
Вы зачем ко мне здесь приближаетесь,
Своей золотой казной спосуляетесь?
Я и здесь судья — неподкупная душа,
Я и здесь судья с Богом праведным.
Не берем мы ни злата, ни серебра,
А берем мы душевное спасенье.
Суд мы судим по-праведному,
По-праведному судим, по-божественному».
Речет же наш Михайла, судья праведный:
«Ох вы, грешные рабы, беззаконные души!
Как жили, грешные, на вольном свету,
Были у вас церкви освященные,
А во церквах книги божественные,
А во книгах было понаписано,
В самого Исуса Христа напечатано,
В чем грехи и в чем спасенье;

А вы тому же писанью не поверовали». Речет же Михайла, судья праведный: «Ох вы, грешные рабы, незаконные души! Как жили вы были на вольном на свету, Судили вы суды не по-праведному, Не по-праведному судили, не по-божественному: Вы правого раба виповатили, А виповатого раба правым ставливали; Вы брали с них казну несметную И с правого, и с виноватого». Речет же Михайла, судья праведный: «Ох вы, грешные рабы, незаконные души! Идите-бредите вниз по огненной реке, Ищите для себя мелкого бродища». Приходят грешники к реке огненной, Телеса-волоса свои обрывают. В огонь-полымя грешники бросаются И отца с матерью своих проклинают: «На что нас отец с матерью воспродили, Для чего нас с малых лет не научивали И ко Божьим делам нас не приваживали! Отчего же мы смаленьку не померли! Не слышали б мы слова грубнова От самого Иисуса Христа Царя Небесного И от Матери Пресвятой Богородицы!» Михаилу-архангелу мы славу поем, А добрым всем людям на память даем.

ВСТРЕЧА ИНОКА С ХРИСТОМ

Идет инок по дороге,
Да как черноризец по широкой.
Еще сам-то он слезно-то плачет,
Еще сам он тяжело возрыдает.
Еще встретился Царь ему да Небесный:
«Ты об чем, об чем, инок, плачешь,
Ты об чем, молодья, ты возрыдаешь?»
«Еще как мне-ка, Господи, да не плакать,
Еще как ведь мне-ка не рыдати?
Утерьял-то я ключ церковной,
Уронил-то я в синее море».
«Ты не плачь-ко-се, не плачь-ко-се ты, инок,
Ты не плачь, не рыдай ты, да молодья!
Ты поди-тко-се к синему морю:
Да потянут тогда буйные ветры,
Сколыбаются ведь синее море,
Да расходятся ведь большие волны,—
Еще выплещет тебе ключ церковной».
Да пошел тогда к синему морю,
Потянули тогда буйные ветры,
Сколыбалось тогда синее море,
Расходились тогда большие волны,
Да как выплескало ключ ему церковной.
Да идет тогда ведь инок по дороге,
Да идет черноризец по широкой,
Он сам идет ведь слезно-то плачет,
Еще сам он тяжело возрыдает.
Еще встретился Царь ему Небесный:
«Ты об чем, об чем, инок, плачешь,

Ты об чем, об чем, молодья, возрыдаешь?»
«Еще как мне-ка, Господи, не плакать,
Еще как ведь мне-ка не рыдати?
Утерьял-то я книгу-то златую».
«Ты не плачь-ко-се, не плачь ты ведь, инок,
Не рыдай, не рыдай ты, молодья!
Напишу я тебе книгу-то златую
Своимá-ти тебе златыми руками».
Да идет тогда инок по дороге,
Да идет молодья по широкой,
Он сам тогда слезно-то плачет,
Еще сам тяжело он возрыдает,
Еще к матери к земле припадает,
Отца с матерью вспоминает:
«Вы почто меня на горе засеяли,
На злосчастье меня все спородили!»
Еще встретился Царь ему Небесный:
«Ты об чем, об чем, инок, ты плачешь,
Ты об чем, молодья, возрыдаешь,
К матери к земле припадаешь,
Отца с матерью вспоминаешь?»
«Еще как мне-ка, Господи, не плакать,
Еще как ведь мне-ка не рыдати,
Еще к матери к земле не припадати,
Отца с матерью не вспоминати?
Еще стал я топериче в младых летах,
Одолеют на меня худые мысли,
Нападают на меня все ведь дьяволе».
«Ты не плачь-ко-се, не плачь ты ведь, инок,
Не рыдай ты, не рыдай, да молодья!
Ты поди-тко-се же, в лес уйди подальше,
Ты сострой себе келею под елью;
Еще станут к тебе ангели летати,
Еще станут тебя пропитати;

Залетают к тебе птицы-ти райские,
Запоют-то тебе песни-ти царские,—
Отвалятся от тебя худые мысли,
Отойдут от тебя все ведь дьяволе».
Да пошел тогда инок, в лес ушел подальше,
Он соорстил себе келею-то под елью;
Залетали к нему тогда ангели,
Еще стали его пропитати;
Залетали к нему птицы-ти райские,
Как запели ему песни-ти царские,—
Отошли от него худые мысли,
Отошли от него тогда дьяволе.

СТИХ О ЧИСЛАХ

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть един?
«Един Сын у Мариц,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть два?
«Два тавля Моисеовых
На Синайстей горе;
Един Сын Мариин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть три?
«Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеовых
На Синайстей горе;
Един Сын Мариин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть четыре?
«Четыре листа Евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеовых;
Един Сын Маршин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть пять?
«Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа Евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеовых;
Един Сын Маршин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть шесть?
«Шесть крыл херувимских;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа Евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеовых;
Един Сын Маршин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученные,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть семь?
«Семь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимских;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа Евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеевых;
Един Сын Мариин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученные,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть восемь?
«Восемь кругов солнечных;
Семь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимских;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа Евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеевых;
Един Сын Мариин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученные,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть девять?
«Девять в году радостей;

Восемь кругов солнечных;
Семь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимских;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа Евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеовых;
Един Сын Мариин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть десять?
«Десять Божьих заповедей;
Девять в году радостей;
Восемь кругов солнечных;
Семь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимских;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа Евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеовых;
Един Сын Мариин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть единнадесять?
«Единдесять праотец;
Десять Божьих заповедей;

Девять в году радостей;
Восемь кругов солнечных;
Семь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимских;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа Евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеевых;
Един Сын Мариин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть дванадесять?
«Дванадесять апостол;
Единдесять праотец;
Десять Божьих заповедей;
Девять в году радостей;
Восемь кругов солнечных;
Семь чинов ангельских;
Шесть крыл херувимских;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа Евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеевых;
Един Сын Мариин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами».

ПЛАЧ АДАМА

«Ой, раю мой, раю с рекою медвяной,
Цветом прекрасным, — красой неувядной!» —
Плакал Адам, да каялся Богу,
Плакал, да каялся Спасу-Христу:
«Зачем я, Адам, жены Евы послушал?
Зачем такую вещь я удумал, —
Плода съест от древа преслушанья,
Понесть от тебя, Христос, велико наказанье?
Ой, раю мой, раю с рекою медвяной,
Цветом прекрасным, — красой неувядной!»

Плакал Адам, да каялся Богу,
Плакал, да каялся Спасу-Христу:
«Зачем я, Адам, жены Евы послушал?
Зачем такую вещь я удумал, —
Плода съест от древа преслушанья,
Понесть от тебя, Христос, велико
наказанье?»

Тебя, Спаса, лишиться,
С прахом-землей сравниться,
Душой потемниться,
Плотью своей оскверниться?
Ой, раю мой, раю с рекою медвяной,
Цветом прекрасным, — красой неувядной!»
Плакал Адам, да каялся Богу,
Плакал, да каялся Спасу-Христу:
«Зачем я, Адам, жены Евы послушал?
Зачем такую вещь я удумал:
Плодом райским не насладиться,
Рая пресветлого навек лишиться,

В листья-одежу телом укрыться,
Стыдом охватиться, слезами омиться?
Ой, раю мой, раю с рекою медвяной,
Цветом прекрасным, — красой неувядной!»
Плакал Адам, да каялся Богу,
Плакал, да каялся Спасу-Христу:
«Зачем я, Адам, жены Евы послушал?
Зачем таковую вещь я удумал?
Не светел, не красен день мне земной,
Но грозен, прегрозен день судовой.
Я горюшко людям на свет породил,
Смерть люту, да зло я меж ими
вскормил!

Ой, раю мой, раю с рекою медвяной,
Цветом прекрасным, — красой неувядной!»
Плакал Адам, да каялся Богу,
Плакал, да каялся Спасу-Христу:
«Зачем я, Адам, жены Евы послушал?
Ой, горюшко, горе! Ой, раю мой, рай
С цветом прекрасным, — красой неувядной!
Помилуй мя, Боже, помилуй, молю,
Помилуй, Христос мой, Спаситель, Царю!»

МАРКО БОГАТЫЙ

Был купец
Именитый Марко.
Приснилось ему во сне,
Во тяжелой во ночи,
Чтобы свое имение
Расточить по нищей братии
И по бедным людям.
Был Марко распросудительный:
Нищих не забывал
И бедных ссужал,
И насмешки народу
Не произношал.
Почувствовал Марко
Свою смерть и кончину;
Нищая братия
Стала у Господа Бога
Просить Царствия Небесного:
«Господи, Господи!
Создай, Господи,
Марку смерть, Царства Небесного,
И смерть Царства Небесного!
И стали бедны люди просить
Господа Бога:
«Господи, Господи!
Сошли ты, Господи,
Марку ангелов, архангелов.
Вынут Маркину душу
А на белы пелена
За Маркино, Господи,

За праведное подаяние,
За Маркино за подаяние,
За праведную милостыню». Сослал Господь ангелов
Тихих, смиренных,
С белыми пеленами.
Вынули из Марка душу
Честно, хваляно,
Положили Маркову душеньку
Во купорисову гробницу,
Понесли Маркову душу
За три Сионские горы
И постановили Маркову душеньку
Промеж трех дерев купорисовых.
На купорисовых деревьях
Сидят мелкие птицы,
Мелкие птицы Господни;
Во боиной во головушке
Теплятся светлые свечи,
Светлые свечи воску ярого;
А по левую по сторонущку
Стоит Господня прислуга:
Миколай-то Угодник
И Гаврила Благовестила
Со ладанами со росными,
Со просфирами со мягкими;
Семиён-то Богоприимец
Стоит со его со рукописанным,
Которо душенька его,
Его добро делала,
Нищю братию не забывала.
Бедных людей да он ссужал —
На Светлое Христово Воскресенье
По сорок яиц раздавал,

А бедным людям,
Малым сиротам
Хлебом-солью изделял,
Себе рай Господень
И припасал.

СТИХ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Со восточного держания
Во словесном Киеве-граде
Жил себе Володимир-князь.
Имел себе трех сынов:
Старейший брат, а больший князь,
А меньших два брата — Борис и Глеб.
Живши, бывши, Володимир-князь
Стал своим чадам благословляти,
А удельными градами наделяти:
Старейшему брату — Чернигов-град,
Борису и Глебу — Киев-град.
Живши, бывши, Володимир-князь
В доме своем переставился.
Чада его возлюбленные
Со славою его погребали;
Разъезжались во разные страны:
Старейший брат в Чернигов-град,
А Борис и Глеб во Киев-град.
Живши, бывши, старейший брат,
Старейший брат, а больший князь,
В уме своем, разуме, смешался
И пишет князь злописание
Двум братьям, Борису и Глебу:
«Вы, меньшие братья, святые князья,
Святые князья, благоверные,
Два брата мои, Борис и Глеб!
Прошу я вас на пир пировать,
Во честный пир вам пир пировать:
Мы будем в моем доме отца поминать».

Послы его приходяжали
И посыльный лист приношали
Двум братьям, Борису и Глебу.
Два брата, Борис и Глеб,
Посыльный лист принимали,
Пред матушкой прочитали
И начали плакати-рыдати
И жалобным гласом причитати.
Их матушка говорила:
«Возлюбленные мои чада,
Святые князя благоверные!
Не ездите вы к большому брату в гости,
К старейшему брату, Святополкю:
Не на пир он зовет пировати,
Не отца в своем доме поминати,
Хочет он вас затребити,
Всею Русею завладати
Со всеми со удельными городами,
Со всеми со верными со слугами».
Они матушки не слушались,
Садись на добрых коней,
Поехали к большому брату в гости,
К старейшему брату и к большому князю.
А большой князь, ненавистный-злой,
Не в доме он братьев встречает.
Встречает далече в чистом поле,
Свирепо на братьев взирает,
Он зрит на них яко разбойник.
Два брата, Борис и Глеб,
Видят они напасть свою,
Слезают со добрых коней,
Упали к большому брату в ноги,
Старейшему брату, Святополку:
Борис упал в правую ногу,

А Глеб упал в левую;
Начали они плакать и рыдати
И жалобным гласом причитати:
«Любимый ты наш старейший брат,
Старейший брат, а больший князь!
Не срежь ты главы незрелые,
Не пролей ты крови христианской,
Крови христианской понапрасну!
Возьми ты нас в рабы себе,
Работай ты нами, как рабами!»
А больший князь, ненавистный-злой,
Ни на что, злодей, не взирает,
Ни на плаканье, ни на рыданье,
Ни на жалобное их причитанье:
Бориса взял копьем вружил,
А Глеба ножом зарезал,
И повелел эти тела, Борисово,
Борисово и Глебово,
Затащить во темный леса.
И сядил злой на добрый конь,
И стал разъезжать и похваляться:
«Слуги мои верные!
Топрича наша вся Росея
Со всеми со удельными городами,
Со всеми со верными со слугами!»
А Господь хвалы не слушает,
Ссылает Господь двоих ангелов
Со копием со вострым.
Повелел Господь земли подрезати,
Подрезати и потрясати,
И они землю подрезали,
Подрезали и потрясали:
Земля с кровию смешалася,
Вся вселенная ужаснулася,

Словно в синем море волны всколыхались.
Он думал, злодей, рай растворился,
Ан сам сквозь сырой земли провалился.
А те тела, Борисово,
Борисово и Глебово,
Лежали ровно тридцать лет:
Ни зверь их, ни птица не тронули,
Ни мрачное помрачение,
Ни солнечное попечение.
Как тридцать лет миновалось,
Явилось явление:
Явился столб красный, огненный,
От земли и до неба;
К тому столбу огненному
Сходились-соезжались
Цари, власти и патриархи
И все православные христиане.
Служили молебны благочестны
Двум братьям, Борису и Глебу;
Святые тела обретоша нам
Двух братьев, Бориса да Глеба.
От святых мощей было прощение.
Погребали их, светов, со славою.
А мы поем славу Борисову,
Борисову славу и Глебову,
Во веки веков, аминь.

ДМИТРОВСКАЯ СУББОТА

Накануне субботы Дмитровской
В соборе святом Успенским
Обедню пел Киприан святой,
За обедней был Димитрей князь
С благоверною княгиней Евдокиєю,
Со князьями ли, со боярами,
Со теми со славными воеводами.
Перед самой то было перед достойной
Перестал Димитрей князь молиться,
Ко столбу князь прислонился,
Умом князь Димитрей изумился;
Открылись душевные его очи,
Видит он дивное виденье:
Не горят свечи перед иконами,
Не сияют камни на золотых окладах,
Не слышит он пения святого,
А видит он чистое поле,
То ли чисто поле Куликово.
Изуслано поле мертвыми телами,
Христианами да татарами:
Христиане-то как свечи теплятся,
А татары-то как смола черна.
По тому ль полю Куликову
Ходит сама Мать Пресвятая Богородица,
А за ней апостолы Господни,
Архангели-ангели святые
Со светлыми со свещами,
Отпевают они мощи православных.

Кадит на них сама Мать Пресвятая
Богородица,

И венцы с небес на них сходят.

Вопросила Мать Пресвятая Богородица:

«А где ж да князь Димитрей?»

Отвечает ей Петр апостол:

«А Димитрей князь в Московском граде,

Во святом Успенском соборе,

Да и слушает он обедню

Со своей княгиней Евдокией,

Со своими князьями-боярами,

Со теми ли со славными воеводами».

И рече Мать Пресвятая Богородица:

«Не в своем Димитрей князь месте,—

Предводить ему лики мучеников,

А его княгине в моем стаде».

Тут явление пропало,

Свечи во храме загорелись,

На окладах камни засияли.

Образумился князь Димитрей,

Да слезно он восплакнул,

Таково слово он промолвил:

«Ах, знать, близок час моей смерти!

Скоро буду в гробе я лежати,

А моей княгине быть в черницах!»

А на память дивного видения

Установил он Дмитровску субботу.

ФЕОДОР, ДАВИД
И КОНСТАНТИН ЯРОСЛАВСКИЕ

Во славном во граде Ярославле
На честном на княжеском престоле
Сидел свет святой Феодор.
Всем он суд правый правил,
Богатых и сильных не стыдился,
Нищих и убогих не гнушался.
Послал Бог на Феодора несчастье:
Умерла у него честная княгиня.
Стал по ней Феодор сокрушаться,
Стал он Господу Богу молиться:
«Господи, Господи, Спас милосердый!
Чем я тебя, Господи, прогневал,
За что меня, грешного, казниши?
Не будет мне в старости утехи.
Али я тебе, Господи, не молился,
Святым постом не постился,
Али суд неправый коли справил,
Али когда нищих не призрел?»
Так рыдающе, он изнеможе,
Ложился спать он на ложе.
Во сне Феодор-князь видит:
Пресвятая Мать Богородица
Сидит на златом она на престоле,
А у ног Антоний с Феодосием.
Говорит Феодору Мать Пресвятая
Богородица:
«Ты не плачь, Феодоре, не кручинься,
Любя тебя Сын мой наказует

За то, что ты Господу молился,
Святым постом ты постился,
За то, что ты правый суд правил,
За то, что убогих призреваешь.
Ты пойми другую супругу,
Принесет тебе она плод честнейший:
Родит двух сынов тебе святых,
Свет Давида да Константина».
Благодарный княже Феодоре и с чады!
Избавите раба [имярек] от зельных печали,
Я же имать по рабе [имярек],
И да утвердится сердце его,
Аминь.

ПОКРОВ

Подошли враги к царству Грецкому,
Угрожают ему войной-гибелью;
Обложенные пришли в Божий храм,
Плачут-молятся, просят помощи.
Услышала Мать Божия молитву их,
Она сошла с небес во Божию церковь.
Слава райская храм исполнила,
Богородице служат ангелы,
И пророки, и апостолы.
«Что ж ты, Божий гость, голубица ты,
Всепречистая, благодатная,
Ты скажи, зачем прилетела к нам?
Аль уж светлый рай от грехов наших
Стал нерадостен, и пришла ты к нам —
Принесла нам казнь от Создателя?»
«Мне и светлый рай стал нерадостен,
Небо ясное помрачилось:
Ко мне ангелы каждый час несут
Слезы горькие христианские;
И смутилась я, опечалилась!
Теперь к вам пришла в утешение,
Помолить за вас с вами Господа».
И вознесла Пречистая молитвенный глас
Ко своему Сыну ко распятому,
Всех людей благодетелю и защитнику:
«Сыне мой, Иисусе мой!
Услыши ты нас с высоты небес,

Защити ѿ нас, грешных людей!»
В руках Богородицы был омофор
святой:

Омофором тем покрыла она
Благодатным души скорбные.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Уж давно-то христианска вера
Во Россеюшку взошла,
Как и весь-то народ русский
Покрестился во нее,
Покрестился, возмолился
Богу вышнему:
«Ты создай нам, Боже,
Житье мирное, любовное;
Отжени ты от нас
Врагов пагубных,
Ты посеи на нашу Русь
Счастье многое!»
И слышал Бог молитвы
Своих новых христиан:
Наделял он их
Счастьем многим своим.
Но забылся народ русский,
В счастья живя;
Он стал Бога забывать,
А себе-то гибель заготовлять.
И наслал Бог на них
Казни лютые,
Казни лютые, смертоносные:
Он наслал-то на святую Русь
Нечестивых людей, татар крымских.
Как и двинулось погано племя
От севера на юг,
Как сжигали-разбивали
Грады многие,

Пустошили-полонили
Земли русские.
Добрались-то они до святого места,
До славного Великого Новгорода.
Но в этом-то граде
Жил христианский народ:
Он молил и просил
О защите Бога вышнего.
И вышел на врагов
Славный новгородский князь,
Новгородский князь Александр
Невский.

Он разбил и прогнал
Нечестивых татар.
Возвратившись со войны,
Во иноки он пошел;
Он за святость своей жизни
Угодником Бога стал.
И мы, грешнии народы,
Притекаем к нему:
«Ты, угодник Божий,
Благоверный Александр!
Умоляй за нас
Бога вышнего,
Отгоняй от нас
Врагов пагубных!
И мы тебя прославляем:
Слава тебе,
Благоверный Александре,
Отныне и до века!»

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА МИЛОСТЫНЮ

А мы, нищая братья,
Мы, убогие люди,
Должны Бога молить,
У Христа милости просить
За поющих, за кормящих,
Кто нас поит и кормит,
Обувает, одевает,
Христу славу отсылает.
Сохраняй вас и помилуй
Сам Христос Царь Небесный,
Богородица Мать Божья,
Мать, Пречистая Царица,
Воскресение Христово,
Вознесение святое,
Святой Петр и Павел
И Кузьма со Демьяном,
Херувимы, серафимы,
Вся Небесная Сила,
Свет Михайло-архангел
И Гаврила Благоверный
Сохрани вас и помилуй
С семьей, с животами,
Со всем домом благодатным!
Всех от скорби, от болезни,
Зла, лихого человека
Сохраняй вас и помилуй!
От напрасного слова
Кажиного христианина,
По путям и по дорожкам

И по чужим дальним сторонам,
Батюшкиным благословеньем,
Матушкиным порожденьем,
Нашим нищенским моленьем!
Буйные головы от боли,
Ясные очи от нищеты,
Живот, сердце от тошноты!
Стань же, Господи, на помощь,
Святы ангелы на радость!
Телесам на здоровье,
Душам вечное спасение!
Грехам на прощение,
На многие лета!

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА МИЛОСТЫНЮ

Ай вы нуте-тка, ребята,
За царей Богу молити,
За весь мир православный!
Кто нас поит и кормит,
Обуваает, одеваает,
Темной ночи сохраняет,
Сохрани его, Господь Бог,
От лихого человека,
От напрасного от слова,
Сохрани, Господь, помилуй!
Что он молит и просит,
То создай ему, Господи!
Сохрани и помилуй
При пути, при дороге,
При темной при ночи!
От бегучего от зверя,
От ползучего от змея
Закрой его, Господь Бог,
Своею пеленою!
От летучего от змея,
При пути его, при дороге
Сохрани его, Господь Бог!

У ПОРОГА И ПОД ОКОШКОМ

Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй нас!
Кормилицы наши батюшки,
Милосливые матушки,
Сошлите святую милостыньку
Христа ради!
Родителям вашим — Царство

Небесное,

А вам — доброе здоровье!
Роду вашему-племени —
Дом благодатный!

СТИХ ЗА ЗДОРОВЬЕ ВОЕННОГО

Ай, должны мы Богу молиться,
Христа милости просить
За Васильево здоровье,
Да за военного человека.
Когда наделяет его сам Господь Бог
Умом, разумом, здоровьем,
Всякой Божьей благодатью,
Да сам Христос Бог Царь Небесный,
Мать Пречистая Царица да
Богородица,

Мать Божья,
Да Воскресение Христово,
Да Вознесение святое,
Да первоапостолы Пётра и Павел,
Сам Кузьма со Демьяном,
Серафимы, херувимы,
Вся небесная Божья сила.
Спаси, Господи, помилуй
При военной Божьей службы
От великого горя, пужды,
При офицерах-командирах,
При своей-то дружбы братни,
При ночлегу, при покою.
Да спаси, Господи, да помилуй
Всей от скорби, от болезни,
Да от лихова человека,
Да от невернова язЫка,
Все от слезнева рыданья
Да святым ангелам на радость.

НА ПОМИН ДУШИ

Помяни, Господи,
Всех сродцов, ваших родителей,
И отцов ваших, и матерей,
Батюшек крестных
И матерей крестных,
Братъей ваших и сестриц,
И младых младенчиков —
Всего роду и поколения!
Запиши их, Господи,
Во грамоты церковные,
За престолом Господним!
Доведи их, Господи,
До Царства Небесного,
До раю до светлого!
Сотвори им, Господи,
Вечную память.

МОЛИТВА О БЛАГОПОЛУЧИИ СКОТА

Трудничкам-рабам Христовым
Попаси вам, Господи Бог!
Фрол-то ваших лошадок,
Власий ваших коровок,
Настасья ваших овечек,
Василий свинок,
Никитий ваших гусят,ок,
Сергий ваших утят,ок,
Барвара ваших курят,ок.
Святой Егорий в поле сам он отпуская,
А в дом принимая.
От зверя ли бегучева,
От твари ползучева,
От лихова человека,
От ненавистова глаза
Помилуй, Господи!

МОЛИТВА ОБ УРОЖАЕ

Трудничкам-рабам Христовым
Зароди вам, Господи Бог,
Всякого зернова плоду
Небеснова роду.
Спаси, Господи, помилуй!
А кто сошкой наставляя,
Правой да ручкой засевая,
Христа на помощь призывая
Спаси, Господи, помилуй!
От жары ли да от супи, что ли,
От тучи грозной, что ли,
Граду, от побою, от буйнова ветру!

Примечания

В общем потоке художественной литературы традиция со- ставления и издания сборников духовных стихов для широкого круга читателей была в советское время, по сути, прервана. Из программ по изучению и просветительскому распространению фольклора был изъят раздел «Русские духовные стихи», существовавший до революции в университетских курсах народной словесности и истории русской литературы, а также в многочисленных хрестоматиях для домашнего чтения и учебных пособиях для гимназий, школ и других учебных заведений.

Редкие новые записи народной религиозной поэзии (остатки которой кое-где сохранились в центральных областях России и на Русском Севере) наряду с духовными стихами старообрядцев и покаянными стихами древнерусской профессиональной певческой традиции изредка появлялись на страницах специальной периодики и научных сборников. Публиковались некоторые из прежде не изданных рукописей XIX в., где встречаются народные духовные стихи (см., например: Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 1. 1983; Т. 2. 1986). Немногие, самые известные, памятники иногда попадали в антологии русского былинного эпоса, баллад, исторических песен, составленные С. Н. Азбелевым, А. М. Астаховой, Д. М. Балашовым, Б. Н. Путиловым и другими известными филологами-фольклористами. Самым большим по числу духовных стихов советским изданием (где они названы «апокрифическими песнями» и «песнями-притчами») можно считать том академического собрания фольклора: Былины. Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. Однако и в этой антологии (в соответствии

с ее задачами и принципами отбора материала) представлена лишь часть традиции народной религиозной поэзии.

При составлении нашей книги мы учитывали, по возможности, все жанровые разновидности фольклорных духовных стихов, сложившиеся на протяжении нескольких веков естественного существования традиции, и стремились представить главным образом ее основную — общерусскую — ветвь. В сборник включены некоторые стихи, возникшие в XVIII—XIX вв. в старообрядческой среде (это оговорено в примечаниях), но лишь те из них, которые не содержат специфически старообрядческих воззрений и вошли в репертуар калик и крестьян-нестарообрядцев. (Бурно развивавшаяся с конца XVII в. старообрядческая традиция духовного стиха содержит множество интереснейших в мировоззренческом и художественном отношении образцов и заслуживает отдельного сборника.)

Стихи расположены в книге, во-первых, с учетом примерной хронологии появления сюжетов, или, как говорили в XIX в., от «старших» к «младшим» (при известной условности такого деления); во-вторых, по естественному, но не строгому объединению их в тематические группы (там, где такие группы очевидно сложились, например: рождественские и страстные стихи, стихи о грешной душе, «Страшный суд», нищенские страннические стихи и каличьы молитвы).

Среди множества существующих записей того или иного духовного стиха избирались варианты, опубликованные авторитетными собирателями, известными филологами и историками литературы, наиболее полные по составу сюжета, достаточно цельные по стилистике и образному ряду. Разные варианты одного сюжета приводятся в том случае, когда они имеют какие-то яркие отличительные особенности или, как в поздней традиции, приобретают композиционную самостоятельность и «разветвляются» в тематическую группу.

Тексты даны в современной орфографии и без подробного отражения особенностей диалектного произношения, когда оно

значительно затрудняет восприятие стиха, но сама диалектная лексика сохранена. Ударения поставлены по источникам первой публикации. Грамматические формы слов и написание имен унифицировались, как правило, в рамках каждого текста, но не во всей книге (это могло нанести ущерб стилистике стихов и тому, как она понималась собирателями), поэтому в одних текстах имя Христа — Исус, в других — Иисус; «во веки веков» встречается наряду с «во веки веком» и т. п.

В примечаниях главные особенности сюжета, его происхождения отмечаются, как правило, при первом из публикуемых вариантов или при первом стихе группы. Не поясняются в большинстве случаев географические названия, иногда измененные и переосмысленные народным сознанием настолько, что соотнести их с географией реальной или даже известной легендарной практически невозможно (правда, это существенно не влияет на понимание содержания стихов). Не объясняются основные религиозные понятия ортодоксального православия и культовый смысл праздников (все это можно найти в соответствующей литературе). Даты даются по старому стилю.

Для источников, из которых взято несколько стихов, при первом их упоминании дается полное библиографическое описание, затем — сокращенное. В названиях книг использованы общепринятые сокращения: ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук; СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.

В отдельный раздел выделен словарь диалектной и устаревшей лексики.

Голубинная книга («Восходила туча сильна, грозная...»)

Оксенов А. В. Народная поэзия. Былины, песни, сказки, поговорки, духовные стихи, повести. С очерками главнейших отделов русской народной поэзии, объяснительным словарем и образцами напевов народных песен. 4-е изд., испр. и доп. Спб., 1908. С. 304—311.

Стих относится к числу космогонических и дает одно из самых ярких представлений о древних народных воззрениях на устройство мира. Название трактуется двояко: как книга «глубинная», т. е. мудрая, глубокая по содержанию; и как книга, полученная от Святого Духа, символом которого в христианстве служит голубь. Сама Голубиная книга — символ Священного Писания.

Разными мотивами стих восходит к ряду апокрифов, прежде всего к «Беседе трех святителей», «Вопросам Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Иерусалимской беседе».

Сюжет стиха сформировался, по мнению многих исследователей, в домонгольское время.

Давыд Евсевьевич — Давид, полулегендарный древнееврейский царь (конец XI — начало X в. до н. э.), которому приписывается сочинение псалмов.

Володимир Володимирович — великий князь Киевский Владимир (ум. 1015 г.), крестивший Русь в 988 г.

Белый царь — русский царь.

Латырь (в других вариантах: алатырь, илектр, янтарь) — «алтарный камень, алтарь, на котором впервые была принесена бескровная жертва, установлено высшее таинство христианства» (*Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. 3: Алатырь в местных преданиях Палестины и легенды о Грале. // СОРЯС, Т. 28. № 2. Спб., 1881. С. 24).

Святой Климент — папа римский с 92 по 100 г. Считался покровителем новообращенных народов. За проповедническую деятельность сослан императором Траяном на работы в Инкерманские каменоломни около г. Херсонеса, где продолжал свое апостольское служение. В 101 г. был сброшен в море с якорем на шею. В IX в. по молитве Кирилла и Мефодия мощи его чудесным образом вышли на поверхность со дна. Часть их была отправлена в Рим, а глава священномученика позже была перенесена князем Владимиром в Киев.

В стихе — прямая связь с апокрифом «Иерусалимская беседа»: «А море морям мать акция море великое, потому что в нем стоит церковь Клементя папы римского» (Памятники старинной русской литературы. Изд. Г. Кушелевым-Безбородко. Спб., 1860. С. 308).

Страгим-птица (в других вариантах: страфиль, стрепеюн, аштраха, нагай и др.) — страус. В характеристике птицы видны отголоски сказаний об алконосте.

Индрик-зверь (в других вариантах: индра, вындрик, индрок, единор, инорог) — легендарное животное. В его названии и характеристике смешаны представления о единороге (носороге) и гидре, их чудодейственных качествах: считалось, что рог первого обладает целительными свойствами (в виде порошка принимался от болезней) и предохраняет от отравы, а гидра магически связана с силами водной стихии.

Голубиная книга («Да с начала века животленного...»)

Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. 2-е доп. изд., подгот. А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путиловым. М., 1977. С. 208—213. № 60.

Единственный вариант стиха, где выпадению Голубиной книги предшествует рассказ о грехопадении Адама и Евы, поэтому здесь возникает по-своему интерпретированная перспектива мировой истории: кипарис, из которого будет сделан крест Христа, вырастает на могиле Адама; к нему же выпадает Голубиная книга как откровение смертным о тайнах мироустройства (в его уже христианизированном понимании). В композицию стиха введен эпизод борьбы единорога и льва за право царствовать над зверями, в других текстах не встречающийся. В характеристике льва-царя заметны элементы скоморошьей сатиры.

Вариант Кирши Данилова сложился не ранее XVII — первой половины XVIII в.

Егорий Храбрый («Во граде было в Иерусалиме...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. Ч. 1. Русские народные стихи. М., 1848. С. 4—10. № 2.

Егорий Храбрый — имя, данное народом христианскому святому Георгию Великомученику, победоносцу и чудотворцу (ум. 303 г.). По легенде, это был юноша знатного рода из Каппадокии, ставший крупным военачальником. По древнейшим версиям жития, Георгий терпел мучения от персидского царя Дадяна (позже, в новых вариантах жития дается имя реального правителя той исторической эпохи Диоклетиана).

Культе Георгия широко распространился на Руси в XI в. при Ярославе Мудром. Один из наиболее любимых и почитаемых святых, он предстал и в образе небесного покровителя земных властей, личного патрона многих русских князей в XI—XII вв. (например, Юрия Долгорукого); и Георгия-воина-всадника, поражающего копьём змея (XII—XIII вв.); и покровителя земледелия и скотоводства (в таком виде культ Георгия распространился в крестьянских массах уже с XIV в.). Изображение святого входило в государственный герб и украшало знамена русских войск.

Из канонических и апокрифических книжных источников народная поэзия заимствовала два разных сказания о святом: «Житие Георгия» дало начало стиху о мучениях Егория, а «Чудо Георгия о змие» послужило основой для стиха «Егорий, царевна и змей».

Первая часть стиха «Егорий Храбрый», напоминающая картины мучений в житийных клеймах на русских иконах этого святого, считается древнейшей. Вторая часть, где Егорий предстает духовным богатырем, учредителем христианского порядка, устройтелем и просветителем русской земли, а также освободителем родины от врага, по мнению исследователей, вошла в композицию стиха позже, как отражение борьбы против татаро-монгольского ига.

Первую версию стиха А. В. Марков относит к домонголь-

скому времени, новые редакции — к XIII в. и началу XV в. (см.: *Марков А. В.* Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении // *Богословский вестник*. Вып. 6. Сергиев Посад, 1910. С. 359—361).

Царице Демьянице (в других вариантах: Диоклетианице) — Диоклетиан, Гай Аврелий Валерий (243 — между 313 и 316 гг.), римский император (284—305 гг.). Предпринял широкие гонения на христиан, стабилизировал институт власти после кризиса III в., заложил основы имперского деспотизма, воспринятого правителями Византии.

Святая София Перемудрая — в каноническом житии имена отца и матери Георгия не называются; здесь привнесен, по-видимому, образ мученицы Софии, три малолетние дочери которой — Вера, Надежда, Любовь — были подвергнуты жестоким пыткам и обезглавлены при императоре Адриане. София скончалась через три дня после их казни (ок. 137 г.). День их памяти — 17 сентября.

Егорий, царевна и змей («Посторон святого града Иерусалима...»)

Сочинения П. И. Якушкина. Изд. Вл. Михневича. Спб., 1884. С. 490—493.

В образе Георгия-змееборца отражены древние представления многих народов о борьбе доброго начала со злом. Греческая легенда «Чудо Георгия о змие» восходит к устной византийской традиции VIII в. Самое раннее изображение Георгия-змееборца на Руси дает старолadoжская фреска XII в., прямо связанная с духовным стихом (на ней изображена царевна, ведущая змея на поводке). Это обстоятельство позволяет говорить либо об их одновременном появлении, либо о том, что стих возник раньше, а фреска — на его основе. Главная тема стиха — борьба христианства с язычеством.

Содом и Гоморра — древнепалестинские города, согласно библейскому рассказу сожженные упавшим с неба огнем за развратную жизнь их граждан.

Рахлинское царство — вымышленное.

Микола Барградский — святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, чудотворец (см. примеч. к стиху «Никола-Святитель»).

«Я не раз Егорью буду в году веровать...— два раза» — память великомученика Георгия Победоносца отмечается 23 апреля. Второй датой для певца могли быть либо 3 ноября — Обновление храма великомученика Георгия в Лидде (IV в.), либо 26 ноября — Освящение церкви великомученика Георгия в Кпеве (50-е гг. XI в.).

Сорок калик со каликою («А из пустыни было Ефимьевы...»)

Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. С. 121—129. № 25. .

По эпическому складу, развернутости сюжета и образному ряду принадлежит к группе так называемых «старших», т. е. древнейших, стихов. Это единственное повествование, где калики показаны как «дружи́на богатырская» со своим «кругом», атаманом и судом. Общность с былинным эпосом особенно заметна и потому, что в событиях участвуют известные русские богатыри — Але́ша Попович и Добрыня Никитич. Важнейшая нравственная коллизия стиха заключена в противопоставлении образов атамана Касьяна Михайловича, стойко переносящего неправо́е осуждение и спасшегося благодаря вере, и княгини Апраксевны, строящей козни ради похотливого желания. За мотивом торжества христианской добродетели в этом стихе некоторые исследователи видят социальную подоплеку. — утверждение превосходства калик над княжеской средой.

«А из пустыни было Ефимьевы...» — возможно, Спасо-Евфимиев монастырь около Вологды, известный в XV—XVII вв.

«Из монастыря из Боголюбова...» — вероятно, Суздальский Боголюбов монастырь, основанный в начале XII в. у г. Владимира князем Андреем Боголюбским.

Река Чéрега — река возле Пскова.

Княгиня Апраксевна — обычная форма имени киевской княгини в эпосе, от девичьего имени Афросинья.

Кирик и Улита («Ай же ты, Кирик младенец...»)

Памятники народного творчества в Олонецкой губернии. Духовные стихи. Сообщены Е. В. Барсовым. Записки имп. РГО по отделению этнографии. Т. 3. Спб., 1873. С. 603—609.

Мученики Кирик и Улита, почитаемые христианской церковью 15 июля, пострадали в эпоху правления Диоклетяна от его наместника Максимяна в 305 г.

В основе стиха — описание мучений Кирика, восходящее к каноническому житию; но победа Кирика, с честью прошедшего все испытания и оставшегося живым, — черта апокрифических сказаний. Показ героического подвижничества в прямом противоборстве христианина с язычниками относит стих к числу самых ранних эпических произведений народного религиозного творчества.

Федор Тирон («Во светлом во граде в Костянтинове...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 1—4. № 1.

Дни памяти великомученика Феодора Тирона (ум. ок. 306 г.) отмечаются 17 февраля и в субботу на первой неделе Великого поста.

Соединение в стихе двух рассказов — о походе Федора против «царя иудейского, силы жидовской» и освобождении матери от змея — свидетельствует о том, что основой для стиха послужили разные книжные источники. Среди них обычно указывают на древнерусское апокрифическое сказание о святом Феодоре, восходящее к раннему греческому апокрифу, а также на житие другого героя — змеборца Феодора Стратилата (ум. 319 г.).

Первые народные переработки апокрифов относятся, по-видимому, к домонгольскому времени. Победы Тирона с нагляд-

ной простотой объясняются его верой в спасительную силу Евангелия и исполнением предписаний христианского культа. Другие признаки раннего происхождения стиха — змеборческий мотив и отсутствие татарских примет в обрисовке враждебной силы.

Дмитрий Солунский («С первого веку начала Христова...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 14—18. № 4.

Дмитрий Солунский, согласно основной канонической версии, знатный человек, проконсул древних Фессалоник. За распространение христианства был по приказу Максимиана посажен в темницу и закован (26 октября 306 г.). Мощи Дмитрия сделались предметом ревностного поклонения. На протяжении столетий складывались легенды о посмертных чудесах солунского воителя, якобы не раз лично участвовавшего в защите Солуни от врагов.

Стих отражает героико-патриотическую идею борьбы Руси с татаро-монгольским игом в своеобразном религиозно-поэтическом преломлении. Создан под воздействием событий Куликовской битвы (1380 г.), победа в которой, по легенде, была одержана русскими благодаря заступничеству св. Дмитрия. Отсюда — подмена в стихе Дмитрия Донского Дмитрием Солунским и борьба святого с Мамаем. Стих содержит две сюжетные линии, первая из которых связана с походом царя неверных на Солунь и заступничеством св. Дмитрия, вторая — с освобождением от плена двух русских девиц. Для обеих линий можно найти аналогии в других областях древнерусского словесного творчества: первая восходит, хотя и опосредованно, к книжным агиографическим источникам, вторая — ближе духу былин и баллад.

Разночтения в имени героя и названии города обусловлены тем, что текст П. В. Киреевского составлен по нескольким записям от разных певцов.

Митрия митрополиты, митрия приполиты — митрополиты.

Чудо об Агриковом сыне Василии («Во славном во граде Тифлисе...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 18—20. № 5.

Стих — эпическая песенная редакция легенды из жития святого Николая «Чудо об Агриковом сыне Василии», которая не вошла в каноническое житие святого, но как отдельный рассказ часто встречается в Прологах и различных сборниках. В связь с легендой и духовным стихом можно поставить и житийные иконы Николая-чудотворца. Первые такие иконы, где в клеймах изображена история юноши Василия (Государственный Русский музей, инв. № 3032 и 2119), относятся к периоду от первой половины XIV в. до начала XV в. Возможно, в это время или несколько позже и был создан стих.

«*Во славном во граде Тифлисе...*» — в легенде местом действия является побережье Ликии около Мир.

Аника-воин («Жил на земле храбрый человек Аника-воин...»)

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. Спб., 1860. С. 120—127.

Аника (от греч.— непобедимый) — уникальный для эпических духовных стихов образец «отрицательного» героя, человека, поднявшего руку на христианские святыни и получившего заслуженное возмездие. Пример Аники-воина утверждает важную для народного апокрифического сознания мысль о нравственной ответственности каждого человека за содеянное в жизни. Единственный стих, где Смерть предстает как действующее лицо, причем оказывается посланницей Бога.

Сюжет стиха и форма диалога Аники со Смертью заимствованы, по мнению исследователей, из широко распространенного в русской литературе XVI в. «Прения живота и смерти» — повести, переведенной с немецкого оригинала в 1494 г. и вос-

ходящей к сказанию византийского эпоса VIII—IX вв. о Дигенисе Акрите.

Святигор-богатырь — Святогор — имя русского старшего былинного богатыря-полубога.

Молофер-богатырь — Олоферн, библейский герой, военачальник царя Навуходоносора, одержавший множество побед; обезглавлен Иудифью.

Самсон-богатырь — библейский герой, прославившийся богатырской силой и подвигами в борьбе с филистимлянами.

Вознесение («Среди было теплое лета...»)

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. С. 59—61.

В каличьем репертуаре это центральный духовный стих, оправдывающий существование нищих и прямо связывающий их с заветом Христа. Имя Христово, данное «меньшей братии» как великая духовная ценность взамен материальных благ, должно спасти их и прокормить. В соответствии с божественным предначертанием помощь нищим, по другим вариантам стиха, предстает и одним из средств для спасения души того, кто подает милостыню. Поддерживать у слушателей это христианское представление о значении милостыни — основная задача стиха. Книжных прототипов нет. В. Ф. Ржига на основе анализа мотива борьбы сословий из-за золотой горы, предназначенной нищим, делает вывод о возникновении сюжета стиха в первой половине XVI в., когда шли споры о церковном землевладении и достоинстве нищих (*Ржига В. Ф.* Стих о нищей братии // ИОРЯС. Т. 31. Л., 1926. С. 177—188).

«Проглаголет Иоанн Златоустий...» — смешение двух Иоаннов: апостола Иоанна Богослова, который, по Евангелию, присутствовал при вознесении Христа, и святителя, Отца церкви Иоанна Златоуста (ум. 407 г.), получившего свое прозвище за красноречие. Эта подмена не случайна, так как проповеди Иоанна Златоуста были бескомпромиссны по этическим установкам: он говорил о неправде судов, о произволе собирателей

подати, о разврате богатых и бесправии бедных. Имя Иоанна Златоуста появилось в стихе, возможно, и потому, что он известен как автор «Почужения о милостыне».

Вознесение («На шестой было на неделе...»)

Сочинения П. И. Якушкина. С. 502—503. № 11.

Про Христа милостива («С пятницы на субботу на великую страстную...»)

Соболев А. Н. Обряд прощания с землей пред исповедью, заговоры и духовные стихи. Владимир, 1914. С. 27—29.

Единственная запись стиха, где Вознесение и диалог нищих с Христом предваряются сюжетом страстей Господних.

Святитель Никола и нищая братия («Эх, да святитель наш Никола Христов...»)

Соболев А. Н. Обряд прощания с землей. С. 35—36.

Единственный в своем роде стих, где нищая братия взывает о милости не к возносящемуся Христу, а к Николе-угоднику (подробнее о нем см. в примеч. к стиху «Никола-Святитель»). Особенная душевная теплота и почтение в обращении нищих к Николе вытекают из укоренившегося в народе взгляда на этого святого, как на единственного, кто после Богородицы удостоился чести быть рядом с Богом: причастный к высшей милости, он может заступиться перед Христом и помочь в бедах.

Два брата Лазаря («Живал себе славен на вольном свету...»)

Сочинения П. И. Якушкина. С. 504—507. № 13.

В традициях римско-католической церкви Лазарь считался покровителем нищих, в особенности больных (отсюда — лазарет). На Руси выражение «петь Лазаря» стало синонимом калячьего пения и испрашивания милостыни.

Сюжет стиха заимствован из евангельской притчи о бога-

че и нищем Лазаре (Лука, гл. 16, 19—31). В народной ее интерпретации богат и бедняк превращены в братьев, усилены моменты социального неравенства, поэтому наряду с важнейшим мотивом праведности нестяжательской жизни в этом духовном стихе многие исследователи видят и выражение протеста против власть имущих. А. Робинсон датирует этот стих XVII в. (см.: Робинсон А. Н. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 124—155). По ряду признаков некоторые варианты стиха можно отнести и к XVI в.

Два брата Лазаря («Жили да были два брата родные...»)

Соболев А. Н. Обряд прощания с землей. С. 31—33.

Алексей, человек Божий («Во славном было во граде во Риме...»)

Бессонов П. А. Калеки перехожие: Сборник стихов и исследование. Вып. 1. М., 1861. С. 134—143. № 33.

Алексей, человек Божий. (день памяти — 17 марта) — великий подвижник аскетизма. Широко известен в литературах христианской ойкумены. В начале V в. в Сирии появляется легенда об Алексии, которая затем вошла в житие святого и стала источником русского духовного стиха.

Поучительный смысл истории об Алексее — в утверждении христианских идеалов жизни и любви. Отказавшись от знатности и богатства, Алексей живет в служении Богу, а значит — в свете истины. Это наделяет его образ жизни авторитетом высшей Божьей правды и объясняет отношения с родными: Алексей не отказывается от любви к ним, но переносит ее на всех людей, т. е. становится носителем христиански идеальной — неизбирательной — любви.

Возникновение стиха относится к XVII в., ко времени, когда житие Алексея, считавшегося патроном царя Алексея Михайловича, пользовалось особой популярностью.

Город Ефес — сирийский город Эдесс.

«Кушал Олексий со укропом...» — т. е. ел окропленную (освященную) пищу.

Алексей, человек Божий («Во славном во городе во в Рыме...»)

Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 1. Подготовка текстов, вступ. статья и коммент. З. И. Власовой. Л., 1983. С. 138—140. № 294.

Стих об Иосифе Прекрасном («Жил блажен муж Иаков Израиль...»)

Бессонов П. А. Калеки переходже. Вып. 1. С. 173—184. № 38.

В основе стиха — библейская история об Иосифе (Быт., гл. 37—47). По последовательности изложения основных событий, насыщенности текста церковнославянизмами, глагольными рифмами и другими приметам книжного стиля можно предположить, что этот стих складывался не в фольклорной среде: он создан в XVII в. и позже перенят нищими певцами.

Иаков — библейский персонаж. Перед рождением был объявлен Богом родоначальником нового народа (Быт., гл. 25, 19—25). Имя Израиль получил после символической «борьбы» с Богом. Отсюда название — народ Израиля.

Купцы-измайловцы — измаильтяне, один из народов в библейской истории.

Князь Пенгефрей — Потифар, царедворец, начальник телохранителей фараона.

«Старейшим рабом его нарекает...» — т. е. ставит главным управителем своих имений.

«Золотой чарбй волхвовати...» — Иосиф гадал на чаше, предсказывая свое будущее.

«А мы града Костянтина...» — Иаков с семьей жил в земле Ханаанской возле города Сихем. Град Костянтин, т. е. Константинополь, назван, по-видимому, как один из самых известных русскому народу чужеземных городов.

Плач Иосифа Прекрасного («Кому повею печаль мою...»)

Бессонов, П. А. Калекы переходже. Вып. 1. С. 191—192. № 41.

Выделившийся из стиха об Иосифе Прекрасном и получивший развернутую поэтическую обработку плач Иосифа к Иакову сложился в русской письменной традиции XVII в. Перейдя в фольклор, стал одним из немногих стихов, сохранявших устойчивую форму текста (записи, сделанные от разных певцов, не дают вариантов).

Иосаф-царевич и пустыня («Во дальней во долине...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 37—38. № 9.

С именем Иосафа в литературе русского средневековья связано только одно произведение — «Повесть о Варлааме пустыльнике и Иосафе царевиче индийском», восходящая к индийским первоисточникам и представляющая собой переложение легенды о Будде (Бодисатве — Будасфе — Иосафе). Основные темы повести — отрицание богатства и власти, уход из мира для уединения, созерцания и самосовершенствования — нашли отражение в покаянном стихе древнерусской профессиональной певческой традиции XV в., виршевых стихах XVII в. и лишь позже получили фольклорную обработку в стихе-разговоре Иосафа с пустыней.

Иосаф-царевич и пустыня («Расплакался млад юноша...»)

Материалы для истории г. Боровска и его уезда. Т. 1. Собраны и записаны Н. П. Глухаревым. Борозск, 1913. С. 61—63.

Про Марию Египетскую («Пошел старец молиться в лес...»)

Соболев А. Н. Обряд прощания с землей. С. 29—30.

Стих является свободным изложением жития преподобной Марии Египетской (ум. 522 г., день памяти — 1 апреля), которая, по преданию, в молодости была блудницей, потом присое-

дшилась к паломникам, шедшим в Иерусалим, обратилась к вере и прожила 47 лет в пустыне в покаянии.

«Во пятой четверге Велика поста...» — в этот предпраздничный день на утрени читается Великий покаянный канон Андрея Критского (стояние Марии Египетской) и житие преподобной.

Никола-Святитель («Святитель, отец ты наш Микола...»)

Олчуков Н. Е. Печорские стихи и песни // Живая старина. 1907. Вып. 2. С. 53—54. № 8.

Святитель Николай, чудотворец (ум. ок. 345 г.) — архиепископ Мир Ликийских, один из 318 отцов 1-го Вселенского (Никейского) собора 325 г., на котором он вел борьбу с арианской ересью. Дни памяти: 6 декабря (праздник установлен при императоре Мануиле Камнине) и 9 мая — празднование в честь перенесения мощей из г. Миры в византийской области Ликия (ныне — Средиземноморское побережье Турции) в г. Бар (Бари) в Южной Италии.

На Руси Николай был одним из самых популярных святых. Его именем назван первый русский храм, поставленный княгиней Ольгой над могилой князя Аскольда (ум. 882 г.) в Киеве. Именем Николы освящались многие сельские церкви и храмы на торговых площадях, которые ставили русские купцы, мореходы и землепроходцы, почитавшие чудотворца Николая покровителем всех странствующих на суше и на море (отсюда название — храм Николы Мокрого). В народном восприятии Никола предстает как защитник людей, ревнитель справедливости, добрый помощник.

Рождество Христово («Во славном было городе Вифлееме...»)

Духовные стихи. Сообщил Я. Ильинский // Живая старина. 1898. Вып. 3—4. С. 485—486.

В русской культуре народные рождественские стихи — явление позднее (XVII—XVIII вв.). Возникли под влиянием бе-

лорусских и украинских псалм, которые, в свою очередь, испытали воздействие католических польских кантычек. Содержание стихам дали Евангелия от Матфея (гл. 2, 1—18) и от Луки (гл. 2, 1—7).

«Бог во убожестве приложился...» — всемогущий Бог, сойдя на землю, явился человеку в его образе и плоти.

Ирод — Ирод I Великий (ок. 73—4 гг. до н. э.) — правитель Галилеи, позже — провозглашенный римским Сенатом царь Иудеи. По евангельской истории, он приказал убить младенцев, узнав о рождении Христа («избиение младенцев»).

«За Спасителя Христа Бога...» — здесь: приказ убить младенцев, потому что среди них находится Христос.

Рождество Христово («Во городе в Вифлееме...»)

Бессонов П. А. Калеки переходные. Вып. 4. М., 1863. С. 18, № 234.

Об Ироде и о Рождестве Христовом («Дева Мати пречистая...»)

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. С. 47—48.

Стих о милосливой жене, милосердной («Милослива жена, милосердная...»)

Отто Н. Старые русские стихи: Песни стихарей // Живая старина. 1906. Вып. 1. С. 28—29.

События бегства Марии с младенцем в Египет изложены в Евангелии от Матфея (гл. 2, 13—15). Однако источник стиха не канонический евангельский текст, а апокрифическое сказание об избиении вифлеемских младенцев.

Параллельно с фольклорным стихом в XVIII—XIX вв. существовал и старообрядческий стих «Аллилуйева жена», где мотив уцелевшего в горячей печи младенца развернут в сентенцию об очистительном значении огня для оправдания самосожжений,

Сон Богородицы («Во славном во городе в Ерусалиме...»)

Бессонов П. А. Калекы переходжне. Вып. 6. М., 1864. С. 190—191. № 612.

В традиции народного духовного стиха основные события евангельской истории — страдания и смерть Христа — отразились в группе близких по мотивам поэтических сюжетов. Здесь сказалась особая любовь народа к Богородице: великие и страшные события показаны через ее видения и окрашены щемящей душу материнской жалостью. Среди многочисленных источников этой группы стихов — канонические и апокрифические евангелия, византийский церковный канон «О распятии Господни и на плач Пресвятыя Богородицы» и другие тексты и песнопения, которые читаются и поются в пятницу и субботу Страстной недели; прозаический апокриф «Сон Богородицы», иконы, фрески и др.

Стих «Сон Богородицы» получил в народе самое широкое распространение. Ему приписывались целебные и спасительные свойства: текст стиха зашивали в ладанку и вешали на шею уходящим на войну, читали как молитву-заговор над больными, брали с собой в дорогу для предотвращения опасной встречи с «лихим человеком» и т. п.

Сон Богородицы («Мати Мария, // Где ты спала, ночевала?..»)

Максимов С. В. Крестная сила: Рассказы из истории старообрядчества // *Максимов С. В.* Собрание сочинений. Т. 17. Спб., 1912. С. 88.

Хождение Богородицы («Ходила, походила Дева Мария...»)

Можаровский А. Ф. Духовные стихи старообрядцев Поволжья // *Этнографическое обозрение.* 1906. № 3—4. С. 301—302. № 55.

Фрагмент с описанием стоящих рядом в церкви (или в трех церквях) трех гробов возник, как можно думать, под влиянием расположения икон деисусного чина в алтарной части храма:

слева и справа от Христа стоят Богоматерь и Иоанн Предтеча. Подмена Иоанна Предтечи Иоанном Богословом в ряде вариантов этого духовного стиха могла произойти «под влиянием изображения распятия, где апостол Иоанн стоит по другую сторону креста от Богородицы» (*Жирничников А. И.* Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной // Труды VIII Археологического съезда в Москве. Т. 2. М., 1895. С. 227).

Хождение Богородицы («Ходила, гуляла Святая Дева...»)

Материалы для истории г. Боровска и его уезда. С. 64.

Стих о трех гробницах («На горе, горе, на Сионской горе...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 72. № 36.

Плач Богородицы («Во марте во месяце...»)

Ильинский Я. Народные апокрифические сказания, записанные в Ярославской губернии // Живая старина. 1906. Вып. 1. С. 38—40.

«*Ныне Симоново пророчество сбывается...*» — по-видимому, имеется в виду известное ветхозаветное предсказание пророка Исайи о смерти мессии за грехи человеческие (Ис., гл. 53). Подмена имени пророка произвольна, что вообще характерно для устной традиции.

Страсти («Иже о Христе Иусе...»)

Бессонов П. А. Калекы перехожие. Вып. 4. С. 206—208. № 376.

Пилат — понтийский игемон. Понтий Пилат — римский прокуратор Иудеи в 26—36 гг. н. э. По преданию, приговорил Иисуса Христа к распятию.

Страсти («В четверток, вечеру бывшу...»)

Бессонов П. А. Калекы перехожие. Вып. 4. С. 195—196. № 369.

Страсти («Во городе во Руссе стоит церковь соборная...»)

Материалы для истории г. Боровска и его уезда. С. 70—71.

Страсти («Единый лукавый был Вуда...»)

Сперанский М. Н. Духовные стихи из Курской губернии // Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С. 62—63.

Вуда — Иуда.

Двенадцать пятниц («Приидите, братия, послушайте...»)

Бессонов П. А. Калекы переходже. Вып. 6. С. 120—124. № 579.

В христианском культе пятница — день мучений и страданий Христа на кресте — отмечается постом. Наряду с воздержанием от пищи верующим запрещается в этот день заключать брак, а находящимся в браке предписывается воздержание от супружеского общения. Особенно важными на Руси считались двенадцать так называемых «имянных» пятниц перед большими церковными праздниками годового круга. Их соблюдение было залогом здоровья, благополучия и будущей вечной жизни в Царстве Небесном.

Источником стиха считается апокриф с таким же названием. Перечень праздников в вариантах стиха нестабилен, но эта нестабильность, как правило, не влияет на даты пятниц. Представление об охранительном для человека воздействии пятничных постов в разных вариантах стиха варьируется: оно либо как-то связывается с содержанием праздника, либо является просто обещанием человеку чего-то доброго, благого (например, соблюдение поста в седьмую пятницу перед праздником Преображения оберегает от «дьявольской грез», «присыпу младенцев», «от лихих людей», «от трясучей скорби» и т. д.), т. е. для народных певцов сами посулы по их содержанию не были увязаны в какую-то стройную систему.

Стих возник не ранее XVII в. *Святой Климент, папа римский* — см. примеч. к стиху «Голубиная книга».

Великий пост — включает семь недель от понедельника после сырной недели (масленицы) до Пасхи.

Благовещение — 25 марта.

Светлое Христово Воскресение, или Пасха, — празднуется в первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолуния по истечении полной недели со дня иудейской пасхи, является праздником переходным, приходящимся на время с 22 марта по 25 апреля.

Вознесение — отмечается на 40-й день после Пасхи.

Троица — в 50-й день после Пасхи (Пятидесятница).

Илья-пророк — согласно легенде, жил в царствование израильского царя Ахава (876—854 гг. до н. э.), был ревностным поборником иудейской религии и обличителем идолопоклонства. Сверхчеловеческие чудеса и был взят на небо живым. На Руси почитался народом, прежде всего, как «громовержец», дарующий дождь или солнечную погоду. Празднуется 20 июля.

Преображение — 6 августа.

Успение Пресвятой Богородицы — 15 августа.

Иоанн Предтеча, он же Креститель, — один из последних пророков, предшественник Иисуса Христа. Согласно библейской легенде, казнен за обличение незаконной связи галилейского царя Ирода и тапцовщицы Иродиады. День усекновения главы Иоанна Предтечи — 29 августа.

«Супротив Михаила-архангела... Сама Пятница Прасковья мучилась...» — день Михаила-архангела приходится на 8 ноября, Параскевы Пятницы (о ней см. примеч. к стиху «Святая Пятница») — на 28 октября. По-видимому, праздник назван неверно, поскольку между этими датами больше недели.

Рождество Христово — 25 декабря.

Крещение Господне — 6 января.

Василий Кесарийский («Слава Василию Великому, кесаринскому чудотворцу!..»)

Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 2. Л., 1986. С. 8—10. № 4.

Василий Великий, или Василий Кесарийский (ок. 330—379 гг.) — ранневизантийский церковный деятель, мыслитель и писатель, епископ Кесарии Каппадокийской, один из Отцов восточнохристианской церкви. Вместе с Иоанном Златоустом и Григорием Богословом сыграл важнейшую роль в утверждении догматов православия и установлении церковных правил.

Поводом к появлению стиха, где Василий Великий, всегда отличавшийся строгим, подвижническим образом жизни, фигурирует в качестве исправившегося пьяницы, послужили его проповедь «На упивающихся» и слово «Како подобает воздержаться от пьянства», в которых порок обличается с большой эмоциональной силой. Это, по-видимому, дало повод создателям стиха думать, что проповедник писал их на основании своего горького опыта.

Время появления стиха, как убедительно показано А. В. Марковым (см.: *Марков А. В. Определение хронологии русских духовных стихов... // Богословский вестник. 1910. Вып. 7—8. С. 418—425*), — конец XVI — начало XVII в., когда начались правительственные меры по борьбе со спивающими — духовенством и мирянами. Поучительный характер стиха о пьянстве ставит его в один ряд со многими произведениями XVII в., которые были призваны наставить людей на путь истинный. Однако это не мешало «царевым кабакам» спаивать население.

Давидов дом — образ, созданный народной фантазией: по поверьям, этот дом находится в Иерусалиме, и каждый год в него пускают по одному человеку, но оттуда если кто и выходит, то немой; считалось, что, связанный с «поглощением грехов», этот дом при кончине мира станет источником огненной реки, которая разольется по всей вселенной.

Стих о лепи («Слово Иоанна Златоустого...»)

Бурцев А. Е. Обзор русского народного быта Северного края. Т. 2. Спб., 1902. С. 88—89.

Стих возник в XVII—XVIII вв., хотя внимание к пороку лени известно в древнерусской литературе, по крайней мере, с XV в. («Слово о сонливых и ленивых и упиянчивых»). В поздней редакции «Измарагда» (XVI—XVII вв.), известного древнерусского сборника статей правоучительного характера, помещено «Поучение к ленивым и не хотящим делати», к тексту которого духовный стих очень близок.

Стих о матерном слове («Вы, народ Божий, православный...»)

Ржига В. Четыре духовных стиха, записанных от калик Нижегородской и Костромской губерний // *Этнографическое обозрение.* 1907. № 1—2. С. 66.

Стих позднего происхождения (XIX в.). Осуждение бранного слова встречалось ранее в дидактических стихах «Василий Кесарийский», «Страшный суд» и др. Еще с XVI в. пороку матерной хулы посвящались специальные царские указы. В апреле 1552 г. Иван Грозный поручил двум своим чиновникам «кликать по торгам» (рынкам, базарам и прочим местам собраний), чтобы православные христиане от мала и до велика «матерны бы не лаялись, и отцем и матерью скверными речми друг друга не упрекали» (*Голубинский Е.* История русской церкви. Т. 2. Ч. 1. М., 1910. С. 794—795). Позже правительственные меры против брани, соединившиеся с мерами против пьянства, проводились постоянно и поддерживались церковными проповедями (в XVII в., например, появилось слово «Како не подобает матерны лаятися»).

Стих о грешной матери («Писано было в Зеркале, книге Божьей...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 68—69. № 29.

Литературный первоисточник стиха — сборник католических легенд «Великое Зерцало», который в переводе с польского появился в Москве в 1677 г. Позже сделан второй пере-

вод памятника, получивший широкое распространение в рукописях. В стихе нашла отражение одна повесть сборника — «О некоем священноиноке, иже о матери своей моляся и какова ему показася за презлишнее телесное украшение», но главная ее мысль — о необходимости покаяния — оказалась затупеванной, опущены также многие подробности сюжета. Некоторые образы сложились под явным влиянием других духовных стихов (мотив огненной реки — из «Страшного суда»), апокалипсических видений и сказочных сюжетов (двуглавый и трехглавый змеи); яркий русский колорит приобрели бытовые детали (кокошник). Сережки, цепочка и зеркало указывают на то, что стих возник не ранее XVIII в.

«Восемьсот было пятьдесят в осьмом году...» — по-видимому, речь идет о 6858 г. по старому летосчислению (по новому — 1350 г.); появление даты здесь — стремление подчеркнуть истинность повествования (ни с какими реальными историческими событиями оно не связано).

«Причастие не в очищении...» — совершение таинства Евхаристии без обязательной исповеди и отпущения грехов.

Стих о грешной рабе и о ее праведной дочери («Жила была раба на вольном свету...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 67—68. № 28.

В этом стихе — редкий мотив заступничества праведной души за неправедную (он близок духу католических легенд и псалм, которые пришли в русскую культуру с Запада в XVII—XVIII вв.; стих мог появиться только в поздней фольклорной традиции).

Стих о вдовах («По тому ли морю по Вассионскому...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 70. № 31.

Стих про Царицу Небесную («Сходила Царица Небесная со кругов небесных...»)

Соболев А. Н. Обряд прощания с землей. С. 39—40.

Поздний стих (XVIII—XIX вв.), в котором лирическое откровение о покровительстве Богородицы в сжатой форме выражает особую любовь народа к Божьей Матери.

Святая Пятница («Во пустыне святой труженик трудился...»)

Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 137—138. № 293.

Именем Святой Пятницы в народе названа мученица Параскёва, казненная в эпоху гонений на христиан (III в.). В Четьих-Минеях повествуется, что ее родители всегда чтили пятницу как день страданий и смерти Христа, за что и даровал им Господь в этот день дочь, которую они назвали Параскевой (*греч.* — пятница). В старых русских месяцесловах к имени св. Параскевы добавлялось всегда и имя «Пятница»; церкви, освященные в ее честь, до сих пор называются Пятницкими. Святая Параскева была чтима русскими крестьянами как покровительница полей, скота и исцелительница тяжелых телесных и душевных недугов людей. Особое отношение к святой, заботящейся о всем домашнем укладе, выразилось и в том, что пятничный пост был дополнен специальным кодексом запретов на хозяйственные работы. Возвышенно-духовная, просветленная атмосфера дня в народном сознании связывалась и с чистотой бытовой, поэтому запрещались работы, при которых поднималась пыль и загрязнялась вода: нельзя было чесать лен и пряхь шерсть, стирать белье, купать детей, варить щелок, выносить из печи золу, мести полы, рыть, пахать и боронить землю, толочь кирпич, очищать навоз и т. д. Те же запреты стали распространяться и на среду как еще один постный день недели.

Возникновение сюжета стиха отнесено А. В. Марковым (см.: *Марков А. В.* Определение хронологии русских духовных

стихов... // Богословский вестник. 1910. Вып. 7—8. С. 415—418) к первой половине XVI в., но с этим вряд ли можно согласиться, поскольку «крестьянский» по содержанию стих мог появиться не раньше XVII—XVIII вв.

Стих о преподобном Макарии («А преподобныя Макарей...»)

Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2. Терский берег Белого моря // Труды музыкально-этнографической комиссии. Т. 2. М., 1911. С. 40. № 16.

Преподобный Макарий в этом стихе с правоучительным кодексом добродетельной жизни скорее собирательный образ проповедника, чем какое-то историческое лицо. Стих возник, по-видимому, в старообрядческой среде.

Непрощаемый грех («Уж как каялся молодёц сырой земли...»)

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. С. 161.

По мнению исследователей XIX в. (см.: *Марков А. В.* Определение хронологии русских духовных стихов... // Богословский вестник. 1910. Вып. 6. С. 362—364; *Тихонравов Н. С.* Сочинения. Т. 1. М., 1898. С. 214—216), этот стих связан с учением стригольников (XIV в.) и возник в их среде. Выводы были сделаны на основе анализа двух главных его мотивов: покаяния перед землей, заменявшего стригольникам исповедь священнику, духовнику; и убийства «брата крестового», т. е. одного из членов своего братства, что считалось самым большим грехом. Однако, как и в «Плаче земли» (см. ниже примеч. к этому стиху), здесь правомерно видеть прежде всего языческие истоки. Свидетельство тому — сохранение обряда исповеди земле в крестьянской среде глухих мест вплоть до XIX в., когда ересь стригольников была уже прочно забыта.

Плач земли («Как расплачется и растужится...»)

Смирнов С. Исповедь земле: Речь, произнесенная с сокра-

щениями на акте Московской Духовной Академии 1 октября 1912 г. Сергиев Посад, 1912. С. 31.

Содержание стиха соответствует фрагменту греческого апокрифа «Хождение апостола Павла по мукам», известного в русском переводе с XV в. В связь со стихом можно поставить и плач земли из «Сказания о Меркурии Смоленском», а также фрагмент «Повести о нашествии Батыя». Исследователи XIX в. А. В. Марков и Н. С. Тихонравов связывали этот стих (как и предыдущий) с учением стригольников, с той ролью, которую играла земля в их воззрениях. Однако о прямой связи стиха с учением стригольников говорить вряд ли правомерно, поскольку этот стих достаточно позднего происхождения и не содержит каких-либо специфических положений, выводящих его за пределы народной веры в область ереси. По-видимому, и литературные произведения, и ересь, и духовный стих в приложении к образу плачущей земли имеют общий исток — древний языческий культ.

Плач земли («Растужилась, расплакалась матушка сыра земля...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 70. № 30.

Святок Иерусалимский («Во светлом граде Ирусалимове...»)

Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 233—237.

В исходном для этого стиха мотиве выпадения камня со свитком, а также в произведении «частей человеческих» от природных стихий слышны отголоски «Голубиной книги». Перечисление заветов Христовых вкупе с описанием праведного поведения, обличением грехов и картинами грядущего Страшного суда придают стиху характер эмоционально яркого дидактического поучения. Таким он мог сложиться не ранее XVIII в.

Великий, четверг — на Страстной неделе.

Расставание души с телом («По морю по синему по Хвалынскому...»)

Отто Н. Старые русские стихи: Песни стихарей. С. 29—30.

Христианские представления о загробной жизни в народных стихах даны с постоянным нравоучительным акцентом на неизбежности расплаты за грехи. Нередко наглядно показывается, что любые, самые тяжкие земные страдания легче адских. В покаянии души грешной большое место занимает перечень проступков, которые связаны с хозяйственной деятельностью крестьян.

Ф. Батюшков, анализируя духовные стихи о расставании души с телом, выделял среди них группу «легендарных», источником которых послужило апокрифическое «Павлово видение», и группу «канонических», т. е. основанных на принятых церковью произведениях. Однако строгого разделения между обеими группами, как замечал исследователь, провести нельзя (см.: *Батюшков Ф. Д.* Спор души с телом в памятниках средневековой литературы: Опыт историко-сравнительного исследования. Спб., 1891). Картины мытарств души в аду и краткие описания недоступного «рая пресветлого» могли быть вдохновлены также апокрифическими сказаниями «Хождение Богородицы по мукам», «Житие Василия Нового» и др.

Расставание души с телом («Два ангела, два архангела...»)

Соболев А. Н. Обряд прощания с землей. С. 36—37.

Плач души («Тужит-плачет душа наша...»)

Ржига. В. Четыре духовных стиха. С. 65.

Стих о душе грешной («Как на вольном свету душа царствовала...»)

Образцы фольклора русского населения Верхотамья (Тек-

сты и напевы к статьям С. Е. Никитиной и М. Б. Чернышевой) // Русские письменные и устные традиции и духовная культура: (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966—1980 гг.). М., 1982. С. 288. № 30.

Стих о душе грешной («У раю у пресветлого...»)

Богословский П. С. Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине // Пермский краеведческий сборник. Вып. 1. Пермь, 1924. С. 77—78.

Стих о душе грешной («Жила душа грешная на вольном свету...»)

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. С. 142—143.

«Умерла душа — не простилася...» — т. е. человек не свершил предсмертного покаяния и не получил отпущения грехов.

Стих о душе грешной («Жила душа грешная на вольном свете...»)

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. С. 143—144.

Стих о душе грешной («Что летят-то, летят Петр и Павловичи...»)

Духовные стихи. Сообщил Я. Ильинский // Живая старина. 1898. Вып. 3—4. С. 486.

Петр и Павловичи — апостолы Петр и Павел.

Стих о трех дарах («Проспали, продремали...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 71. № 33.

О житии человеческом («Знал бы я, ведал, человече...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 67. № 27.

Стих о смерти («Вы придите, братье, да послушайте писание...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 73. № 38.

Стих о смерти («Вечор я, мой братии...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 70—71. № 32.

Стих о смерти («Заведу я компанью...»)

Сказки и песни Белозерского края. Записали В. и Ю. Соловьевы. М., 1915. С. 331. № 65.

Стих о смерти («Господи, Господи...»)

Ржига В. Четыре духовных стиха. С. 64.

Об Адаме, житии человеческом и смерти («Адам народился...»)

Бурцев А. Е. Полное собрание этнографических трудов. Легенды русского народа. Спб., 1910. Т. 6. С. 33—34.

Страшный суд («Было добро, да миновалось...»)

Бессонов П. А. Калеки переходные. Вып. 5. М., 1863. С. 122—124. № 477.

В получившей широкое распространение большой группе стихов, посвященных Страшному суду, народная фантазия уделяет основное внимание картине разделения воскресших людей на души грешные и праведные. Назидательно-нравоучительное начало стихов подчеркнуто постоянными напоминаниями о забвении заветов Христа в грешной земной жизни и перечислением неисполняемых предписаний церковного культа.

Популярность темы Страшного суда в традиции духовного стиха определена не только основополагающим характером учения о неизбежности конца мира в христианских воззрениях

ях, но и тем, что эсхатологические мотивы актуализировались в сознании средневекового человека во времена многочисленных социальных потрясений. Не раз на Руси устанавливались и конкретные даты «второго пришествия Христова», первой из них был 1492 г. (7000 г. по старому летосчислению).

«Илью-пророка и Онофрия...» — два посланника Божьих, которые, согласно Апокалипсису, спустятся на землю перед концом мира, чтобы свидетельствовать против Антихриста, и будут им убиты (Откр., гл. 11, 3—12).

Страшный суд («Спустится на землю судья праведный...»)

Бессонов П. А. Калеки переходные. Вып. 5. С. 240—242. № 513.

Страшный суд («Ох ты, Матушка Владычица...»)

Бессонов П. А. Калеки переходные. Вып. 5. С. 159—161. № 486.

Страшный суд («Плачемся и рыдаем...»)

Бессонов П. А. Калеки переходные. Вып. 5. С. 84—86. № 455.

Страшный суд («Матушка Владычица просит...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 71—72. № 34.

«Идите вы ко Авраамю в рай...» — речь идет о библейском пророке Аврааме.

Страшный суд («Выди-ко, человек, на Сиянскую гору...»)

Бессонов П. А. Калеки переходные. Вып. 5. С. 161—165. № 487.

Страшный суд («От востока солнца до западу...»)

Оксенов А. В. Народная поэзия. С. 323—324.

Страшный суд («Воскреснет Небесный Царь...»)

Сочинения П. И. Якушкина. С. 496. № 7.

О Страшном суде («Речит к нам истинный Христос...»)

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. С. 159—160.

«Со первой недели, со Федоровской...» — в субботу первой недели Великого поста вспоминается великомученик Феодор Тирон, по имени которого называют всю эту неделю.

О Страшном суде («Проглаголет сам Иус Христос...»)

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. С. 168—169.

Об архангеле Михайле и Страшном суде («Еще знал бы человек житие веку себе...»)

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. С. 137—142.

Об архангеле Михайле и Страшном суде («А как жили мы были на вольном свету...»)

Духовные стихи // Труды Псковского Археологического общества за 1907—1908 гг. Псков, 1909. С. 129—132. № 2.

Встреча инока с Христом («Идет инок по дороге...»)

Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1904 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1. Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица // Труды музыкально-этнографической комиссии. Т. 1. М., 1906. С. 15—17. № 2.

Сюжет стиха заимствован каликами у старообрядцев (возник не ранее XVIII в.). Символика ключа и церковной книги (Св. Писание) подчинена здесь утверждению идеала пустынножителства.

Стих о числах («Вы люди оные...»)

Бессонов П. А. Калекы переходные. Вып. 2. М., 1861. С. 381—385. № 94.

Другое название — «Евангелистая песнь». Известен в культуре многих стран. Кроме распространенного латинского существуют варианты: провансальский, португальский, немецкий, польский, еврейский, чешский, моравский, болгарский, белорусский и др. В русской культуре стих появился с XVII—XVIII вв.

«Два тавля Моисеовых...» — таблицы (скрижали) с десятью заповедями: «И когда (Бог) перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим» (Исх., гл. 31, 18).

«Три патриарха на земле...» — ветхозаветные патриархи Авраам, Исаак и Иаков.

«Шесть крыл херувимских...» — согласно Библии, херувимы двукрылы; здесь они названы вместо ангелов высшего чина — серафимов, которые ближе других предостоят престолу Господню: «Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (Исх., гл. 6, 2).

«Семь чинов ангельских...» — по канону чинов ангельских — девять; они разделяются на три иерархии: высшую (серафимы, херувимы, престолы), среднюю (господства, силы, власти) и низшую (начала, архангелы, ангелы). Для стиха число семь могло быть заимствовано из перечисления ангельских сил в «Откровении Иоанна Богослова»: «семь звезд суть Ангелы семи церквей» (гл. 1, 20); «семь Ангелов, имеющие семь труб» (гл. 8, 6); «семь Ангелов, имеющие семь последних язв» (гл. 15, 1). Кроме того, известны иконописные изображения «Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных», где показаны семь архангелов: Гавриил, Рафаил, Уриил, Селлафиил, Иегудиил, Варахиил и Иеремиил.

«Единдесять праотец...» — до Великого потопа родословие Адама (от него до Ноя) насчитывает, по Библии, десять праотцев. После прародителя Адама, счет ведется от его третьего

сына — Си́фа. Ева родила Си́фа, «потому что Бог положил... другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин» (Быт., гл. 4, 25). Авель — один из двух первых сыновей Адама — одиннадцатый праотец.

Плач Адама («Ой, раю мой, раю с рекою медвяной...»)

Соболев А. Н. Обряд прощания с землей. С. 37—38.

Источники стиха — ветхозаветная история Адама, каноническое церковное песнопение (поется перед Великим постом на сыропустной неделе), а также один из самых распространенных в древнерусской профессиональной певческой традиции покаянных стихов с таким же названием.

Тема первородного греха оформилась в фольклоре сравнительно поздно, не ранее XVIII в.

Редкий вариант текста с ярким лирическим, плачевым началом.

Марко богатый («Был купец именитый Марко...»)

Материалы для истории г. Боровска и его уезда. С. 67—69.

Редкий образец развития в поздней фольклорной традиции темы бесребренничества. Забота о душе здесь ставится в прямую связь с идеалом нестяжательства и подаанием милостыни. Продолжение линии, идущей от стихов «Два брата Лазаря» и «Вознесение».

Стих о Борисе и Глебе («Со восточного держания...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 20—22. № 6.

Борис и Глеб — сыновья великого князя Владимира Святославича (ум. 1015 г.), убитые их старшим братом Святополком, который, став после смерти отца великим князем Киевским, захотел править единовластно (по разделу Борису достался Ростов, Глебу — Муром). Возвращавшийся из похода на печенегов Борис был заколот на реке Альте 24 июля 1015 г. Глеба,

спешившего в Киев по призыву Святополка для прощания с будто бы еще живым отцом, зарезали 5 сентября на реке Смядыне около Смоленска. Уже в 40-х годах XI в. Ярослав Мудрый добился канонизации своих братьев византийской церковью, а к концу века культ первых русских святых — невинноубиенных князей — получил на Руси широкое распространение. Вокруг гробниц братьев-мучеников в Вышгороде возникали легенды о чудесах, творимых Борисом и Глебом над слепыми, хромыми, убогими, а также над жертвами княжеского произвола и несправедливости. Их житие пользовалось очень большой популярностью и сохранилось более чем в 170 списках. Известны многочисленные житийные иконы Бориса и Глеба. Основные дни памяти по церковному календарю — 2 мая и 24 июля.

Несмотря на житийный сюжет и признаки эпического стиля, стих этот позднего происхождения (XVII—XVIII вв.). Он возник в старообрядческой среде и в упрощенном варианте изредка встречался в репертуаре калик и крестьян.

Дмитровская суббота («Накануне субботы Дмитровской...»)

Бессонов П. А. Калеки переходящие. Вып. 3. М., 1861. С. 673—675. № 165.

В названии субботы соединились имена Дмитрия Донского и его покровителя святого Димитрия Солунского, дню памяти которого предшествует эта суббота (между 18 и 26 октября). Она установлена для общецерковного поминовения павших в Куликовской битве воинов. Первый раз панихида была совершена в Троице-Сергиевом монастыре 20 октября 1380 г. Сергием Радонежским в присутствии Дмитрия Донского.

Стих создан не ранее XVIII в., сохранился в единственной записи.

«Перед самой-то было перед достойной...» — «Достоинство» — начало церковного песнопения и раздела литургии.

Киприян — митрополит всея Руси. В 1380 г. в Москве не

был и никакого участия в событиях Куликовской битвы, не принимал. Упоминание его в тексте связывает стих с одной из редакций «Сказания о побойще великого князя Дмитрия Ивановича», где усиленно подчеркивается руководящая роль Киприяна в действиях Дмитрия Донского.

Феодор, Давид и Константин Ярославские («Во славном во граде Ярославле...»)

Бессонов П. А. Калеки переходже. Вып. 3. С. 785—786. № 212.

Редкий в своем роде духовный стих с заключительным разговором от «зельных печали» (под ними могут подразумеваться разные житейские тяготы). По сюжету далек от событий жизни благоверного князя Феодора Смоленского и Ярославского чудотворца (ум. 1299 г.) и чад его Давида и Константина (день памяти — 19 сентября). Поздний стих (XIX в.), сохранился в единственной записи. Судя по тому, что в конце подставлялось имя, целся по заказу.

Покров («Подошли враги к царству Гречскому...»)

Бессонов П. А. Калеки переходже. Вып. 5. С. 64—65. № 440.

Праздник Покрова (1 октября), отразивший константинопольский культ ризы Богоматери, греческой церкви не известен. Он был установлен на Руси при князе Андрее Боголюбском в 60-х годах XII в. В основе его лежит предание о явлении Богородицы, окруженной сонмом ангелов и святых, в церкви во Влахернах — императорской резиденции в Константинополе, где хранилась риза Богоматери, ее головной покров и часть пояса, перенесенные из Палестины в V в. Она простерла над молящимися мафорий (омофор) и вознесла Господу молитву о спасении мира и избавлении человека от бед и страданий. В стихе покровительство Богородицы преподнесено как знаменье небесной защиты города от сарацин.

Сохранилась единственная запись этого стиха.

Александр Невский («Уж давно-то христианска вера...»)

Бессонов П. А. Калеки переходные. Вып. 3. С. 669—671.
№ 153.

Александр Ярославич Невский (ок. 1220—1263 гг.) — князь Новгородский (1236—1251 гг.), великий князь Владимирский с 1252 г. Победами над шведами в Невской битве 1240 г. и немецкими рыцарями в Ледовом побоище 1242 г. обезопасил западные границы Руси. Отношения с татарами, о которых говорится в стихе, в действительности были иными — мирными, дипломатическими: Невский не предпринимал выступлений против Золотой Орды. Путем переговоров (Невский несколько раз ездил в Орду) он добился освобождения русских от обязанности поставлять войска татаро-монгольским ханам. Пострижение и схиму князь принял перед самой смертью. Погребен во Владимире, в 1724 г. при Петре I останки Невского перенесены в Петербург. Канонизирован как русский святой, память отмечается 23 ноября.

Несмотря на стилизацию текста под старые «житийные» образцы, стих этот явно позднего происхождения. Сохранился в единственной записи.

Благодарение за милостыню («А мы, нищая братья...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 76—77. № 45.

Особый круг каличьего пения составляли нищенские стихи, по содержанию непосредственно связанные с жизнью, хождениями, «профессиональными» особенностями быта слепых невдов, а также с просьбами к ним людей помолиться за здравие или упокой близких, благополучие дома и хозяйства.

В некоторых из таких стихов, как в «Благодарении за милостыню», давалось развернутое оправдание посреднической деятельности калик и их связи со всей иерархией небесных сил, а потому молитва-заступничество за подающих на прощ-

такие приобретала особенно возвышенный и торжественный характер (стих мог петься как начальный или завершающий в работе каличьей артели на церковной паперти или торговой площади). В других содержалось краткое испрашивание подаяния, и благодаря своей простейшей функции такие стихи могли повторяться в разных вариантах между исполнением больших повествовательных, а также петься при пути или у ворот какого-нибудь дома.

«Кузьма со Демьяном...» — бессребреники и чудотворцы Косма и Дамиан Ассийские (III в.), святые целители. Почитаются покровителями святости и нерушимости христианского брака, устроителями супружеской жизни. День Космы и Дамиана — 1 ноября.

Благодарение за милостьню («Ай вы нуте-тка, ребята...»)

Русские народные песни, собранные П. Киреевским. С. 77. № 46.

У порога и под окошком («Господи Исусе Христе...»)

Бессонов П. А. Калекки переходже. Вып. 1. С. 26. № 10.

Стих за здоровье военного («Ай, должны мы Богу молиться...»)

Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Кн. 1. / Собраны И. Д. Фридрихом; Под ред. П. Шмита. Рига, 1936. С. 458—459. № 639.

На помин души («Помяни, Господи...»)

Синозерский М. А. Духовные стихи // Живая старина. 1895. Вып. 3—4. С. 449.

Молитва о благополучии скота («Трудничкам-рабам Христовым...»)

Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. С. 460. № 643.

Стих-молитва о здоровье и благополучии скота, певшийся нищими повсеместно, раскрывает особенности народного культа святых, которые в крестьянской среде трактовались и как покровители основной хозяйственной деятельности — земледелия и скотоводства. Канонизированные святые — мученик Флор (здесь — Фрол); Власий, епископ Севастийский; Анастасия; Василий Кесарийский, великомученик Никитий, Сергей Радонежский, великомученица Варвара и Георгий Победоносец — распределены по покровительству «животине» не всегда в соответствии с их официальными культами.

Молитва об урожае («Трудничкам-рабам Христовым...»)

Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. С. 460.
№ 642.

**Словарь архаизмов,
диалектных и малоупотребительных
слов и выражений**

Большина — первенство, старшинство. *Брать большину* — взять верх, победить.

Браная скатерть — вытканная узорами, украшенная вышивкой.

Булат — старинная узорчатая сталь высокой прочности и упругости, употреблявшаяся для изготовления холодного оружия.

Вежество — учтивость, вежливость, обходительность.

Вельми — очень, весьма, много.

Верста — мера длины, равная 1,06 км.

Вереск — пронзительный крик, крик с плачем, рев.

Вертеп — пещера.

Воблкать — *з д е с ь*: одевать.

Вознимать — *з д е с ь*: забирать.

Возрынуть — *з д е с ь*: бросить, кинуть вниз.

Волси, волсви — мн. число от волхв.

Воскошать — см. искосить.

Вострепехнуться — вздрогнуть, задрожать, встряхнуться, встрепенуться.

Вружить — пронзить оружием.

Всеужель — *з д е с ь*: всецело, полностью, весь.

Вскольбаться — всколыхнуться, начать колебаться, прийти в волнение.

Втай — тайно, скрытно.

Втапоры — тогда, в то время, в ту пору.

Гавливаться — от говеть: поетиться, воздерживаться от скоромной пищи, готовиться к исповеди и причастию.

Гимзеть — кипеть, копошиться.

Гридня — особое помещение или строение при древних княжеских дворцах, где проводил время князь с дружиной.

Деймон — демон, бес.
Дивий — лесной, дикий.
Довлеть — должно, надо.

Емлет — берет, забирает, хватает.
Ества — еда, пища, кушанье, блюдо.

Жадный — испытывающий жажду.
Жеребий, жребий — предмет с меткой для метания при решении о доле, судьбе.

Живот вечный — вечная жизнь.
Животочная вода — проточная, свежая.
Жид — еврей, иудей. По этимологии — «житель по ту сторону реки», что согласуется с легендарным преданием о приходе патриарха Авраама в Палестину из-за реки Евфрат.

Заблаговестить — сообщить добрую весть.
Завивь — запыстье.
Залом — надломленное место.
Замуравить — *з д е с ь*: закрыть, замуровать.
Загребить — истребить, уничтожить, погубить.
Здрящий огонь — *з д е с ь*: палящий, с большим пламенем.
Злачен — золотой, золоченый, покрытый позолотой.
Зык — резкий, очень громкий звук, голос; гул, шум,

Ижно — *з д е с ь*: это.
Излакать — выплакать, выхлебать, выпить.
Имение — имущество, собственность.
Ино — а, и, но, то, в таком случае, так, разве, только.
Искосить — скосить (о смерти, которая всегда изображалась с косою).
Исполать — (*з р е ч.* — на многие лета) — слава, хвала, спасибо.

Калика — паломник, странник; нищий, чаще слепой, собирающий милостыню пением духовных стихов.
Кладенка — доска или бревно, положенные через ручей, реку; перекладина.
Кладец — колодец.

Клас — колос.

Книжник — *з д е с ь*: толкователь законов; догматик, ханжа и лицемер.

Княжевинский, княженецкий — княжеский.

Копаруля — заступ, лопатка.

Косицатые окошечки — украшенные резными косяками или составленные из деревянных косяков-треугольников.

Кряжья — короткие толстые бревна.

Лезье — лезвие.

Лепота — красота, великолепие, приличие.

Ливан — ладан, пахучая смола.

Литургия — церковная служба, на которой совершается таинство Евхаристии (Причащение).

Ложница — ложе, постель.

Лузь — луг.

Мнение — от мнить: думать, полагать, воображать.

Мурзавецкий — татарский.

На возроае — на выросте, на воспитании.

Навыкать — привыкать.

Наставщик — *з д е с ь*: предводитель.

Налой — аналой: в православной церкви — высокий, с покатым верхом столик, на который кладутся книги, крест, иконы.

Наипаче — больше; больше чем.

Нагужливые годы — трудные, напряженные.

Не ожуренная милостина — *з д е с ь*: подавание от чистого сердца, не по принуждению; без оговорок и укоров.

Несведимый — неизвестный, непонятный, загадочный.

Обиход — *з д е с ь*: порядок, устав, положенное правило.

Облокать — покрывать чем-либо, облачать, одевать.

Обручной — обрученный.

Оглаживать — лишать пищи, заставить голодать.

Одалела — удалена, стоит поодаль, в стороне.

Окатистый жемчуг — см. скатный жемчуг.

Окорачиться — опуститься на четвереньки, осесть назад, подогнув ноги.

Окружные праздни́ки — церковные праздни́ки годового круга.
Омофор — парамник — часть архиерейского облачения.
Опалиться — разгневаться.
Опочив — сон, отдых.
Отборонить — защитить, отстоять, охранить.
Отженить — заставить уйти, изгнать, оттеснить, удалить.
Отдвинуться — *здесь*: отодвинуться, остаться в стороне.
Охлуп — гребень, конек на крыше деревянного дома.
Охочий — охотливый, имеющий желание.

Паперь — паперть.
Пастырь — пастух.
Паче — больше, сильнее, больше чем, превыше.
Пащиваться — поститься, воздерживаться от скоромной пищи.
Переставиться — преставиться, умереть.
Плащаница — полотно, которым обертывали тело умершего.
Поверстать — распределить, разделить, разверстать.
Поверменно — *здесь*: по установленному порядку, вовремя.
Подрог — *здесь*: кладбище, захоронение.
Подсумочье — небольшая сумка, которую носят на ремне через плечо.
Подтрусливый — от подтрусить, подтрушивать: слегка временами трусить.
Позатаркивать — от торкать: толкать, всовывать; *здесь*: за-талкивать, припрятывать.
Поиметь — *здесь*: соблюдать законные отношения.
Поленица — женщина-богатырь.
Помучать — смущать, мутить.
Поначать — полагать, надеяться.
Поприще — путевая мера длиной 1000 шагов; дневной переход.
Погешные острова — предназначенные для увеселения (чаще охоты) князя.
Погребить — расходовать, употребить в пищу, съесть.
Прелесть — оболъщение, обман, соблазн, заблуждение, дьявольские козни.
Прегуать — усердно, сильно налегать; рваться, громко лаять (о собаках).
Призреть — предусмотреть, уготовить; дать кому-либо приют и пропитание.
Присно — всегда, вечно.

Прободенный, пробожденный — проколотый, пронзенный.
Проворы — жерди в части изгороди, которые в случае надобности могут выниматься.
Промги — *з д е с ь*: обмывки, помои.
Пропасть — падаль, мерзость.
Прощаться — просить прощения.
Пытранётся — то же, что вострепехнется.

Раменье — густой лес; лес, соседящий с полями.
Рытый бархат — с выпуклыми узорами, очертания которых как бы вырыты в толще ворса.
Руда — кровь.

Сажень — мера длины, равная 2,134 м.
Самоволжесый — от волжаний, таволжаний: сделанный из прута таволги.
Сарачинское царство — от сарацины: арабы и другие народы Востока.
Сбруя — доспехи, вооружение.
Сивальник — длинная узкая полоса ткани, которой прежде пеленали младенца или обвивали поверх пеленок.
Сгаснуть — пропасть без вести, погибнуть без слуху.
Скара — шкура, кожа.
Скатный жемчуг — крупный, ровный, высшего сорта.
Смирна — благовонная смола, употреблявшаяся для курений в храме.
Сobleкать — совлекать, снимать, раздевать.
Сором — срам, срамное место.
Сосметить — *з д е с ь*: охватить умом, представить себе.
Соцеляться — делаться целым, исправляться; восстанавливаться.
Спорина — *з д е с ь*: жизненная сила. Вынимать спорину — колдовское действие.
Споряду — подряд, по порядку.
Спосуляться — предлагать дары, обещать выкуп.
Сродцы — родственники, родня.
Сряда — наряд, убор.
Становные жилы — т. е. главные, основные.
Старец — монах (независимо от возраста).
Стольник — смотритель за княжеским столом.

Талант — монета или от талант: счастье, удача, везение.

Татьба — воровство, кража, разбой.

Трудничек — подвижник, аскет, «трудящийся» в пустыне; тяжело больной.

Трясущая скорбь — лихорадка.

Тьма — от тма: десять тысяч.

Ублажнять — упрашивать.

Уложенные книги — относящиеся к уложению (уставу, закону).

Харатья — хартия, старинная рукопись, документ, а также материал, на котором они написаны (пергамент, бумага).

Хрущоба — от хрящ: крупный песок, образовавшийся из обломков твердых горных пород.

Цеплованье — следы на чем-либо от когтей, зубов.

Чашник — должностное лицо, ведавшее напитками для княжеского стола, прислужник.

Черенцы — от чересьё: мелкие палки, щепки; деревянные ручки инструментов.

Ярый воск — чистый, светлый, прозрачный.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Солощенко, Ю. Прокошин. «Словеса золотые»</i>	5
Голубиная книга («Восходила туча сильна, грозная...»)	34
Голубиная книга («Да с начала века животленного...»)	43
Егорий Храбрый («Во граде было в Иерусалиме...»)	49
Егорий, царевна и змей («Посторон святого града Иерусалима...»)	61
Сорок калик со каликою («А из пустыни было Ефимьевы...»)	66
Кирик и Улита («Ай же ты, Кирик младенец...»)	78
Федор Тирон («Во светлом во граде в Костянтинове...»)	85
Дмитрий Солунский («С первого веку начала Христова...»)	92
Чудо об Агриковом сыне Василии («Во славном во граде Тифлисе...»)	100
Аника-воин («Жил на земле храбрый человек Аника-воин...»)	104
Вознесение («Среди было теплого лета...»)	111
Вознесение («На шестой было на неделе...»)	113
Про Христа милостива («С пятницы на субботу на великую страстную...»)	115
Святитель Никола и нищая братия («Эх, да святитель наш Микола Христов...»)	117
Два брата Лазаря («Живал себе слава на вольном свету...»)	119
Два брата Лазаря («Жили да были два брата родные...»)	125
Алексей, человек Божий («Во славном было во граде во Риме...»)	128
Алексей, человек Божий («Во славном во городе во в Рыме...»)	138
Стих об Иосифе Прекрасном («Жил блажен муж Иаков Израиль...»)	142
Плач Иосифа Прекрасного («Кому повем печаль мою...»)	154
Иоасаф-царевич и пустыня («Во дальнейей во долине...»)	156
Иоасаф-царевич и пустыня («Расплакался млад юноша...»)	160
Про Марию Египетскую («Пошел старец молиться в лес...»)	163
Никола-Святитель («Святитель, отец ты наш Микола...»)	165

Рождество Христово («Во славном было городе Вифлееме...»)	166
Рождество Христово («Во городе в Вифлееме...»)	168
Об Ироде и о Рождестве Христовом («Дева Мати пречистая...»)	169
Стих о милосливой жене, милосердной («Милослива жена, милосердная...»)	171
Сон Богородицы («Во славном во городе в Ерусалиме...»)	173
Сон Богородицы («Мати Мария...»)	175
Хождение Богородицы («Ходила, походила Дева Мария...»)	176
Хождение Богородицы («Ходила, гуляла Святая Дева...»)	178
Стих о трех гробницах («На горе, горе, на Сионской горе...»)	179
Плач Богородицы («Во марте во месяце...»)	180
Страсти («Иже о Христе Иусе...»)	183
Страсти («В четверток, вечеру бывшу...»)	186
Страсти («Во городе во Руссе стоит церковь соборная...»)	187
Страсти («Единый лукавый был Вуда...»)	188
Двенадцать пятниц («Приидите, братия, послушайте...»)	189
Василий Кесарийский («Слава Василию Великому, кесаринскому чудотворцу!...»)	194
Стих о лени («Слово Иоанна Златоустого...»)	198
Стих о матерном слове («Вы, народ Божий, православный...»)	200
Стих о грешной матери («Писано было в Зеркале, книге Божьей...»)	201
Стих о грешной рабе и о ее праведной дочери («Жила была раба на вольном свету...»)	205
Стих о вдовах («По тому ли морю по Вассионскому...»)	207
Стих про Царицу Небесную («Сходила Царица Небесная со кругов небесных...»)	208
Святая Пятница («Во пустыне святой труженик трудился...»)	209
Стих о преподобном Макарии («А преподобныя Макарей...»)	211
Непрощаемый грех («Уж как каялся молодёц сырой земли...»)	213
Плач земли («Как расплачется и растужится...»)	214
Плач земли («Растужилась, расплакалась матушка сырая земля...»)	215
Свиток Иерусалимский («Во светлом граде Иерусалимове...»)	216

Расставание души с телом («По морю по синему по Хвалынскому...»)	221
Расставание души с телом («Два ангела, два архангела...»)	225
Плач души («Тужит-плачет душа наша...»)	227
Стих о душе грешной («Как на вольном свету душа царствовала...»)	228
Стих о грешной душе («У раю у пресветлого...»)	229
Стих о душе грешной («Жила душа грешная на вольном свету...»)	231
Стих о душе грешной («Жила душа грешная на вольном свете...»)	232
Стих о душе грешной («Что летят-то, летят Петр и Павловичи...»)	233
Стих о грех дарах («Проспали, продремали...»)	234
О житии человеческом («Знал бы я, ведал, человече...»)	235
Стих о смерти («Вы придите, братье, да послушайте писание...»)	236
Стих о смерти («Вечор я, мои братии...»)	238
Стих о смерти («Заведу я компанью...»)	239
Стих о смерти («Господи, Господи...»)	240
Об Адаме, житии человеческом и смерти («Адам народился...»)	241
Страшный суд («Было добро, да миновалось...»)	243
Страшный суд («Спустится на землю судья праведный...»)	246
Страшный суд («Ох ты, Матушка Владычица...»)	248
Страшный суд («Плачемся и рыдаем...»)	250
Страшный суд («Матушка Владычица просит...»)	252
Страшный суд («Выдй-ко, человече, на Сийнскую гору...»)	254
Страшный суд («От востока солища до западу...»)	256
Страшный суд («Воскреснет Небесный Царь...»)	257
О Страшном суде («Речейт к нам истинный Христос...»)	258
О Страшном суде («Проглаголет сам Исус Христос...»)	259
Об архангеле Михаиле и Страшном суде («Еще знал бы человек житие вкусу себе...»)	260
Об архангеле Михаиле и Страшном суде («А как жили мы были на вольном свету...»)	265
Встреча инока с Христом («Идет инок по дороге...»)	269
Стих о числах («Вы люди оные...»)	272
Плач Адама («Ой, раю мой, раю с рекою медвяной...»)	277
Марко богатый («Был купец...»)	279
Стих о Борисе и Глебе («Со восточного держания...»)	282

Дмитровская суббота («Накануне субботы Дмитровской...»)	286
Феодор, Давид и Константин Ярославские («Во славном во граде Ярославле...»)	288
Покров («Подошли враги к царству Грецкому...»)	290
Александр Невский («Уж давно-то христианска вера...»)	292
Благодарение за милостыню («А мы, нищая братья...»)	294
Благодарение за милостыню («Ай вы нуте-тка, ребята...»)	296
У порога и под окошком («Господи Иисусе Христе...»)	297
Стих за здоровье военного («Ай, должны мы Богу молиться...»)	298
На помин души («Помяни, Господи...»)	300
Молитва о благополучии скота («Трудничкам-рабам Христовым...»)	301
Молитва об урожае («Трудничкам-рабам Христовым...»)	302
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	303
<i>СЛОВАРЬ АРХАИЗМОВ, ДИАЛЕКТНЫХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ</i>	343

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ
XI—XIX вв.

Составители

**Лариса Федоровна Солощенко
и Юрий Сергеевич Прокошин**

Заведующая редакцией *Н. Буденная*. Редактор *С. Бессонова*. Художник *М. Решетько*. Художественный редактор *И. Сайко*. Технический редактор *Л. Беседина*. Корректоры *Т. Сёмочкина, А. Гомозова*

ИБ № 4782

Сдано в набор 26.07.90. Подписано к печати 18.01.91. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,4. Усл. кр.-отт. 15,75. Уч.-изд. л. 14,43. Тираж 45 000 экз. Заказ 1079. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

2 р. 50 к.

